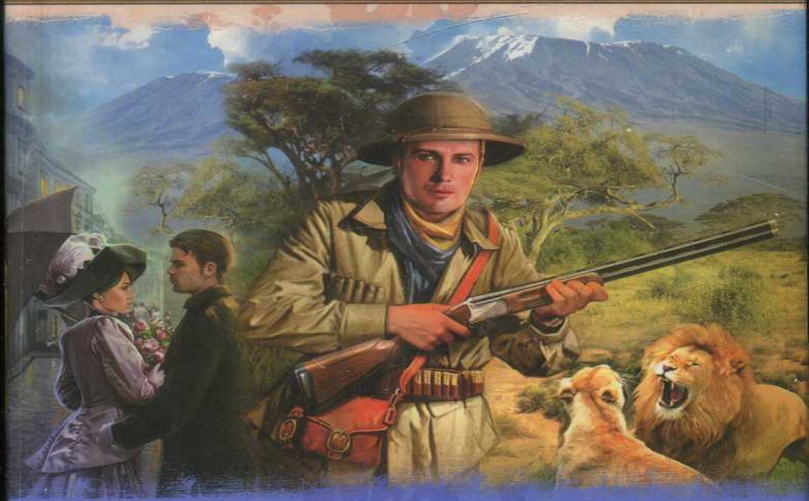
СОМЕРСЕТ МОЭМ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН



Покоритель Африки

Покоритель Африки
Сомерсет Моэм

Аннотация
Сомерсет Моэм. Покоритель Африки
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX

Глава XXI

Аннотация

«Покоритель Африки» — роман, написанный Сомерсетом Моэмом в 1907 году и впервые публикуемый на русском языке, — является одним из ключевых произведений раннего творчества писателя. В нем впервые появляются мотивы, которые впоследствии станут отличительными для Моэма — экзотическое место действия, острый сюжет и глубокий психологизм.

Печальная история Люси Аллертон, ее поклонника — путешественника, исследователя и настоящего джентльмена Алека Маккензи и ее нервного легкомысленного младшего брата Джорджа захватывает, удерживает в напряжении. Человеческая трагедия, угадываемая за перипетиями сюжета, завораживает своей подлинностью и неподдельностью.

Сомерсет Моэм
Покоритель Африки

Глава I

На море стоял мертвый штиль. Ни единого корабля, лишь силуэты чаек замерли над монотонно-серой водой. Хотя небо заволокли грозовые тучи, ветра не было. Вдали виднелась чистая линия горизонта. Столь же пустынный галечный берег был густо усеян спутанными пучками водорослей, а бесчисленные раковины крошились под ногами. Волноломы, призванные остановить неутомимую стихию, сгнили и позеленели от морской тины. Унылая, безрадостная сцена — но было в ней какое-то спокойствие; а мертвая тишина и неброские тусклые краски могли бы принести мир израненной душе. Однако мук одинокой женщины на берегу им было не смягчить. Она не шевелилась, ее уверенный взгляд смотрел в никуда. Природа не знает ни любви, ни ненависти; она улыбается всякому, у кого на душе легко; несчастного же делает печальнее. Какая горькая насмешка: рассудительный Эпикур, полагавший, что боги, свободные от человеческих страстей, живут в своих небесных дворцах, не зная печали, надежды и отчаянья, вдали от бурлящей челове-

ческой толпы, вошел в историю как приверженец необузданных удовольствий.

Впрочем, безмолвная гостья не нуждалась в утешении. Суровая гордость побуждала ее искать опоры лишь в самой себе, и даже когда невольная слеза тяжело скатывалась по щеке, она лишь нетерпеливо встряхивала головой. Глубоко вдохнув, женщина решительно приказала себе сменить тему размышлений.

Но нет, от ярких воспоминаний было не отвлечься. Разум ее, словно почтовый голубь, уносился на легких крыльях к иному берегу, а морская тишь напоминала совсем о другом море. Пролив Солент… Гладь залива вошла в ее жизнь с раннего детства, и вот теперь спокойные воды у самых ног неудержимо будили в памяти знакомые картины. Тихие волны омывали берега Гемпшира с очаровательной, нигде более не виданной настойчивостью, и пусть водному простору недоставало безграничного величия открытого моря, он был таким родным и привычным… К тому же пролив нес в себе частичку соленой свежести океана, и стоило окинуть его взглядом, дух сразу перехватывало от ощущения свободы. Иногда, сумеречными зимними вечерами Солент представал в ее памяти столь

же безжизненным, как раскинувшееся сейчас у ног Кентское море, однако воображение всегда наполняло его кораблями, спешащими то в родной порт, то в открытое море. Она любила их все до одного. Любила огромные пароходы, что пересекали океан с пассажирами и грузом, не боясь ни ветра, ни волн; ночами же, когда в темноте виднелась лишь длинная цепочка огней, ее завораживала мысль, что на борту тысяча человеческих душ, и они направляются в полную неизвестность. Любила пыхтящие паромчики, на которых окрестный люд отправлялся в Саутгемптон: кто за покупками, а кто с плодами фермерского труда на продажу; она дружила со всеми здоровяками-капитанами и обожала их неизменно важный вид. Любила рыбачьи лодки, что выходили в море в любую погоду, и элегантные яхты, проносившиеся по заливу с утонченной грацией. Любила тяжелые барки и бригантины, что скользили с торжественной легкостью под всеми парусами, ловя легчайшее дуновение бриза — они были как величавые птицы и неизменно наполняли ее душу радостью. Но больше всего она любила грузовые пароходы, которые с мрачным, несгибаемым упорством ползли из порта в порт — большей

частью угловатые и уродливые, потрепанные стихией, грязные или плохо покрашенные... И все же сердце ее принадлежало им, чья судьба казалась столь незавидной. Молодой капитан никогда не восхитился бы их элегантными обводами, и сердце его не забилось бы от случайного взгляда на вдруг наполненный ветром парус; ни один пассажир не похвалил бы их за скорость и красоту. Эти честные торговцы, трудолюбивые и надежные, смело встречали бурю и каждый день смотрели в лицо опасности, не жалуясь на судьбу. Она безошибочно улавливала в их скромном повседневном труде — романтику, а в молчаливом труде — красоту, и часто, наблюдая за пароходами, она представляла себе диковинные товары в их трюмах и долгие экспедиции к чужим берегам. Они обладали особым неуловимым обаянием, поскольку путешествовали по южным морям, где белые города с кривыми улочками безмолвствуют под синим небом.

Так и не сумев избавиться от нахлынувшей острой тоски, одинокая женщина повернулась и зашагала по тропе через болота. На сердце было по-прежнему неспокойно: ей чудилось, будто она узнает эти места: домик береговой охраны, низины, неглубокие канавы, среди которых про-

шла вся ее жизнь. Тут и там щипали траву овцы, а пара пасущихся рядом лошадей окинула женщину безразличным взглядом. Вяло помахивала хвостом корова. Беспристрастному наблюдателю ровные и однообразные берега Кента показались бы попросту скучными, она же находила их прекрасными. Побережье напоминало родной дом, который ей уже не суждено увидеть.

Именно к дому то и дело устремлялись мысли женщины. Прежде, скользнув где-то по самому краю, ум ее неизменно обращался к другим предметам; теперь же она полностью предалась воспоминаниям.

Аллертоны владели Хамлинс-Перлью три сотни лет, и надгробие, изображающее основателя династии вместе с двумя его женами в платьях с плоеными воротниками и жесткими лифами, до сих пор красовалось у алтаря приходской церкви. Скульптура работы итальянца, которого вместе с другими мастерами заманили в Англию строить капеллу Генриха VII, отличалась особой утонченностью Ренессанса и замечательно смотрелась в скромной англиканской церкви. На протяжении трех сотен лет Аллертонов отличали рассудительность, храбрость и достоинство, так что за это время стены церкви покрылись многочислен-

ными свидетельствами их доблестей и успехов. Они породнились с окрестными семействами, и по этим мраморным табличкам можно было составить полный список гемпширской знати. Маддены из Брайса, Флетчеры из Хортон-Парка, Донси из Мейден-Холла, Гарроды из Пенды — все они когда-то выдавали своих дочерей за Аллертонов из Хамлинс-Перлью; и Аллертоны из Хамлинс-Перлью точно так же выдавали девушек с богатым приданым за Гарродов из Пенды, Донси из Мейден-Холла, Флетчеров из Хортон-Парка и Мадденов из Брайса.

С каждым поколением Аллертоны становились все высокомернее. Своеобразное географическое положение выделяло эту семью из всех соседей. Гарроды, Донси и Флетчеры могли пешком ходить друг к другу в гости, Мадден же из Брайса, самый родовитый и богатый, а потому — уважаемый джентльмен во всем графстве, жил милях в семи-восьми, тогда как поместье Хамлинс-Перлью лежало на берегу моря, отделенное от остальных лесами. Его хозяева жили обособленно и потому отличались характером от прочей знати. Они находили повод для гордости в обширности собственных владений. Пусть немалая их часть состояла из солончаковых болот, а еще большая

из невозделанных пустошей, остальные были ничуть не хуже, чем у других землевладельцев Гемпшира, а общая площадь на бумаге смотрелась весьма внушительно. Однако главным поводом для самоуважения они считали уровень собственного развития. Ничто не питает гордость так сильно, как ум, и Аллертоны всегда почитали своих соседей невежами. То ли особое положение земли, где они родились и росли, выработало у них привычку к самонаблюдению, то ли что-то такое было у них в крови, но все Аллертоны интересовались умственными материями, которые никогда не беспокоили Флетчеров, Гарродов из Пенды, Донси, а также Мадденов из Брайса. Превосходные охотники, они скакали и стреляли наравне со всеми, но вдобавок читали книги и отличались остротой ума — сколь неожиданной, столь же и притягательной. Толстые окрестные сквайры считали Аллертонов светочами учености и за стаканом портвейна радовались, что среди них имеются люди, блестяще сочетающие благородное происхождение и мастерство наездника со здравым умом и энциклопедическими познаниями. Обстоятельства потворствовали тому, чтобы Аллертоны ценили себя чрезвычайно высоко.

Мало того что они поглядывали свысока на людей, с которыми сталкивались ежедневно — такое встречается часто, — но и сами эти люди с готовностью смотрели на них снизу вверх.

Аллертоны путешествовали по Европе с подобающим их положению шиком, а письма сыновей с описаниями Парижа, Вены, Дрездена, Мюнхена и Рима, а также важных особ, с которыми они водили компанию, бережно сохранялись в семейном архиве. Все они проявляли похвальный интерес к искусствам, и каждый непременно привозил с собой какие-нибудь прелестные вещицы, приобретенные за границей в соответствии с модой того времени. Красивую каменную усадьбу Хамлинс-Перлью украшали итальянские картины, французские шкафчики изысканной работы, всевозможные бронзовые изделия, гобелены и старинные восточные ковры. В садах, за которыми ухаживали с любовью, росли диковинные деревья и цветы, невиданные в других областях Англии. Каждый Аллертон с неуемной гордостью заботился о семейных владениях и почитал за высшую честь сделать их еще прекраснее и передать своему наследнику в еще большем великолепии.

Наконец Хамлинс-Перлью перешло в руки

Фреда Аллертона, и боги, столь долго допускавшие процветание этого дома, решили обрушить свой гнев на его обитателей. В характере Фреда Аллертона черты предков сложились каким-то особенным образом, приведшим к неожиданному краху. Аллертоны всегда отличались красотой, убедительностью в речах и удивительной широтой взглядов, и Фред был, пожалуй, самым симпатичным и уж точно самым очаровательным из всего рода. Однако свобода от предубеждений, позволявшая предкам обуздывать собственную гордость, выродилась у него в полнейшую беспринципность. Лишившись отца и матери в двадцать лет, он уже через год оказался хозяином обширных владений. Для всех, кто кормился с собственной земли, тогда наступили тяжелые времена, и Фред Аллертон оказался не столь богат, как его предшественники, однако с немалой расточительностью предавался удовольствиям. Единственный из всего семейства, он не жил в Хамлинс-Перлью постоянно, совершенно им не интересовался и лишь изредка приезжал поохотиться. Жил он большей частью в Париже, где в ранние годы Третьей республики еще сохранялись остатки имперского распутства, и быстро прославился мотовством и скандаль-

ными похождениями, Ему постоянно не везло, все предприятия оканчивались крахом, но он не терял всегдашней жизнерадостности. Фред хвалился, что проигрывал деньги во всех игорных притонах Европы до единого, и клялся, что сразу же бросил бы эти отвратительные скачки, если бы лошадь, на которую он поставил, выиграла хоть один забег. Его неотразимое очарование привлекало множество друзей, и он с безграничной щедростью одалживал деньги каждому встречному. Однако быть всеобщим любимчиком дороже, чем держать племенной завод, и вскоре Фреду Аллертону понадобились наличные. Не моргнув глазом он заложил свои земли и счастливо жил в роскоши, пока и эти деньги не подошли к концу.

В конце концов он вытянул из Хамлинс-Перлью все до последнего пенса и влез в долги, но все равно ездил на породистой лошади, жил на широкую ногу, одевался лучше всех в Лондоне и устраивал роскошные пиры. Вскоре он понял, что лишь удачная женитьба поможет ему поправить дела. Фред Аллертон был все еще весьма привлекателен и на собственном опыте знал, как легко говорить женщинам приятные вещи. В его голубых глазах горел особый огонек, убеждавший всякого в его добродушии. Нравом

Фред обладал веселым и энергичным. Он остановил свой выбор на мисс Боулджер, одной из двух дочерей ливерпульского промышленника, и сумел в кратчайший срок уверить ее в собственной любви. Неизменная убедительность Аллертона побудила ее ответить взаимностью на его страсть. Очевидно, вторая сестра тоже была от него без ума, и в кругу близких друзей Фред с уморительной прямотой жаловался на закон, который не позволяет жениться на обеих сестрах и заполучить сразу два состояния вместо одного. Он сочетался браком с младшей мисс Боулджер и из ее приданого заплатил по закладным на Хамлинс-Перлью, покрыл собственные долги и еще несколько лет жил припеваючи. Бедняжка в упор не замечала его недостатков и восхищалась мужем от всей души. Она полностью доверила ему управление своим состоянием и жалела лишь о том, что связанные с этим заботы постоянно держат его в столице. Женившись, Фред Аллертон ударился в коммерцию и решил, что у него есть деловая жилка, а потому с головой ушел во всевозможные финансовые махинации. Стоило одной авантюре закончиться крахом, он с энтузиазмом бросался в следующую, которая должна была его озолотить. Пятнадцать лет супружества

миссис Аллертон прошли в буйном веселье, которого Хамлинс-Перлью дотоле не видел. Фред привозил с собой удивительных персонажей, и знаменитая столовая, в которой столетиями велись как ученые, так и легкомысленные дискуссии о достоинствах греческих и латинских авторов, о величии итальянских мастеров, теперь наполнилась странными разговорами о биржах и акциях, компаниях, синдикатах, опционах и холдингах. Скоропостижно скончавшаяся миссис Аллертон понятия не имела, что муж спустил отложенные для детей деньги до последнего пенни, повторно заложил обширные угодья предков и по уши влез в долги. Она отошла с его именем на устах, благословляя тот день, когда они впервые встретились. У них родились сын и дочь. Когда мать умерла, Люси было пятнадцать, а ее брату Джорджу — десять.

Теперь Люси было двадцать пять. Это она, обратившись спиной к Кентскому побережью, медленно брела через болото, и прошедшие десять лет в одно мгновение промелькнули перед ее глазами.

Поначалу отец казался чудеснейшим человеком, и она обожала его со свойственным ребенку пылом. Мать она любила чуть меньше, однако

не делала между родителями различия, привязываясь то к одному, то к другому; отец же, с его неотразимым шармом и способностью к сопереживанию, совершенно покорил девочку. Люси обожала отца: с ним было так хорошо, так весело, что она ненавидела деловых партнеров, отнимавших у Фреда Аллертона много времени.

После смерти миссис Аллертон Джорджа отправили в школу, Люси же, под надзором гувернантки, жила в Хамлинс-Перлью со своими книгами, собаками и лошадьми. Понемногу она стала понимать, что отец, казавшийся ей воплощением рыцарского духа, на самом деле человек слабый, ненадежный и нечестный. Она гнала зловредные мысли прочь, сама обвиняла себя в бездушности, но череда мелких происшествий раскрыла ей глаза. С мучительным содроганием Люси поняла, что у них с отцом разные представления о правдивости. Он редко держал данное слово и был не особо порядочен в финансовых делах. Для нее же честность, правильность и точность во всех вопросах были чем-то самим собой разумеющимся; семейная гордость требовала вести дела в десять раз осторожнее, чем принято у обычных людей.

И вот из брошенных то тут, то там намеков

и бессознательных подозрений у нее наконец сложилась истинная картина жизни отца. Люси выяснила, что все земли до последнего клочка уже заложены, на мебель оформлены купчие, картины распродаются и, самое главное, все деньги, что мать передала в управление отца для них с Джорджем, уже растрачены. Фред же Аллертон по-прежнему жил в неумеренной роскоши.

Все эти обстоятельства открывались постепенно. Люси не у кого было спросить совета, и пришлось определять линию поведения самостоятельно. Она почти ничего не знала наверняка — лишь предполагала, и потому решила больше ничего не узнавать. Выясняя обстоятельства постепенно, она сумела приспособить к ним свое поведение. Фамильная гордость Аллертонов, которой необъяснимым образом был лишен Фред, нашла свое прибежище в Люси, и открывшиеся обстоятельства лишь усиливали ее. Люси с пылким безрассудством взращивала в себе эту гордость — единственную опору в минуту крушения идеалов. Она чтила предков, портреты которых смотрели со стен Хамлинс-Перлью. От них остались лишь лица и имена, но в воображении девушки предки представали живыми людьми, способными хоть как-то противостоять

отцовской слабости. Их честность, сила и добродетель должны были в конце концов пересилить необузданность одного-единственного человека. Еще она любила свой дом с его изысканной обстановкой, пышными садами и обширными, плодородными полями; сильнее же всего обожала дикие пустоши и прибрежные болота, обожала с особым, грустным и каким-то неистовым пылом — потому что рисковала их вовсе лишиться. Всю свою волю Люси обратила на то, чтобы сохранить дом для брата. Она мечтала зажечь его решимостью вырвать семейные угодья из рук чужаков, вернуть Хамлинс-Перлью исконную свободу.

Все надежды Люси связывала с Джорджем. Он мог вернуть в семью утраченное, ее же задача — подготовить его к решению этой благородной задачи. Брат рос, и она решила полностью оградить его от известий о пороках отца. Для Джорджа тот должен оставаться джентльменом.

Всю прежнюю дочернюю любовь Люси обратила на брата. Она с гордостью следила, как тот рос, интересовалась его делами, старалась заменить Джорджу умершую мать и недостойного отца. Ее стараниями Джордж по достижении нужного возраста был отправлен на учебу в Винчестер, Люси же интересовалась его успехами и пылко

поддерживала во всех начинаниях.

Былая любовь к отцу уступила место жалостливой нежности, и она изо всех сил скрывала эту перемену. Когда он приезжал, притворяться было несложно — она так и не научилась противостоять его обаянию; а вот когда Фред был в отъезде и не мог все объяснить, девушку охватывали ужас и возмущение. Никто об этом не знал, она же твердо решила не только разобраться в хитросплетении тяжких обстоятельств, но и скрывать положение вещей от других.

Неисчерпаемые денежные запасы Фреда Аллертона подошли к концу, и Люси теперь приходилось тщательно экономить. Снижая расходы где только можно, девушка жила крайне бережливо. Она ненавидела просить деньги у отца, а поскольку тот регулярно забывал выплачивать полагающееся ей содержание, Люси приходилось во многом себе отказывать. Едва повзрослев, она взяла в свои руки все работы по дому и научилась так вести дела, что никто и не догадался бы, как тяжело ей сводить концы с концами. Чувствуя, что близятся тяжелые времена, она продала лошадей и отпустила большинство слуг. При мысли, что с Хамлинс-Перлью придется расстаться, Люси охватил ужас. Она готова была на любые

жертвы — лишь бы сохранить родительский дом, даже если придется жить в полной бедности.

Становилось все тяжелее. Никто и представить не мог, на какие ухищрения шла Люси, чтобы удержаться на плаву, — она выносила все тяготы с неизменной веселостью. Никто из соседей, с которыми ее связывали узы родства и многолетняя дружба, даже не заподозрил, как ей страшно. Люси чувствовала, что им известно положение дел, однако держалась гордо и не давала повода для жалости. Отец все реже бывал дома и, казалось, избегал оставаться с дочерью наедине. Они никогда не обсуждали положение дел — с Люси он намеренно сбивался на всякие пустяки, лишь бы избежать серьезного разговора. В ее двадцать первый день рождения Фред шутливо упомянул о деньгах, которыми она теперь вправе распоряжаться, но сделал это в своей всегдашней несерьезной манере, и девушка не нашла в себе сил продолжить разговор. Впрочем, особого желания настаивать у нее и не было: ведь если он растратил деньги, то уже ничего не поделаешь, поэтому лучше и не знать наверняка. Несмотря на все завещания и прочие документы, она считала, что отец вправе распоряжаться этими деньгами, и решила избегать в поведении даже

намека на упрек.

Наконец наступила развязка.

Однажды — ей вот-вот должно было исполниться двадцать три — Люси получила телеграмму от старого друга матери Ричарда Ломаса: тот сообщал, что приедет на ленч. Она пошла на станцию встречать гостя, к которому испытывала искреннюю приязнь во многом из-за того, с какой нежностью относилась к нему мать. Теперь Люси любила ее куда горячее, понимая, что немного пренебрегала матерью при жизни. Дик Ломас был барристером. После двух безуспешных попыток он наконец прошел на последних выборах в парламент и уже успел снискать репутацию остроумного оратора — слегка прямоватого, но рассудительного. Дик был лишен зловещей серьезности и догматизма, свойственных его собратьям. Его здравый смысл не обращался в нудность, а остроумие — в нахальство. Он знал, когда следует промолчать, и если бы не чувство юмора, к наличию которого у политика в Англии относятся с подозрением, Дика ждало бы блестящее будущее. Он был жилистый, добродушный коротышка с острыми чертами лица и сверкающими глазами, не утративший жизнерадостности к тридцати семи годам.

Впрочем, в этот раз Дик был на удивление мрачен. Люси, удивленная внезапным визитом, прочла в его добрых серых глазах беспокойство и сразу поняла: что-то не так. Ее сердце забилось быстрее. Пожимая ей руку, Дик выдавил улыбку и заметил, что Люси прекрасно выглядит. Они медленно зашагали домой. Дик рассуждал о каких-то мелочах, а Люси растерянно перебирала в голове мысли: что же могло произойти? Дома их ждал ленч. Дик с энтузиазмом уселся за стол и нахваливал все, что ему подносили, однако почти не ел. Он словно хотел быстрее покончить с трапезой и в то же время не решался перейти к волновавшему его вопросу. Наконец они допили кофе.

— Прогуляемся в саду? — предложил Дик.

— Конечно.

После прошлого визита Дик прислал старинные солнечные часы, купленные в Вестминстере, и теперь Люси отвела его на место, для которого предназначалось это украшение. Они обсудили установку часов и молча зашагали бок о бок, не говоря ни слова. Дик нежно взял ее под руку, и Люси, не привыкшая к ласке, почувствовала комок в горле. Они вернулись в дом и теперь стояли в гостиной, по стенам которой были развешаны

главные сокровища: портрет кисти Рейнольдса, еще один — Хоппнера, восхитительный пейзаж Гварди — Большой канал в Венеции — и еще один портрет Гойи, на котором был изображен генерал Аллертон, сражавшийся с Наполеоном в годы Испанской революции. Дик окинул картины восхищенным взглядом и облокотился на камин.

— Люси, отец просил меня поговорить с тобой. Сам он слишком напуган.

Она молча подняла на него печальный взгляд.

— Последнее время удача совсем от него отвернулась. Твой отец гордится своей деловой хваткой, однако познания у него — как у ребенка. Он не лишен воображения и совершенно теряет чувство меры, когда пленяется какой-нибудь небывалой финансовой схемой.

Дик снова замолчал. Удар невозможно было смягчить, придется выкладывать все как есть.

— Он играл на бирже и жестоко просчитался: рассчитывал на рост акций железнодорожных компаний в Южной Америке, а рынок ударился в панику. Не знаю, удастся ли договориться с кредиторами: если нет, его объявят банкротом. Так или иначе, боюсь, Хамлинс-Перлью придется продать.

Люси выглянула в окно, но ничего не увидела.

Слезы застилали глаза. Она дышала быстро-быстро, стараясь прийти в себя.

— Я давно этого ждала, — наконец прервала она молчание. — Я отказывалась верить, гнала от себя эту мысль и все же знала, чем все кончится.

— Мне ужасно жаль, — растерянно пробормотал Дик.

Люси вдруг бросила на него яростный взгляд, краска залила ее щеки, но девушка сдержалась и не дала укору сорваться с языка — лишь разочарованно развела руками в полном отчаянии. Понимая, сколь жалко звучат слова утешения в минуту великой печали, Дик промолчал.

— А как же Джордж?

Джорджу было восемнадцать, и он заканчивал колледж в Винчестере, а со следующего семестра должен был отправиться в Оксфорд.

— Леди Келси берет на себя оплату университета, — ответил Дик, — а тебе предлагает пока что пожить у нее.

— У нас что, не осталось совсем ни пенса? — в отчаянии переспросила Люси.

— Полагаю, на помощь отца тебе больше рассчитывать не стоит.

Люси вновь замолчала.

Леди Келси была старшей сестрой миссис Ал-

лертон, которая вскоре после ее замужества вышла за состоятельного коммерсанта, ведшего дела с их отцом. Свою славную карьеру он увенчал тем, что уступил члену проигравшего выборы кабинета собственное место в парламенте, был удостоен за столь патриотический поступок рыцарского звания — и вскоре умер, оставив жену богатой и бездетной. Кроме Люси, у нее был еще один племянник — Роберт Боулджер, единственный сын покойного брата. Именно ему перешла по наследству фирма «Боулджер и Келси», так что все свои нежные чувства леди Келси направила на детей человека, которого искренне любила и который предпочел ей сестру.

— Я рассчитывал, что ты уедешь со мной, — сказал Дик. — Леди Келси ждет, а мне и подумать страшно, что ты здесь совсем одна.

— Я останусь тут до самого конца.

Дик вновь замялся. Ему очень хотелось чуть смягчить удар, однако сказать все равно придется.

— Дом уже продан Джаррету — помнишь, он как-то приезжал. Это брокер и по совместительству основной кредитор твоего отца. Вся обстановка пойдет с молотка на «Кристис».

— Что ж, тогда и говорить не о чем. — Люси

протянула Дику руку. — Прости, но до станции тебе придется идти одному.

— Разве ты не едешь в Лондон? — переспросил он.

Люси покачала головой.

— Хочу побыть одна. Прости, что так тебя выпроваживаю.

— Вовсе нет, моя милая. Благодаря тебе я точно не опоздаю на поезд, — сухо улыбнулся Дик.

— До свидания. Спасибо тебе.

Глава II

Пока Люси бродила по берегу, погруженная в тягостные воспоминания, ее старый друг Дик, поленившись составить ей компанию, разговаривал в гостиной Корт-Лейс с хозяйкой дома.

Миссис Кроули, американка, осталась в Англии после смерти мужа. Она искренне наслаждалась жизнью — и небезосновательно, поскольку была молода, красива и богата, да к тому же сообразительна и остра на язык. Рядом с ее изящной, миниатюрной фигуркой даже Дик Ломас — далеко не гигант — выглядел вполне внушительно. У миссис Кроули были самые крошечные ручки во всем мире. Черты ее были правильны и совершенны, кожа идеальна, а непринужденное изящество столь завораживало, что она казалась каким-то сказочным существом. Миссис Кроули выглядела чересчур утонченной для обычных житейских волнений, и трудно было поверить, что она слеплена из того же теста, что и обычные люди. Она обладала неестественной грацией изысканных дам с «Паломничества на остров Киферу» восхитительного Ватто, которым пристало

в светлых шелках прогуливаться по морскому берегу в лучах солнца под руку с остроумным кавалером. Говорить с миссис Кроули о чем-то серьезном было нелепо, в ее присутствии допускалось лишь легкомысленное подшучивание.

Миссис Кроули пригласила Люси и Дика погостить в доме, который только что сняла на продолжительный срок. Собственноручно потратив неделю, чтобы обставить его по своему вкусу, теперь она требовала, чтобы Дик восхищался каждой мелочью. Прогулявшись по парку, он заявил, что совершенно обессилел и не двинется с места до чая.

— Как вы отыскали это место? Здесь же настоящая глушь.

— Я познакомилась с владелицей, миссис Крэддок, в Риме, прошлой зимой. Узнав, что я ищу дом, она предложила мне свой.

— Почему она сама здесь не живет?

— Не знаю. Она, кажется, обожала своего мужа, который сломал на охоте шею, и теперь совершенно не выносит этих мест.

Миссис Кроули довольно оглядела гостиную. Поначалу все здесь выглядело необитаемым, но она быстро оживила дом цветами, фотографиями и серебряными украшениями. Ее красота рас-

цветала среди ситцевых штор и шератоновской мебели. В этой уютной комнате миссис Кроули выглядела очень естественно, платье смотрелось на ней превосходно и идеально вписывалось в интерьер. Дик пробежал взглядом по разбросанным всюду книгам.

— А эти литературные труды — они здесь ради чтения или разложены с благородной целью впечатлить меня серьезным складом мысли?

— Не думаете же вы, что я выжила из ума и пытаюсь впечатлить столь легкомысленную особу, как вы?

На столике, у самого его локтя лежали «Ревю де де монд»[1] и «Фортнайтли ревью»[2]. Дик пролистал их: в одном обнаружилась «Веселая наука» Ницше, который как раз входил в моду у светской публики и должен был в ближайшее время привлечь внимание ученых; второй же номер содержал работу соотечественника миссис Кроули Уильяма Джеймса.

— Восхищаюсь американскими женщина-

---

[1] Примечания: 1

«Ревю де де монд» — французский литературно-художественный журнал, издающийся в Париже с 1829 года. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Примечания: 2

«Фортнайтли ревью» — важнейший и влиятельнейший английский литературный журнал XIX века, основанный в 1865 году.

ми, — сказал Дик, откладывая журналы. — Они покупают постельное белье «Дусе» и жадно глотают Герберта Спенсера. Мало того, Спенсер им нравится. Англичанка, читая серьезную книгу, тут же чувствует себя ханжой, а чувствуя себя ханжой, сразу перестает носить корсет.

— Кажется, вы сделали мне комплимент, — отозвалась миссис Кроули, — но он столь тонкий, что не ухватишь.

— Лучшие комплименты порхают над головой, как бабочки вокруг цветка.

— Я предпочитаю пришпилить их булавкой за брюшко и закрепить крылышки полосками тонкой бумаги.

Стоял октябрь, но осень в том году задерживалась и едва тронула листья деревьев. На улице было тепло, однако миссис Кроули вечно мерзла, поэтому в гостиной горел камин. Она подбросила еще полено и уставилась на потрескивающие язычки пламени.

— Так мило с вашей стороны пригласить Люси, — вдруг сказал Дик.

— Отчего же нет? Люси мне нравится и прекрасно впишется в обстановку. Она словно сошла с портрета Гейнсборо, правда ведь? Хочу посмотреть на нее в этом георгианском особняке.

— С тех пор как они продали дом, девочка сама не своя. Для нее это сильный удар.

— А я купила их вещи и теперь чувствую себя настоящей свиньей.

Когда всю обстановку Хамлинс-Перлью продавали с аукциона «Кристис», недавно овдовевшей миссис Кроули еще было негде жить, и она купила пару картин и старых стульев. Американка привезла их в Корт-Лейс и теперь печалилась, что причиняет Люси новые страдания.

— Возможно, она их не узнала.

— Не говорите глупостей. Конечно же, узнала. Она вошла в эту комнату и сразу впилась глазами в Рейнольдса.

— Уверен, Люси рада, что картины достались вам, а не кому-то еще.

— Она ничего не говорила. Знаете, я обожаю Люси и восхищаюсь ею, но будь она не так замкнута, было бы куда проще. Никогда мне не понять эту вашу английскую манеру сидеть и сдерживаться, не подавая виду.

— Да уж, просто отдыхать в кресле куда приятнее.

— Я бы вернула Люси покупки, да только она оскорбится.

— Не обижайтесь. Люси пришлось нелегко,

и это отразилось на ее характере. Едва ли хоть кто-то представляет, что ей довелось пережить. С пятнадцати лет на ней было все семейство. Они продержались так долго исключительно благодаря Люси. Бедняжка так и не стала девушкой: сначала ребенок, потом сразу женщина.

— И что же, у нее совсем не было ухажеров?

— Полагаю, она не из тех, кого легко полюбить. Нужно быть изрядным смельчаком, чтобы нашептывать ей всякую приятную чепуху: уж больно глупо это звучало бы.

— В любом случае есть ведь Бобби Боулджер. Он наверняка просил ее руки уже раз двадцать.

Сэр Роберт Боулджер унаследовал от отца-промышленника титул баронета и тут же бросил к ногам Люси свое состояние, подкрепленное немалыми личными достоинствами. Его страсть для друзей давно уже не была секретом. Все они не раз выслушивали его торжественные заверения в вечной любви, которые Люси неизменно отвергала с ласковой улыбкой. Леди Келси прилагала всяческие усилия, чтобы объединить племянника и племянницу узами брака, который выглядел разумным со всех точек зрения. Бобби был в меру привлекателен, весьма богат, обладал отменными манерами — добродушный и милый юноша.

Возможно, ему недоставало характера — так ведь у Люси его хватило бы на двоих. Ведомый ее твердой рукой, Бобби имел все шансы занять достойное положение в обществе.

— Никогда не встречалась с мистером Аллертоном, — наконец заметила миссис Кроули. — Наверное, он ужасный человек.

— Напротив, я в жизни не встречал особы очаровательнее. Фред как никто в Лондоне умеет попросить сотню фунтов в долг с таким видом, словно сам делает одолжение. Вы бы влюбились в него, не успев завести свой любимый спор о биметаллизме.

— Никогда в жизни ни с кем не спорила о биметаллизме, — запротестовала миссис Кроули.

— Все женщины одинаковы.

— Почему же?

— Все влюбляются в Фреда Аллертона. Он точно знает, о чем завести речь, и всегда говорит — убедительнее некуда. По-моему, леди Келси любит его уже четверть века. Какое счастье, что закон, позволяющий сочетаться браком с сестрой умершей супруги, еще не принят — иначе он женился бы на леди Келси и спустил все ее состояние — как в первый раз. Он все еще очарователен и столь подкупающе честен на вид, что, уверяю вас,

устоять невозможно.

— Чем же он с тех пор занимался?

— Что ж, быть банкротом не особенно приятно, хотя я знавал людей, которые в этом статусе разъезжали в автомобилях и закатывали пирушки в «Карлтоне», причем чувствовали себя великолепно. Фреда же Аллертона разбирательства с временным управляющим, похоже, лишили последних остатков самоуважения. Он счастлив был избавиться от детей, заботы о которых с радостью приняла на себя леди Келси. Одному Богу известно, на что Фред живет последние два года, но он по-прежнему с головой в безумных финансовых схемах и неоднократно просил у меня на них деньги.

— Надеюсь, вам хватило ума ему отказать.

— Нет. Одно утешение: прямота у меня сочетается с добротой в нужной пропорции, и в итоге Фред всегда довольствовался пятеркой. Впрочем, боюсь, дела его все хуже. Нет уже той веселой живости, выглядит все хуже и несчастнее. Появилась в нем какая-то хитрость, словно Фред готов к предприятиям по меньшей мере сомнительным, а глаза так бегают, что оставаться в его обществе все неприятнее.

— Вы же не думаете, что он пойдет на мошен-

ничество? — быстро спросила миссис Кроули.

— Нет, я не верю, что ему хватит смелости взять к ветру круче, чем дозволяет закон. Кроме того, несмотря ни на что, где-то в глубине души я верю, что Фред — честный малый. Когда он уходит — меня одолевают сомнения, а при встрече противостоять его обаянию невозможно. Я верю каждому его слову.

Они заметили, что к дому направляется Люси. Дик Ломас встал у окна, а миссис Кроули неподвижно следила за девушкой из кресла. Оба молчали. На губах миссис Кроули играла сочувственная улыбка, ее сердце болело от жалости к бедной девушке, на долю которой выпало столько бед. Что-то шевельнулось в ее памяти. Женщина озадаченно задумалась и все же сумела ухватить ускользающую мысль. Перед ее глазами вдруг встала восхитительная «Диана» Джона Ферса из Национальной галереи в Миллбанке[3]. Миссис Кроули всегда ценила в этой картине не просто красоту и виртуозную кисть мастера, но и воплощение английского духа. Она, иностранка, с интересом наблюдала этот феномен и, будучи

[3] Примечания: 3

Имеется в виду картина Чарльза Веллингтона Ферса «Диана на холмах» из собрания Британской национальной галереи в лондонском районе Миллбанк.

человеком весьма начитанным, подвергала его сравнительному анализу. В портрете молодой женщины с двумя борзыми на поводке, в ветре северных пустошей, развевающем ее одежды, подчеркивая гибкую фигуру, миссис Кроули поразительным образом виделось продолжение традиций восемнадцатого века. Если Рейнольдс с Гейнсборо и их элегантные напудренные дамы в платьях с высоким корсажем под сенью тенистых рощ изображали Англию эпохи Просвещения: благовоспитанную и прекрасную, чуть вычурную и бездушную, то Ферс — это современная Англия. Англия, где превыше всего чистота: телесная и духовная; Англия, где любят открытый простор и не боятся дикой природы и буйства стихий. Миссис Кроули достаточно долго прожила на родине предков, чтобы понимать: это и есть настоящая Англия — простая и искренняя; чуть ограниченная и предвзятая, но зато сильная, смелая, преданная великим идеалам. Эта девушка, голубые глаза которой так искренне смотрят на зрителя, — истинная наследница дам сэра Джошуа Рейнольдса, но она принимает по утрам ванну, любит собак и носит практичную короткую юбку. Миссис Кроули с молчаливой усмешкой отметила, что эта Диана вряд ли сведу-

ща в английской литературе и наверняка впадает в тоску от Эмерсона, однако готова была простить мелкие недочеты столь поразительному воплощению могучего духа.

Вошла Люси, и хозяйка приветствовала ее кивком. Ей не хотелось прерывать столь приятных размышлений, и она отметила у Люси тот же прямой взгляд, что у «Дианы» Ферса, те же тонкие, нежные черты — свидетельство безупречной родословной, подчеркнутое здоровым образом жизни. Кожа девушки была безупречной, свежей — какая бывает у людей, не боящихся любой погоды. Ее яркие светлые волосы немного растрепались во время прогулки, и Люси направилась к зеркалу причесаться. Миссис Кроули с удовольствием отметила прямой нос и изящную линию губ. Девушка была высокой, сильной, но очень стройной, а очаровательная гибкость выдавала в ней отличную наездницу.

К удивлению миссис Кроули, лишь очень зоркий наблюдатель отметил бы, что на долю Люси выпали невиданные для ее сверстниц испытания. Всякий восхитился бы открытой улыбкой и дружелюбным взглядом девушки — но только зная о перенесенных невзгодах, увидел бы, что она уже женщина, а не ребенок. Давно легшая на плечи

ответственность наградила ее самообладанием и необыкновенной, хотя и скрытой за очаровательными манерами сдержанностью, которую отмечали, но не могли преодолеть даже самые близкие друзья. По-американски импульсивная миссис Кроули с присущей ей доброжелательностью пыталась прорваться сквозь этот барьер — безуспешно. Все внутренние терзания, всю боль, печаль, внезапное отчаянье и страстные надежды, а также приступы бурного гнева Люси скрывала глубоко внутри. Выставить чувства напоказ было для нее все равно что появиться перед гостями неодетой. Скромная и вместе с тем гордая, девушка скрывала свои переживания, не ожидая от других сочувствия.

— Звони, пусть подают чай, — сказала миссис Кроули, когда Люси поправила прическу. — Пока мистер Ломас не восстановит силы, он отказывается меня веселить.

— Вам понравился чай, что я присылал? — осведомился Дик.

— Весьма. Впрочем, я оскорблена: вы всегда присылаете так мало, что чая хватает лишь на время вашего визита.

— Посылка с чаем предваряет мои поездки в любую загородную усадьбу. На самом деле это

лучший чай в мире. По моему поручению отец отправился на его поиски в Китай, где провел семь лет. Вы ведь не будете утверждать, что он прожил жизнь зря?

Подали чай, и миссис Кроули спросила Люси о брате, который уже два года учился в Оксфорде.

— Вчера я получила от него письмо, — ответила девушка. — Кажется, у Джорджа все отлично, и в следующем году он закончит университет.

Глаза девушки весело сверкнули, и она, покраснев, извинилась за свою несдержанность.

— Знаете, я ведь с десяти лет воспитывала Джорджа и стала ему как мать. Меня так подмывает выложить вам, как он перенес корь и сколь мужественно вытерпел прививку.

Люси очень гордилась братом, обожала его миловидное лицо и открытую улыбку. Она изо всех сил пыталась оградить его от невзгод, которые сносила сама, и делала все возможное, чтобы ничто не мешало ему безмятежно наслаждаться жизнью. Люси временами корила себя за то, что потакает желанию Джорджа во всем на нее полагаться, и в то же время не могла отказать себе в таком удовольствии. Мальчик скоро возмужает — не страшно, если она пока о нем позаботится. Девушка наслаждалась пылкой любовью брата,

гордилась его безграничным доверием и уверенностью в правоте ее суждений, черпая в них силы справляться с трудностями. Люси все время думала о будущем и потому очень радовалась, видя, как обожают Джорджа его друзья. Каждый стремился ему помочь — отличное предзнаменование для уже намеченной карьеры.

Люси вдруг вспомнила последнюю встречу с братом. Летом они жили у леди Келси, на берегу Темзы. В тот день Джордж отправлялся к друзьям в Шотландию, а Люси уезжала раньше, с утра, и он пошел ее проводить. Тоскуя от предстоящей разлуки, она была тронута его печалью. На платформе Джордж поцеловал сестру, а в глазах его стояли слезы. Поезд устремился к Лондону, а он стоял и махал ей на прощанье — такой стройный и милый, совсем еще мальчик в белом костюме для крикета. Люси вдруг ощутила горячую благодарность: несмотря на все беды и несчастья, у нее есть Джордж.

— Вот бы он вырос хорошим стрелком, — невпопад добавила девушка, принимая от миссис Кроули чашку. — У нас в семье все отлично стреляли.

— Та еще семейка! — усмехнулся Дик. — Лучше бы он как следует считать научился.

— Да, считать тоже, — согласилась она.

Предполагалось, что Джордж займется делами фирмы, немалая часть которой все еще принадлежала леди Келси. Люси рассчитывала, что он заработает много денег, расплатится по долгам отца и, возможно, сумеет выкупить семейные угодья.

— Мне хочется, чтобы он был успешен в делах — ведь для Джорджа это теперь единственный путь — и стал превосходным охотником.

Люси стеснялась подробно описывать свои планы, однако в мечтах уже определила Джорджу славное будущее. В их семье все тяготели к вещам изысканным и утонченным — того же девушка желала и брату. Она представляла его преуспевающим дельцом — наподобие флорентийских купцов, благодаря которым ремесло торговца на многие века приобрело благородный ореол в глазах просвещенного человека. Джордж, как и они, будет заключать сложные сделки и богатеть, ведь богатство — самый верный путь к власти; при этом, как и они, будет ценить искусство и литературу, будет развиваться духовно, обладать безупречным вкусом и блистать в физических упражнениях. Его жизнь будет полна всем, что ценят мужчины, а обширные интересы привне-

сут в нее красоту и великолепие.

— Вот бы мне родиться мужчиной! — с улыбкой воскликнула Люси. — Мне остается только сидеть дома и понукать других, а так хочется чего-то добиться самой!

Миссис Кроули откинулась на спинку кресла и чуть одернула юбку, чтобы та лучше подчеркивала фигуру.

— А я рада, что родилась женщиной, — проворковала она. — Мне незачем привилегии пола, который я сама же с радостью называю «сильным». Пусть мужчины проявляют храбрость и благородство, защищают меня от тягот этого мира, заботятся и ухаживают за мной. Я безответственное создание, на мою требовательность невозможно злиться. Я легкомысленна и мила — как я могу кого-то раздражать? Пустое, это все нервы… Нет уж, лучше я останусь женщиной — слабой и беззащитной.

— Поразительный цинизм! — воскликнул Дик. — За мнимой беззащитностью прячется жестокость флибустьера, а ваша непосредственность — как пистолет, приставленный ко лбу со словами: «Кошелек или жизнь?»

— А вы удобно устроились, мистер Ломас, — перешла в наступление миссис Кроули. — Вас не

затруднит подать мне скамеечку для ног?

— Весьма затруднит. — Он, улыбаясь, не двигался с места.

— Прошу вас, — жалобно взмолилась она. — Мне так неудобно, и нога уже онемела. Не будьте столь жестоки.

— Не думал, что вы это серьезно. — Дик послушно встал и выполнил ее просьбу.

— Разумеется, не серьезно, — ответила хозяйка, едва он передал скамеечку. — Просто, зная вашу лень, я решила проверить, сумею ли поднять вас с места при том, что секунду назад предупредила: я женщина до мозга костей.

— А смогли бы вы проделать такое с Алеком Маккензи? — добродушно рассмеялся Дик.

— Боже, я и пытаться не буду. Помните, женщины инстинктивно знают, каких мужчин можно дурачить, и применяют свои уловки только к ним. Молва о всемогуществе женщины зиждется на здравом смысле, который подсказывает ей атаковать лишь ту крепость, чьи стены пришли в негодность.

— Выходит, во всякой женщине кроется жена

Потифара, но не во всяком мужчине — Иосиф[4].

— Для остроумного ответа грубовато, — не осталась в долгу миссис Кроули, — хотя доля истины тут есть.

Девушка с улыбкой слушала шутливую перепалку. В их обществе она утрачивала чувство реальности: миссис Кроули была чересчур изящна, а Дик — слишком эксцентричен, чтобы их можно было воспринимать как обычных людей. Люси чувствовала себя взрослой, вовлеченной в игру, где дети перекидываются сумасбродными репликами, словно строками в буриме.

— Вы вечно уклоняетесь от темы! — возмутилась девушка. — Не могу понять, как мистер Маккензи, который не подаст Джулии скамеечку, связан с женским сумасбродством.

— Не судите нас строго, — отозвалась миссис Кроули. — До его появления я буду легкомысленна, а потом сменю тон на подобающе величественный.

— Когда приезжает Алек? — осведомился Дик.

— С минуты на минуту. Я отправила за ним на

---

[4] Примечания: 4

Отсылка к истории Иосифа из библейской книги Бытия. Иосиф, попав в египетское рабство, был продан начальнику телохранителей фараона Потифару. Жена Потифара возжелала красивого юношу, а когда тот отверг ее ухаживания, обвинила в попытке насилия, за что Иосифа бросили в тюрьму. Подробнее см. Бытие, 39.

станцию экипаж. Вы ведь не дадите ему нагнать на меня тоску?

— Тогда зачем вы его пригласили? — расхохоталась Люси.

— По-моему, Алек мне нравится. Он восхитительный и вообще благотворно на меня действует. К тому же он здесь по просьбе мистера Ломаса, да и в бридж играет превосходно. Думаю, будет интересно. Одно меня смущает: когда я говорю что-то умное, Алек никогда не смеется, а стоит сказать глупость — всегда смотрит так пристально…

— А вот я — смеюсь, стоит вам сказать что-то умное, — заметил Дик.

— Вовсе нет. Просто вы так искренне хохочете над собственными шутками, что я быстренько вставляю свою и тешу себя мыслью, что вы смеетесь именно ей.

— А тебе, Люси, нравится Алек Маккензи? — спросил Дик.

Девушка на мгновение задумалась.

— Не знаю. Временами я нахожу его неприятным, но, как и Джулия, искренне им восхищаюсь.

— Алек и вправду выглядит грозно, — заметил Дик. — Он непростой человек, не терпит в людях

неестественности и пугает тех, кто его плохо знает.

— Он твой лучший друг?

— Да.

Дик помолчал.

— Мы знакомы уже двадцать лет, и Алек — замечательнейший человек из всех, кого я знаю. Быть его другом — великая честь.

— Не замечала, чтобы вы обращались к нему с каким-то особым уважением, — заметила миссис Кроули.

— Боже упаси! — воскликнул Дик. — Мой единственный шанс — постоянно над ним подшучивать.

— А он с беспрецедентным добродушием выносит ваши насмешки.

— Я не рассказывал, как мы познакомились? Это случилось на глубине в пятьдесят саженей по меньшей мере в тысяче миль от берега.

— Не лучшее место для знакомства!

— Вдобавок мы оба насквозь промокли. Я тогда по молодости валял дурака перед отправкой в Оксфорд, и мудрый папаша послал меня в Америку набираться ума-разума. Я упал за борт и стал тонуть, но Алек прыгнул вслед и вытащил меня за волосы.

— Теперь ему нелегко пришлось бы, — заметила миссис Кроули, намекая на редеющую шевелюру Дика.

— Поразительно, но он до смешного мне благодарен. Словно я оказал ему услугу и плюхнулся в Атлантический океан с единственной целью — позволить себя спасти.

Едва эти слова сорвались с губ Дика, к воротам Корт-Лейс подкатил экипаж.

— А вот и он! — радостно воскликнул Дик.

Дворецкий, распахнув дверь, объявил о приходе гостя, и в гостиную вошел Александр Маккензи.

Он был чуть ниже шести футов ростом, ладно сложен и на первый взгляд не выделялся исключительной силой. Однако крепкие руки и полное отсутствие лишнего веса намекали на недюжинную выносливость. Темные волосы подстрижены очень коротко, а рыжеватые усы и бородка скрывали квадратный подбородок и решительный изгиб рта. Небольшие глаза обладали странной способностью неподвижно впиваться в заинтересовавший объект. Во время разговора Алек не поглядывал по сторонам, а смотрел прямо на собеседника, что некоторых слегка раздражало. У него была мерная походка путника, способного покрыть за день немалое

расстояние, а уверенное поведение выдавало человека, привыкшего командовать. Кожу Алека покрывал тропический загар.

Миссис Кроули с Диком беззаботно болтали, гость же явно не привык к пересудам и сразу погрузился в молчание. От чая он отказался, однако хозяйка все равно налила еще чашку.

— Можете не пить. Просто держите ее в руке. Терпеть не могу людей, которые во всем себе отказывают. Мой дом не место для умерщвления плоти.

Алек мрачно улыбнулся:

— Разумеется, я выпью, если вам так хочется. В Африке я привык есть два раза в день, да так и не отучился — хотя друзьям это и причиняет неудобства. — Он посмотрел на Ломаса. Губы его не дрогнули, однако в глазах загорелся нежный и немного лукавый огонек. — Вот Дик — тот ест слишком много.

— Боже милосердный, да я вообще единственный нормальный человек во всем Лондоне. Ем три раза в день и не отказываю себе в удовольствии выпить чая. Болезнями не страдаю, совершенно здоров. Никаких причуд у меня нет: я не грызу орехи, как белка, не клюю виноград, словно птица, и не верю в пепсин, протеин и

прочую чепуху. Я хищник, а не вегетарианец; я пью, когда хочу пить, при этом сознательно предпочитаю алкоголь.

— Сегодня за ленчем мне подумалось, — заметила миссис Кроули, — что удовольствие, с которым вы поглощаете ростбиф, — признак грубой и бесстрастной натуры.

— Я наслаждаюсь вкусной едой наряду с другими радостями жизни и потому с уверенностью смотрю в будущее.

— Почему же? — спросил Алек.

— Потому что, когда человек стареет, ему остается лишь наслаждаться едой. Любовь? Какая любовь в пятьдесят пять, когда позорную лысину уже не скроешь! Честолюбие? Оно уходит, стоит лишь понять, что почести — удел наглых, а слава — крикливых. В конце концов, все мы достигнем возраста, когда всякая страсть кажется суетной, а всякое желание не стоит затраченных усилий — и вот тогда-то у человека с хорошим аппетитом останутся целых три радости: завтрак, обед и ужин.

Алек не спускал с друга глаз. Он привык видеть в Дике взбалмошного мальчишку, который несет чепуху просто ради смеха. Точно так же — умиленно, но свысока — сенбернар наблюдает за

забавными трюками тойтерьера.

— Прошу, скажи хоть что-нибудь! — с ноткой раздражения воскликнул Дик.

— По-моему, ты ждешь, чтобы я возразил. Но зачем? Ты говоришь полную чушь: от первого до последнего слова. Но если тебе нравится нести чепуху — я не возражаю.

— Мой дорогой Алек, стальной кулак неуместен в дружеском разговоре. Что это за игра, когда у одного бирюльки, а у другого кувалда?

Люси молча разглядывала гостя, откинувшись на спинку кресла. Два месяца назад Дик пригласил их с миссис Кроули на ленч и познакомил с Алеком, который только-только вернулся из Момбасы. С тех пор они виделись довольно часто, однако Люси чувствовала, что знает о нем ровно столько же, сколько и в первый день, и все не могла понять, нравится ей Алек или нет. Удачно, что он задержится в Корт-Лейс — теперь-то она по-настоящему с ним познакомится: дело явно того стоило. Языки пламени отбрасывали на лицо Алека мрачные тени, придавая ему властный и непреклонный вид. Гость не замечал, что за ним следят, — он вообще никогда не замечал, что вызывает всеобщее внимание.

Люси рассчитывала расспросить о его делах:

как прошлых, так и нынешних. Сама мечтая о великих свершениях, девушка жаждала услышать рассказы Алека, тем более что его жизненный путь усеивали загадочные лакуны, которых она не могла заполнить с чужих слов. Он мало кого знал в Лондоне, зато почти весь город знал его с той или иной стороны, причем все были на редкость единодушны во мнении. Алек считался непревзойденным знатоком Африки. За пятнадцать лет он побывал везде, в том числе там, где не ступала нога белого человека, однако ничего не писал о своих приключениях: отчасти из равнодушия к хронике собственных свершений, отчасти от природной скрытности и нежелания пересказывать свои подвиги всем и вся. Ему была свойственна инстинктивная сдержанность и стремление держать открытия при себе. При том, что деяния Алека были неизвестны праздной публике, специалисты ценили их крайне высоко. Его сообщения слушали в Географическом обществе с чрезвычайным интересом (хотя побудить Алека к выступлению стоило немалых усилий), а статьи время от времени появлялись в журнале «Нейчер» и различных этнографических изданиях — в них кратко сообщалось о каком-нибудь открытии или важном наблюдении. Время от времени

он выступал в министерстве иностранных дел с докладами о странах, в которых побывал, причем Люси доводилось слышать, что власти ценят его за исключительную проницательность.

Она припомнила все, что знала о госте.

Алек Маккензи был весьма состоятельным человеком. Он происходил из старинной шотландской семьи и владел прелестной усадьбой в горах на севере, однако основной доход ему приносила угольная шахта в Ланкашире. Потеряв родителей еще в детстве, к совершеннолетию он стал еще богаче. От дяди ему досталось ранчо на Диком Западе, желая осмотреть которое Алек и покинул Англию в первый раз — в промежутке между Итоном и Оксфордом. Тогда-то и состоялось его знакомство с Ричардом Ломасом. Возможно, залогом столь тесной дружбы стала именно их непохожесть: безудержная энергия одного уравновешивалась беззаботностью другого. Закончив Оксфорд, Алек ненадолго отправился поохотиться в Африку и пленился загадками великого континента. Иногда новое место кажется неожиданно знакомым, и мы убеждаем себя, что уже бывали там прежде, — так и Алек вдруг почувствовал себя как дома на бескрайних просторах Африки. Когда перед глазами раскину-

лась бескрайняя пустыня, он ощутил радостное возбуждение, словно внутри проснулась сила, о которой он раньше не подозревал. Не считая себя честолюбивым, он тем не менее оказался охвачен честолюбием; будучи чужд поэзии, вдруг ощутил, как бурлит в жилах поэтический зов бродячей жизни. К проявлениям романтики Алек всегда относился с присущей здравомыслящему шотландцу насмешкой — как вдруг романтическая волна увлекла его куда-то в неведомое море.

По возвращении в Англию Алека охватило необычное беспокойство. Его не занимали охотничьи трофеи, которыми гордились друзья; мир казался тесным и ограниченным, воздух в городах — затхлым.

Кровь бурлила в жилах, когда он читал захватывающие книги об исследованиях Африки. Все началось с Мунго Парка — тоже шотландца, который хотел отыскать исток Нигера и пройти по его берегу до самого устья. Он рисковал жизнью, не страшась ни жары, ни свирепых дикарей, ни коварных магометан, и добрался до верхнего течения великой реки. В ходе второй экспедиции Парк собирался пройти по ней до самого моря. Часть его спутников сгубили болезни, другую перебили туземцы — никто не вернулся. От Мунго

Парка осталась лишь книга, обнаруженная британскими путешественниками в хижине одного африканского вождя.

Затем Алек прочел о поисках Тимбукту — мечты всех исследователей девятнадцатого века. Этот город овладел их умами подобно тому, как влек путешественников елизаветинской эпохи Эльдорадо с золотым городом Маноа. Тимбукту считали столицей богатого и могущественного государства, и пылкие умы рассчитывали обнаружить в нем невиданные чудеса. Однако гнала их вперед не жажда наживы, а неуемное любопытство и безрассудная смелость. После множества отчаянных попыток до города добрался еще один шотландец — Александр Гордон Ленг. Его успех стал символом суетности подобных предприятий, ведь легендарный золотой город оказался заурядной деревушкой.

Изучая жизнеописания великих исследователей, Алек обнаружил, что лучшие из них отправлялись в путь без всякой армии, лишь с небольшими отрядами, а то и вовсе в одиночестве, а успех предприятия зависел не от физической силы, а от силы духа. Майор Дарем, ветеран Испанской революции, первым из европейцев пересек Сахару. Капитан Клаппертон

и его слуга Ричард Ландер первыми прошли от Средиземного моря до побережья Гвинеи. Клаппертон умер в конце пути, и Алек видел нечто возвышенное в том, как его преданный слуга Ричард Ландер продолжил дело хозяина и в конце концов разгадал загадку Нигера. Он завершил великое дело и тоже умер от причиненных туземцами ран — у самого устья реки, вдоль которой так долго шел. Ни один из первых покорителей Африки не вернулся живым. Эти отчаянные, но вовсе не безрассудные люди осознанно шли на риск. Неизвестность манила их слишком сильно, а смерть казалась пустяком в сравнении с успехом задуманного предприятия.

Больше других Алека Маккензи интересовали двое: славный и загадочный Ричард Бертон, сам по себе заслуживавший восхищения даже больше, чем его свершения; и величайший исследователь Африки Ливингстон. Было в характере благородного шотландца что-то особенно трогательное. Маккензи редко чем-то всерьез увлекался, но многое отдал бы за знакомство с этим человеком. Алека странным образом волновала мысль об одинокой кончине Ливингстона и о его могиле в самом сердце любимого путешественником Черного континента. На ней вполне

можно было бы начертать ту же эпитафию, что и на надгробном камне сэра Кристофера Рена[5].

Наконец Алек дошел до трудов Генри Стэнли. Этот человек вызывал не восхищение, не любовь, а беспристрастное уважение. Ему невозможно было отказать в величии. Стэнли был фигурой наполеоновского склада, умел подчинить всё цели и беспощадно сражаться ради ее достижения. Из его интереснейших записок можно было многое почерпнуть, и Алек изучил их с присущей ему тщательностью.

Покончив с чтением, Алек решился. Он нашел свое призвание.

Он не стал посвящать друзей в еще не продуманные планы, а принялся между делом разыскивать людей, которых мог бы порасспросить. Наконец он отплыл в Занзибар и отправился в первое путешествие — попробовать свои силы. Через месяц Алек заболел, и в миссии, куда его доставили носильщики, думали, что путешественник не выживет. Проведя десять недель между жизнью и смертью, он не сдался. Алек настоял, чтобы его переправили обратно на побережье, а там

---

[5] Примечания: 5

Выдающийся английский архитектор Кристофер Рен похоронен в построенном им лондонском соборе Святого Павла. Эпитафия на могильной плите гласит: «Если ищешь памятник ему, оглянись вокруг».

победил болезнь могучим усилием воли. Подходящее время для экспедиции было упущено — пришлось возвращаться в Англию. Любой на его месте опустил бы руки, Алек же лишь укрепился в своих намерениях. Смертоносный африканский климат стал ему личным врагом, которому Маккензи отказывался уступать. Он вынес из первой поездки необходимый опыт и, вернувшись в Англию, приобрел кое-какие знания медицины и других наук, необходимых путешественнику. Обладая потрясающей способностью погружаться во что-то с головой, он за год упорного труда освоил ботанику, геологию и основы картографии; изучил методы лечения тропических болезней и приобрел достаточно познаний в хирургии, чтобы вылечить сломанную конечность и провести несложную операцию. Чувствуя, что готов к серьезному предприятию, Алек в этот раз планировал выступить в путь из Момбасы.

Вот все, что было известно Люси: частью из собственных размышлений, а частью по рассказам Дика. Именно он дал девушке «Журнал королевского географического общества» с отчетом о пятилетних скитаниях Алека Маккензи. Исследованные им страны сформировали впоследствии

Британскую Восточную Африку.

Размышления девушки прервал звонок к ужину.

Глава III

Сразу после ужина сели за бридж. Миссис Кроули считала беседу высоким искусством, которому нельзя предаваться, пока тело занято перевариванием пищи. Для нее игра в карты была приятным способом отвлечься и подготовиться к словесному поединку, который может последовать за утолением телесных потребностей. Люси выбрала в партнеры Алека Маккензи и следила за ним, когда приходила ее очередь выложить карты на стол. В отличие от Дика, не умолкавшего ни на секунду, Алек полностью отдавался игре и не ослаблял внимания. Остроумные замечания Дика он пропускал мимо ушей. Понемногу партнер стал занимать Люси куда больше, чем сама игра. Девушку поразили его сосредоточенность и энергия, а также удивительная способность: он словно знал, у кого какие карты, уже в начале каждого розыгрыша. Еще Люси отметила, что он с особенным увлечением ведет игру за себя и за партнершу: человека, привыкшего заботиться обо всем самому, тяготило любое разделение ответственности.

Доиграв роббер, Дик раздраженно откинулся на спинку кресла.

— Не понимаю! — воскликнул он. — Я играю гораздо сильнее тебя, и карты у меня лучше, а все взятки — твои!

Дик и правда считался превосходным игроком, так что его досаду можно было понять.

— Мы нигде не ошиблись, — заверил он партнершу, — расклад оказался удачный, однако ни одна наша хитрость не сработала. — Он обратился к Алеку: — Как ты, черт побери, догадался, что у меня две дамы?

— Я ведь знаком с тобой двадцать лет, — улыбнулся Алек. — Я знаю, что ты эмоционален и импульсивен, но при этом проницателен. Я знаю, что ты быстро соображаешь, легко рассчитываешь сложные комбинации — и так радуешься своей предусмотрительности, что играешь, словно рассчитанные тобой варианты обречены воплотиться в жизнь. На основании этого несложно уже после пары взяток понять, что у тебя за карты.

— Знать карты противника — это что-то сверхъестественное, — заявила миссис Кроули.

— Многое можно прочесть по лицу. Этому я научился в Африке. Туземцы там гораздо чаще лгут,

чем говорят правду, поэтому быстро привыкаешь следить не за тем, что они говорят, а за тем, как при этом выглядят.

Пока миссис Кроули поудобнее устраивалась в полюбившемся ей кресле, Дик отошел к камину и загородил его от собравшихся в комнате.

— Почему вы впервые решили отправиться в Африку? — вдруг спросила хозяйка.

Алек медленно поднял на нее свой пристальный взгляд и улыбнулся:

— Не знаю. У меня была куча денег и совершенно нечем заняться.

— Неправда, — вмешался Дик. — Один сумасшедший мечтал отыскать какую-то страну, куда еще не ступала нога человека — да даже если бы и ступила, то ненадолго: кого не прикончат дикари, добьет местный климат. Назад он вернулся полумертвый от лихорадки и, заверив всех и вся, что из владений Рофы никому не вернуться живым, тут же испустил дух. Алек, разумеется, сразу собрал чемоданы — и прямиком туда.

— Я доказал, что он был не прав, — спокойно отозвался Алек. — Мы с Рофой подружились, и будь у меня сестра, он был готов на ней жениться.

— А если бы кто-то заявил, что невозможно

проскакать через всю Азию на одной ножке, ты тут же отправился бы доказывать обратное. Ты обожаешь браться за дела трудные и опасные — а если они вовсе не выполнимы, так чуть не пляшешь от радости.

— Уж чересчур театральный образ, — улыбнулся Алек.

— Но ты такой и есть. В жизни не встречал более мелодраматического персонажа. — Дик обратился к дамам с приглашающим жестом. — Призываю вас в свидетели. В Оксфорде Алек был настоящим докой по части классики, писал стихи на разных языках, которые одни профессора понимают. Ему пророчили будущее величайшего ученого.

— Одна из любимых историй Дика, — заметил Алек. — Жаль, что в ней нет ни слова правды.

Но Дик продолжал:

— С другой стороны, в математике он был совершенно беспомощен. Знаете, бывают люди, которым не дано справляться с цифрами, — так вот Алек не мог два и два сложить, чтобы не получился гекзаметр. Как-то раз преподаватель на него разозлился и заявил, что проще обучить арифметике кирпичную стену. Я при этом присутствовал — ужасно грубо получилось. У этого

преподавателя был настоящий дар выставлять других совершенно никчемными. Алек ничего не сказал — только посмотрел на него. Надо сказать, когда Алек злится, он не краснеет и не швыряет все, что под руку попадет, как обычные люди, — он чуть бледнеет и смотрит так пристально…

— Умоляю вас, не верьте ни единому слову! — запротестовал Алек.

— И вот Алек забросил классиков. Все друзья пытались его переубедить, взывали к здравому смыслу — к здравому смыслу упрямейшего из ослов всего христианского мира! Алек решил стать математиком. Два с лишним года он по десять часов в день трудился над предметом, которого терпеть не мог, и могучим усилием воли приобрел то, чего был лишен от природы. Он получил по математике высший балл — и что толку?

Алек пожал плечами:

— Не то чтобы я так уж интересовался математикой. Просто она помогла мне одолеть одно неприятное слово.

— Одолеть слово?

— Звучит самоуверенно, — усмехнулся Алек, — но речь о слове «невозможно».

Дик фыркнул, изображая гнев.

— А еще она обеспечила тебе любимое удовольствие: делать себе как можно больнее. С какой дьявольской веселостью ты занимался бы умерщвлением плоти в Средние века, отказывая себе во всех радостях жизни! Ты счастлив, только когда доводишь себя до последнего предела.

— С каждым моим возвращением в Англию ты, Дик, все чаще и чаще несешь чепуху, — сухо отозвался Алек.

— Я один из немногих ныне живущих, кто умеет нести чепуху, — рассмеялся тот. — Потому я так очарователен, тогда как остальные убийственно серьезны.

Он приступил к давно заготовленной речи:

— Я сожалею, что мир так суров. Многие полагают, что действовать — похвально само по себе, вне зависимости от сути действия. Мне ненавистна нынешняя безумная спешка. Ах, если бы я мог донести до всех, сколь восхитительна праздность.

— Едва ли вас можно обвинить в праздности, — улыбнулась Люси.

Дик задумчиво посмотрел на девушку.

— Ты знаешь, что мне уже почти сорок?

— Когда свет падает на глаза, можно и тридцать два дать, — заметила миссис Кроули.

Он продолжил с серьезным видом:

— У меня ни единого седого волоска.

— Наверное, слуга выщипывает их по утрам?

— Вовсе нет. Может, по бокам, да и то раз в месяц.

— Кажется, на левом виске что-то белеет.

Дик быстро обернулся к зеркалу.

— Как же Чарльз его пропустил? Устрою ему хорошую взбучку!

— Подойдите, я его выдерну, — предложила миссис Кроули.

— И не подумаю! Что за фамильярность?

— Ты собирался нам что-то сообщить и признался, что тебе почти сорок, — напомнил Алек.

— На днях одна мысль поразила меня так, что заставила задуматься о собственной жизни. Я уже пятнадцать лет тружусь в суде и заседаю в парламенте с прошедших выборов. Я зарабатываю две тысячи в год, скопил уже почти четыре тысячи и никогда не трачу больше половины общего дохода. И вот я подумал: а стоит ли восемь часов улаживать омерзительные свары всяких идиотов, а еще восемь часов тратить на фарс, называемый у нас государственными делами?

— Почему же фарс?

Дик Ломас презрительно пожал плечами:

— Фарс и есть. Верховодят крупные шишки, а остальные нужны, чтобы создавать видимость самоуправления.

— Просто у тебя нет всепоглощающей политической цели, — рассудил Алек.

— Позвольте! Я убежденнейший суфражист, — отозвался Дик с легкой улыбкой.

— Вот уж не ожидала, — заметила миссис Кроули, всегда одевавшаяся с безупречным вкусом. — И ради чего?

Дик пожал плечами:

— Всякий, кто участвовал в парламентских выборах, знает, сколь низкими и недостойными мотивами руководствуются мужчины, отдавая свой голос. Лишь немногие отдают себе отчет, как велика возложенная на них ответственность. Они не сознают, сколь многое стоит на кону, и превращают свой голос в предмет постыдного торга. Судьба кандидата в руках ловкачей да чудаков. Я надеюсь, что женщины, получив право голоса, окажутся еще чуточку ограниченней и станут отдавать его по мотивам еще более низким и недостойным. Всеобщее избирательное право сведется к абсурду, и тогда мы еще чем-нибудь займемся.

Дик говорил с необычной горячностью, и Алек

наблюдал за другом с оттенком интереса.

— И к чему ты пришел?

Тот помолчал и смущенно улыбнулся:

— Я решился на важный шаг, хотя понимаю, что, кроме меня, он никого не затронет. Через несколько месяцев новые выборы, и я планирую известить партийное руководство, что не буду баллотироваться. Я освобожу кабинет в Линкольнз-Инн — как говорится, «прикрою лавочку». Мистер Ричард Ломас удаляется от активной жизни.

— Вы ведь это не всерьез? — воскликнула миссис Кроули.

— Отчего же?

— За месяц безделья вы сойдете с ума от скуки.

— Едва ли. На мой взгляд, все разговоры про «благородный труд» — полная чепуха. Работа — это наркотик, которым зануды лечатся от приступов жестокой скуки. Ее воспевают, поскольку для большинства работа — это необходимость, а человек всегда стремится подсластить горькую пилюлю. Труд — это успокоительное. Он делает людей тихими и довольными — такими одно удовольствие управлять. Мне кажется, святость труда — величайшее надувательство эпохи христианства. Первые христиане, понимаете ли,

были рабами, и им нужно было показать, что изнурительный труд почетен и благороден. По большому счету, когда человек зарабатывает на хлеб себе, жене и детям — это мучительная необходимость, в которой нет ничего героического. Если для некоторых людей средства важнее цели, мне остается лишь пожать плечами, поражаясь их скудоумию.

— Нечестно сразу говорить так много! — всплеснула руками миссис Кроули.

Однако Дика было не остановить.

— У меня же нет ни жены, ни детей, а денег больше чем достаточно. Зачем я буду вырывать кусок хлеба изо рта у другого? Прибыльная практика не моя заслуга — это вообще редко зависит от личных достоинств, — просто я представляю крупную адвокатскую фирму. А уж в идиотских судебных разбирательствах и вовсе ничего достойного нет. Как правило, стороны друг друга стоят: одинаково несговорчивы и упрямы. Нет, адвокатская карьера — вполне достойный способ добывать пропитание, но и только. Если не нуждаешься в заработке, то не вижу повода поддаваться донкихотским рассуждениям о ценности изнурительного труда. Почему собираюсь отказаться от кресла в парламенте, я уже

объяснил.

— Вы понимаете, что лишаетесь возможности сделать блестящую карьеру? В следующем правительстве вы могли бы стать заместителем министра.

— И целовать ботинки еще паре особ, которых я презираю?

— Это очень опасное предприятие.

Дик посмотрел в глаза Алеку Маккензи.

— И ты пытаешься меня от него отговорить? — улыбнулся он. — Ведь только опасные предприятия по-настоящему интересны.

— И как же вы будете проводить время? — спросила миссис Кроули.

— Я собираюсь превратить праздность в искусство. Сегодня все воротят нос от дилетантов. Что ж, я стану дилетантом и предамся всем радостям жизни. Мне уже сорок и жить осталось не так-то много: в оставшиеся годы я буду познавать мир и все, что в нем есть восхитительного.

Алек в глубокой задумчивости смотрел на огонь. Наконец он глубоко вздохнул и встал в полный рост.

— Полагаю, у каждого своя жизнь, и не нам судить, что лучше, а что хуже. Но я бы предпочел идти вперед, пока держат ноги. У меня тысячи

планов. Даже десяти жизней не хватило бы на десятую часть того, что, по-моему, не терпит отлагательств.

— И каков будет конец?

— Мой конец?

Дик молча кивнул. Алек слабо улыбнулся:

— Что ж, полагаю, меня ждет неприглядная смерть от усталости и болезней в каком-нибудь болоте. Носильщики сбегут с оружием и припасами, а остальное довершат шакалы.

— Просто ужас! — содрогнулась миссис Кроули.

— Я фаталист, потому что слишком долго прожил среди людей, самое существо которых состоит в покорности судьбе. Когда придет время, я не смогу ничего изменить. — Он загадочно улыбнулся. — Но еще я верю в хинин и надеюсь, что ежедневное употребление этого восхитительного средства не позволит судьбе так просто перерезать нить моей жизни.

Люси восхищенно следила за противостоянием двух мужчин, один из которых возложил душу на алтарь цели и яростно рвался к ней, понимая, что в конце его ждет страшная смерть в одиночестве; второй же решил целенаправленно наслаждаться радостями жизни, лелеять их, словно садовые

цветы.

— Самое ужасное, что через сто лет все будет точно так же, — заявил Дик. — Все позабудут и о твоем упорстве, и о моем легкомыслии.

— Какой же из этого вывод? — спросила миссис Кроули.

— Что самое время для виски с содовой.

Глава IV

В поместье, которое сняла миссис Кроули, можно было поохотиться, и на следующее утро Дик отправился на поиски дичи. Алек отказался составить другу компанию.

— Мне скучно охотиться в Англии, — объяснил он. — Я убиваю только ради пищи, а птица здесь настолько ручная, что будто по курам стреляешь.

— Полная чепуха, — заявил Дик. — Просто ты сумеешь попасть разве что в гиппопотама, а из крупной дичи здесь только коровы миссис Кроули.

После ленча Алек Маккензи предложил Люси прогуляться, и та с радостью согласилась.

— Куда отправимся? — спросила Люси.

— Пойдемте к морю.

Она повела гостя по Джой-лейн, соединявшей рыбацкий городок Блэкстейбл с деревней Уэйвни. Море тут раскинулось особенно широко, соленый бриз приятно щекотал ноздри. Кругом тянулись пустынные болота, придавая пейзажу особенную ширь, и Алек непроизвольно ускорил шаг. Шел

он неторопливо, неспешной походкой человека, привыкшего к большим переходам, так что привычка Люси к долгим прогулкам оказалась весьма кстати. Они беседовали о разных мелочах, но вскоре замолчали. Девушка заметила, что компаньон погрузился в раздумья, и не стала их прерывать. Ее позабавило, что, пригласив ее на прогулку, этот странный человек даже не пытался развлечь спутницу. Время от времени он резким, гордым жестом вскидывал голову и смотрел на море. Чайки лениво скользили над самой водой. Уныние, разрывавшее сердце Люси при виде этой сцены несколько дней назад, охватило и Алека, но странным образом лишь подняло ему настроение, натолкнуло на радостные мысли. Он еще ускорил шаг. Девушка молча держалась рядом. Алек шагал, не глядя по сторонам, и вскоре морской берег остался позади. Они долго брели по извилистой дороге меж аккуратных изгородей и плодородных полей; а кругом раскинулся прелестный кентский пейзаж с его сельской красотой и уютом. Они миновали повозку, возле которой щипала траву косматая лошаденка, а рядом, у костерка, расселось в кружок семейство цыган. Картина странным образом взволновала девушку. Эти люди вели бродячую жизнь,

домом им служил ветхий фургон, они знали удивительные тайны лесов и полей — и ее вдруг охватило всепоглощающее стремление к свободе, к далеким горизонтам. Наконец они подошли к массивным воротам Корт-Лейс, за которыми тянулась аллея вязов.

— Вот мы и дома, — прервала долгое молчание Люси.

— Уже? — Он будто бы содрогнулся. — Спасибо за милую прогулку и приятную беседу.

— Беседу? — Девушка расхохоталась. Алек выглядел удивленным, и она добавила: — Вы же за два часа не соизволили проронить ни слова.

— Простите. — Его загорелое лицо покраснело. — Так невежливо с моей стороны. Я слишком много времени провожу в одиночестве и совершенно позабыл о приличиях.

— Ну и ничего, — улыбнулась Люси, — побеседуем в другой раз.

На самом деле она была чуть польщена. Девушка приняла поведение Алека как диковинный комплимент. После этой безмолвной прогулки между ними образовалась какая-то невидимая связь, причем Маккензи, кажется, тоже почувствовал с ней определенную близость. Люси стала для него не просто знакомой, а другом.

Через пару дней миссис Кроули предложила поехать в Теркенбери осмотреть собор, а Маккензи попросил у нее разрешения отправиться пешком.

— Не смею и просить вас составить мне компанию, — обратился он к Люси.

— Сочту за честь.

— Я постараюсь вести себя лучше, чем в тот раз.

— Не стоит, — улыбнулась девушка.

Дик, не желавший идти пешком, когда можно было ехать, отправился в экипаже с миссис Кроули. Алек подождал Люси, которая отошла на конюшню прихватить с собой собаку и быстро вернулась. Он посмотрел на девушку. Для Алека большинство его товарищей являлись фигурами отвлеченными. Он их рассматривал, разговаривал с ними, отмечал какие-то особенности, но почти никогда не видел в них живых людей. Они были призраками, с которыми необходимо считаться, но никогда не становились частью его мира. Теперь же он с изумлением понял, что Люси — не такая. Девушка вдруг его заинтересовала. Он словно увидел ее впервые и ощутил себя странно взволнованным ее редкой красотой. В саржевом платье, перчатках и шляпке с вуалью,

с посохом в руке, Люси вдруг показалась Алеку живым духом местности, по которой он бродил последние дни. Ему нравилась стройная худоба девушки, ее легкая походка и особое очарование голубых глаз.

Его вдруг охватило горячее желание говорить, и, даже не подумав, что предмет его волнений может оказаться совершенно неинтересен спутнице, Алек обратился к своей неизменной теме. Он говорил обо всем, что его занимало: начал с текущего предприятия, затем вернулся к изначально привлекшим его событиям, после чего перешел к планам на будущее — и, чтобы окончательно разъяснить, поведал о своих изначальных побуждениях. Люси, внимательно слушая, время от времени что-то спрашивала, и вскоре у нее в голове сложилась полная картина. Теперь она могла связно изложить жизненный путь Алека Маккензи, в том числе и детали, о которых не был осведомлен Дик Ломас.

Какое-то время Алек путешествовал по Африке без особой цели, не считая любопытства и стремления к неизвестному. Первую экспедицию он и правда предпринял по следам неудачи другого исследователя. В пути его ждали привычные для Африки испытания: голод, болезни, тяжелейший

переход через бесконечные болота и тропический лес, где за день удавалось продвинуться не более чем на милю. Он столкнулся с бегством носильщиков и вероломством местных племен, но все же добрался до цели своего путешествия. Свирепый властитель этой страны был враждебно настроен к белым, и Алеку пришлось держать ухо востро, поскольку его спутники, страшась встречи с этим жестоким племенем, при первой возможности бежали в джунгли. Вождь пригрозил убить путешественника, если тот попытается явиться в его столицу. Дальнейший рассказ Алек повел как бы извиняясь, словно стыдился своих поступков. Небрежно-шутливый тон был призван преуменьшить опасности и проявленную им храбрость. Получив предупреждение вождя, путешественник надменно ответил, что прибудет в его крааль еще до полудня. Он не желал дать противнику оправиться от изумления, и едва посланник доставил вождю ответ, Алек явился к нему сам — один и без оружия.

— И что вы ему сказали? — спросила Люси.

— Спросил, какого черта он отправил мне столь постыдное послание, — улыбнулся Алек.

— И вам не было страшно?

— Было.

Он немного помолчал, словно пытаясь припомнить охватившее его тогда настроение, и замедлил шаг.

— Видите ли, ничего больше не оставалось. У нас подходили к концу припасы, и еду нужно было раздобыть любой ценой. Выкажи мы страх, дикари тут же набросились бы. Мои люди боялись драться, так что нас перерезали бы как овец. И тут у меня возникло странное ощущение, что все будет хорошо и мое время еще не пришло.

И все же три часа жизнь Алека висела на волоске. Люси поняла, что лишь благодаря его беспримерной храбрости угрюмый и подозрительный вождь стал путешественникам искренним другом.

Алек достиг поставленной цели, а также открыл новый вид антилопы и доставил в Музей естественной истории ее полный скелет и две шкуры. Он провел ряд географических измерений, исправив существующие ошибки, и тщательно изучил местность. Выяснив все, что можно, и дружески распрощавшись со свирепым вождем, Алек через месяц благополучно прибыл в Момбасу, из которой выступил пять с лишним лет назад.

Экспедиция принесла довольно скромные ре-

зультаты, но Алек рассматривал ее как пробную. Он окреп и был готов к великим свершениям. Он понял, как вести себя с туземцами, и осознал, что способен ими повелевать. Он верил в себя. Он привык к тяготам местного климата и уже не боялся жары и лихорадки. На побережье он ощутил себя как никогда сильным и теперь стремился в глубины континента с десятикратным пылом. В ушах Алека звучала песнь сирен, от которой нет спасения.

Прожив год в Англии, он вернулся в Африку, намереваясь отправиться в области к северо-востоку от Великих озер. Земли эти примыкали к Британской Восточной Африке, относились к сфере влияния Англии, однако освоены еще не были и представляли собой россыпь независимых государств, подчинявшихся арабским эмирам. В этот раз Алек путешествовал по официальному поручению правительства и имел право заключать соглашения с туземными вождями. Он провел там шесть лет, методично исследовал страну и составил ценнейшие карты, а также собрал море научного материала. Он изучал нравы и обычаи местных племен, с особым вниманием следил за политическими событиями. Эта обширная, плодородная земля, вполне пригодная для жиз-

ни белого человека, пришла в запустение из-за непрерывных войн. Именно тогда Алек осознал весь ужас рабства, уничтожение которого стало его главной целью. Силы его были невелики, и, опасаясь вызвать враждебность арабских работорговцев, он поначалу расширял свое влияние средствами дипломатии. Зная, что находится под постоянным подозрением, Алек не доверял даже мелким царькам, которых связывали с ним узы преданности и дружбы. Однажды могущественный султан целый год держал его в почетном плену, и жизнь путешественника была в великой опасности. Изо дня в день он ложился спать, не зная, увидит ли восход солнца. Этот араб принимал его со всеми почестями, но отказывался отпускать. Наконец Алек, улучив момент, когда султан сошелся в бою с посягнувшим на его трон братом, бежал, бросив все свое имущество, кроме записей, научных образцов и оружия.

Вернувшись в Англию, Маккензи доложил министерству иностранных дел о результатах экспедиции. Он отметил, что непрекращающаяся работорговля ввергла богатую страну в пучину анархии; умолял отправить войско и искоренить эту заразу — если не из гуманистических побуждений, то хотя бы ради государственного

престижа. Алек вызвался отправиться с экспедицией в любом качестве — лишь бы участвовать в благородной борьбе — и согласился поступить под начало любого назначенного властями командира. Его знания и авторитет среди местных племен представляли невероятную ценность. Он гарантировал, что, получив определенное число штыков под командованием троих британских офицеров, справится всего за год.

Однако страна была истощена войной с бурами, и хотя правительство признало убедительность его аргументов и понимало необходимость вооруженного вмешательства, ввязываться в новые предприятия там не спешили. Мелкие африканские экспедиции часто оказывались серьезнее, чем ожидалось на первый взгляд. После горьких уроков недавнего прошлого требовалось исключить всякий риск. Если отправить небольшой отряд и тот потерпит поражение, это ударит по престижу Англии во всей Африке. Арабы мгновенно разнесут весть до самой Индии, и тогда, чтобы гарантировать успех, потребуется собирать крупные силы — а на это не было ни денег, ни людей.

Дело затягивалось под всевозможными предлогами. Алеку казалось, что ему намеренно

вставляют палки в колеса, тогда как на самом деле его мелкие предприятия обернулись бы непреодолимыми помехами в отношениях с европейскими державами. В конце концов ему решительно отказали.

Однако Алек Маккензи не привык сдаваться, а препятствия лишь придавали ему решимости добиться цели. Людям не оценить положение дел в той далекой стране понаслышке — он же собственными глазами видел этот неописуемый ужас. Он знал о беспощадной жестокости работорговцев; в его ушах до сих пор стояли предсмертные крики жителей подожженной арабами деревни. Не раз и не два покидал он какой-нибудь крошечный крааль, трогательно ютящийся среди маисовых полей, — причудливый, варварский прототип селений, воспетых в чопорных и мелодичных строках Голдсмита. Радостно возились голые дети; женщины, собравшись группками, мололи зерно и болтали; мужчины трудились в поле или праздно сидели на порогах хижин. Очаровательная сцена. Казалось, что именно здесь и разрешилась величайшая загадка человечества: на всяком лице было написано счастье, а обыкновенная радость жизни считалась достаточной причиной к существованию. Вернувшись, он

обнаруживал на месте деревни еще дымящиеся руины, среди которых валялись убитые и раненые. Там круглолицый мальчишка с длинным копьем в груди; тут — женщина, лицо которой снесло выстрелом из допотопного ружья; чуть в стороне мужчина корчится в предсмертных муках, истекая кровью. Остальных же жителей беспорядочным стадом гонят в смертоносный путь через всю страну, их избивают и почти не кормят, пока не доставят работорговцу.

Алек Маккензи снова отправился в министерство иностранных дел. Он предложил организовать экспедицию за свой счет и просил лишь официального разрешения самостоятельно набрать отряд. Нерешительные министры и не догадывались, сколько трудностей может принести им этот решительный человек, однако если он отправится в поход как официальное лицо, не связанное при этом соответствующими обязанностями, итог может выйти совсем плачевный. Необходимо учитывать сферы влияния континентальных держав, а сейчас, в момент обострения национальных противоречий, следует действовать с особой осторожностью. Алеку объявили, что он может отправиться в Африку лишь в качестве частного лица. Он не получит

никакой помощи, и британское правительство не будет участвовать в его предприятии даже косвенным образом. Алек ждал такого ответа и вовсе не был разочарован. Раз правительство само не хочет взяться за дело, он сделает его сам, не связывая себя ограничениями. И вот этот замкнутый человек решил в одиночку сокрушить работорговлю на территории, превышающей размером всю Англию, и объявить войну дюжине туземных вождей с двадцатью тысячами воинов. Замысел выглядел далеким от реальности, но Алек оценил риск и посчитал его приемлемым. На его стороне было отличное знание страны, природная власть повелевать дикарями и кое-какой опыт командования ими. Он уже привык при необходимости действовать как дипломат и хорошо разбирался в местной политике.

Алек полагал, что без труда соберет отряд на побережье, где всегда полно крепких и рисковых ребят, которые — при условии, что им хорошо заплатят — возьмутся командовать туземцами. Требовались наличные деньги. Алек пересек Атлантику, продал ферму в Техасе, а также договорился о дополнительной сумме, которую при необходимости можно будет получить в счет доходов от его ланкаширской шахты. Он взял с

собой хирурга, на которого готов был положиться в минуту опасности, поскольку знал много лет, и отплыл в Занзибар, где рассчитывал укомплектовать отряд нужным числом белых. В Момбасе он собрал носильщиков, которые сопровождали его в прошлых экспедициях, причем благодаря своей широкой известности среди туземцев отобрал из них самых лучших. Всего набралось больше трех сотен человек.

Поначалу все шло хорошо. Алек искусно сеял распри среди врагов. Жалкие царьки завидовали друг другу и, если торговля рабами шла плохо, с радостью набрасывались друг на друга. Алек планировал объединить усилия двух-трех мелких вождей и сокрушить самое могущественное государство, а затем расправиться с бывшими союзниками поодиночке — если те не поклянутся больше не нападать на мирные племена. Имея колоссальное влияние на туземцев, он не сомневался, что сумеет поднять их на борьбу со смертельным врагом — арабами. Главное — заразить их уверенностью. Все вышло в точности как он рассчитывал.

Пало самое крупное государство, претендовавшее на полновесную власть в этом районе Африки, и Алек стал привычным образом обустра-

ивать жизнь на каждом клочке освобожденной от рабства земли. Он приструнил воинственных эмиров и преподал такой жестокий урок предавшему его вождю, что остальные совершенно перепугались. В страну возвращались мир и порядок. Алек рассчитывал, что через пять лет по ней можно будет беспрепятственно путешествовать из конца в конец — как в Англии. Однако внезапно все его достижения пошли прахом. Как часто случается в нецивилизованных странах, у арабов появился новый вождь. Никто не знал, откуда тот взялся, — поговаривали, что он был погонщиком верблюдов. Из-за плохо сросшейся после перелома ноги его прозвали Мохаммед Хромой. Это был человек проницательный, дальновидный, жестокий и амбициозный. С группкой столь же отчаянных товарищей он атаковал столицу самого северного государства, правитель которого как раз умер, захватил ее и провозгласил себя королем.

За год Мохаммед подчинил неспокойные земли у границы с Абиссинией и, одержимый страстью к завоеваниям и фанатичной ненавистью к христианам, двинулся с огромным войском на юг. Испуг охватил туземные племена, чьей надеждой на спасение был лишь Маккензи. Алек объяс-

нял угодившим в сферу его влияния арабам, что для них (как и для него) единственный шанс на спасение — выступить против Хромого, однако воинственный клич Пророка оказался сильнее голоса разума, и все, как один, обернулись против англичанина. Лишь местные племена хранили ему отчаянную верность — их-то Алек и повел в бой. Исход яростной битвы остался неясен: обе стороны понесли большие потери, сам Алек был серьезно ранен.

К счастью, близился сезон дождей, и Мохаммед Хромой, проникшись определенным уважением к белому, который хотя бы на время сумел остановить его натиск, отошел на север, где его власть была прочной. Алек понимал, что тот вернется при первой возможности, и видел, что у него не хватит сил противостоять столь хитроумному врагу. Оставалось возвращаться на побережье, а оттуда в Англию, в надежде все же убедить правительство снарядить войско. В случае отказа он вернется сам — с пулеметами «максим» и обученными людьми. Алек понимал, что его отъезд напоминает бегство, но поделать с этим ничего не мог. Отправляться было необходимо. Раненный, он отправился в путь на носилках и, подгоняя отряд неукротимой силой духа, форси-

рованным маршем вышел к побережью.

Срок его недолгого пребывания в Англии подходил к концу — меньше чем через месяц Алеку предстояло очередное путешествие в Африку. Он собирался завершить начатое. Если ему удастся избежать смерти, то наступит конец жестокому ремеслу, обратившему райские земли в пустыню.

Возле собора Алек замолчал, и они на секунду замерли, разглядывая огромное здание. Аккуратные газоны добавляли постройке безмятежного величия. Они вошли внутрь, где царило торжественное спокойствие. Внутренний простор производил сильное впечатление: он ободрял, наполнял душу презрением ко всему суетному и низкому. Безыскусная простота парящих готических колонн придавала мыслям благородную направленность. И пусть здесь уже триста лет справлялся более сдержанный ритуал, в соборе сохранилась атмосфера древней, роскошной веры. Среди колонн витал легкий аромат фимиама — грустный и одновременно сладкий; призрачные фигуры служителей в расшитых золотом ризах длинной процессией шествовали через пустые приделы.

Люси была рада, что пришла. Тихое величие

собора оказалось созвучно мыслям, обуревавшим ее по пути из Блэкстейбла. Девушка с воодушевлением ощутила, сколь ничтожны ее собственные беды. Она поняла, что ее собеседник творит историю, поразилась полноте его жизни и размаху его предприятий. Каждое слово Алека слепило ей глаза жгучим африканским солнцем, вселяло трепет перед девственными лесами и нескончаемыми болотами. Люси восхищалась ясностью его взглядов, смелостью обязательств и широтой планов. Она обернулась к Алеку — тот стоял рядом и смотрел ей прямо в глаза. Щеки девушки отчего-то залились румянцем, и она стыдливо опустила взгляд.

Каким-то образом они разминулись с Диком и миссис Кроули — и совершенно об этом не жалели. На обратном пути они сначала беседовали о пустяках. Алек понемногу разговорился, чему и сам был рад. Люси чувствовала себя польщенной, инстинктивно понимая, что с остальными ее спутник беседует совершенно иначе.

Впрочем, они решили не возвращаться к серьезным темам, которые обсуждали по пути в Теркенбери, а вместо этого стали перебирать общих знакомых. Алек, человек прямой и пылкий, терпеть не мог дураков и изрядно повеселил

Люси, едко высмеивая всех, кого презирал.

Свои беседы с государственными мужами он пересказывал в комическом духе, причем, рассказывая что-то забавное, начинал вдруг уморительно растягивать слова на шотландский манер.

Наконец зашла речь о литературе. Из-за жестких походных ограничений Алек вынужден был брать с собой лишь те книги, которые можно перечитывать бесконечно.

— Я как узник: знаю Шекспира наизусть, а Босвеллову «Жизнь Джонсона» читал столько раз, что назови оттуда любую строчку — и я без труда вспомню следующую.

Однако сильнее всего Люси поразило, что Алек обожал древнегреческих классиков. В ее представлении все признавали величие этих авторов, однако читали их лишь профессора со школьными учителями — как вдруг нашелся человек, серьезно ценящий античную литературу. Их труды воодушевляли Алека, укрепляли его решимость и учили смотреть на жизнь в героическом свете. Музыка с изобразительным искусством его не волновали — все эстетические устремления Маккензи сводились к древнегреческим историкам и поэтам. Особенно вдохновлял его Фукидид,

и путешественник временами ощущал в себе частицу того огня, что горел в душе великого афинянина. Когда Алек говорил о Фукидиде, кровь его быстрее бежала по жилам и приливала к щекам. Он считал, что человек, погрузившийся в мир этой литературы, не способен на низменный поступок. Все, в чем Алек нуждался, он находил выраженным с почти божественной мощью в двух томиках Софокла. Он ликовал при одном лишь виде греческих букв: в них было все — сила, простота и величие жизни.

Забыв, что Люси не знает древнегреческого и не может разделить его восторгов, Алек вдруг принялся читать наизусть из «Антигоны». С его губ лились звонкие строки хора; Люси же, не понимая ни слова, но смутно ощущая красоту стиха, отметила, что никогда прежде голос Алека не звучал так пленительно. Теперь в нем слышалась странная, чарующая мягкость. Она и подумать не могла, что Маккензи способен говорить с такой нежностью.

Наконец они вернулись в Корт-Лейс и зашагали по аллее к дому. Увидев, что Дик спешит навстречу, они помахали ему. Тот не ответил — лицо его было белым как полотно.

— Слава Богу! Я перепугался, что с вами что-то

случилось.

— В чем дело?

Оставив свой вечно беззаботный тон, адвокат обратился к Люси:

— Приехал Бобби Боулджер и хочет с тобой поговорить. Прошу, идем скорее.

Люси окинула его быстрым взглядом и, немея от страха, последовала за Диком в гостиную.

Глава V

Миссис Кроули и Роберт Боулджер стояли у камина в необычайном возбуждении. Оба молчали, но Люси догадалась, что разговор шел о ней. Миссис Кроули порывисто обняла и поцеловала девушку. Сначала Люси подумала, что что-то случилось с братом. Благодаря щедрости леди Келси Джордж получил возможность охотиться, и в ее голове молнией мелькнула мысль о несчастном случае.

— Что-то с Джорджем? — ахнула девушка.

— Нет, — отозвался Боулджер.

Щеки девушки порозовели, с губ сорвался вздох облегчения.

— Слава Богу, — прошептала она. — Я так перепугалась.

Только теперь Люси с приветливой улыбкой протянула руку гостю. Ничего совсем уж жуткого случиться не могло.

Дядя Люси, сэр Джордж Боулджер, много лет был старшим партнером процветающей фирмы «Боулджер и Келси». Он четверть века убежденно поддерживал свою партию в парламенте, по-

лучил титул баронета во время празднования шестидесятилетнего юбилея королевы Виктории и скончался от удара, прервавшего его славный жизненный путь на церемонии открытия парка, который он же сам и даровал народу. Сэр Джордж был замечательным примером преуспевающего торговца, дальновидного в делах и всячески пекущегося о благе родного города. Фирма перешла к его сыну Роберту, обязанности которого существенно сократились, когда она была преобразована в акционерную компанию — даже при том, что ему принадлежала большая часть акций. Его партнер, вступивший в дело после смерти сэра Альфреда Келси, теперь отвечал за важнейшие деловые операции в Манчестере, Роберт же, которого отец воспитал деловым человеком, возглавил лондонское отделение. Обладая подлинной коммерческой жилкой, он взялся за дело с невиданной энергией. Роберт был дальновиден и обещал со временем вырасти в столь же преуспевающего дельца, что и отец. Он был чуть старше Люси, однако светлые волосы и чисто выбритое лицо придавали ему моложавый вид. Трудно было поверить, что этот элегантный, хорошо одетый юноша, свободно рассуждающий о гольфе и охоте, приезжает в контору к десяти

утра и чует выгодную сделку не хуже любого из своих деловых партнеров.

Люси весьма ценила Бобби Боулджера, хоть и подсмеивалась над его обывательскими взглядами. Не интересуясь книгами, он изо всех видов искусства ценил один водевиль. Девушка, как правило, добродушно подшучивала над ним, не принимая всерьез. Ей стоило немалых усилий поддерживать с Бобби дружбу, поскольку тот был с восемнадцати лет влюблен в Люси. Чувствуя себя польщенной, она тем не менее испытывала к поклоннику лишь обычную привязанность, поскольку росла рядом и понимала: они совершенно не подходят друг другу. Бобби делал предложение не меньше дюжины раз, и ей пришлось пускаться во всяческие ухищрения, чтобы избежать его ухаживаний. Уверения, что она его не любит, на Бобби не действовали — он готов был жениться на любых условиях.

Друзья и родственники убеждали Люси принять предложение. Леди Келси уговаривала девушку: вот человек, которого она отлично знает и которому может полностью доверять; добрый и славный малый с десятью тысячами годового дохода. Отец, видя в этом браке возможность выкарабкаться из вечных финансовых

затруднений, всячески поддерживал жениха. Сильно привязавшийся к нему Джордж — и тот пытался замолвить словечко. Бобби делал ей предложение, когда ему исполнилось двадцать один, потом когда Люси исполнилось двадцать один, когда Джордж отправился в Оксфорд, когда обанкротился отец и после продажи Хамлинс-Перлью. Узнав о неминуемой продаже поместья, он убеждал своего отца его выкупить, рассчитывая таким образом покорить сердце Люси, однако первый баронет обладал слишком крепкой деловой хваткой, чтобы делать сомнительные вложения из сентиментальных резонов. Последнее предложение Бобби сделал, унаследовав титул и отцовское состояние. Ценя его доброту и понимая все выгоды брака, Люси все же отказала. Ей требовалась свобода, чтобы заботиться об отце и брате. Даже миссис Кроули, утверждавшая, что Роберт Боулджер может под присмотром Люси вырасти во влиятельную фигуру, не сумела ее поколебать. Бобби же по-прежнему мечтал жениться на кузине. Этот брак стал главной целью его жизни. Он полагал, что терпение в конце концов одолеет любые препятствия, — и выжидал.

Когда первая тревога схлынула, Люси решила, что Боулджер явился задать ей все тот же вопрос,

однако вид у него был чересчур озабоченный. На очаровательном, детском лице Бобби лежала мрачная тень. Миссис Кроули рухнула в кресло и отвернулась.

— Люси, я должен сообщить тебе страшную новость.

Слова давались ему с трудом, а сдержать дрожь в голосе стоило немалых усилий.

— Быть может, мне лучше выйти? — спросил Алек, зашедший в гостиную вместе с Люси.

Девушка обернулась. Она подумала, что в его обществе куда легче вынесет самые дурные вести.

— Ты хочешь поговорить наедине, Бобби?

— Нет, я уже все рассказал Дику и миссис Кроули.

— Что случилось?

Бобби умоляюще посмотрел на Дика, не осмеливаясь сообщить Люси страшную новость. Не полагаясь на бесчувственную сухость телеграммы, он примчался в сельскую глушь, чтобы лично смягчить удар, — и все же не решался причинить девушке боль. Видя, какая мука исказила добродушное лицо юноши, Дик шагнул вперед.

— Твоего отца арестовали за мошенничество, — сообщил он.

Воцарилась тишина. Миссис Кроули, не выносившая тишины, про себя кляла британскую бесстрастность. Она не осмеливалась поднять глаза на Люси, остальные же смотрели на девушку с нескрываемым сочувствием. По мнению миссис Кроули, той полагалось сейчас упасть в обморок. Сердце Люси словно сдавила ледяная рука и по капле выдавливала оттуда кровь. Она попыталась сохранить ясность мысли.

— Это невозможно, — тихо проговорила девушка.

— Вчера вечером его арестовали, а сегодня утром доставили в суд на Боу-стрит. Он оставлен под стражей на неделю.

Могучим усилием воли Люси сдержала готовые брызнуть из глаз слезы и собралась с мыслями.

— Спасибо, что сообщил мне лично, — вежливо поблагодарила она Боулджера.

— Суд установил залог в пять тысяч фунтов. Мы с тетей Элис его внесли.

— Так он сейчас у тети Элис?

— Нет. Отправился в свою квартиру на Шафтсбери-авеню.

Люси подумала о брате, которого обожала больше всего на свете, и побледнела от ужаса.

— Джордж уже знает?

— Еще нет.

Дик прочел на лице девушки облегчение и разгадал ее мысли.

— Но ему нужно немедленно сообщить, — добавил он, — иначе Джордж узнает обо всем из газет. Вызовем его в Лондон телеграммой.

— Да отец за две минуты докажет, что тут какая-то ошибка.

Бобби беспомощно развел руками. Ему недоставало смелости выложить правду под суровым взглядом Люси.

— Нет, Люси, ты не понимаешь, — сказал Дик. — Обвинение очень серьезное. Его будут судить.

— Вы не хуже меня знаете, что отец не мог преступить закон. Да, он человек слабый и опрометчивый — но и только. Он скорее замыслил бы полететь на Луну, чем совершил что-то дурное. Если, по своему невежеству в делах, отец что-то и нарушил, то без труда докажет, что действовал ненамеренно.

— Так или иначе, он предстанет перед уголовным судом Олд-Бейли, — мрачно ответил Дик.

Он чувствовал, что Люси не понимает всей тяжести положения. Оправившись от испуга, она решила, что опасаться нечего. Роберт Боулджер не видел иного выхода, кроме как выложить все

без утайки.

— Твой отец с человеком по фамилии Сондерс открыли подпольную контору «Вернон и Лофорд». Они играли на бирже под вымышленными именами, поскольку дядя Фред объявлен банкротом, а Сондерс из тех людей, что называют свое настоящее имя только на допросе.

— Люси, ты ведь понимаешь, что такое «подпольная контора»? — спросил Дик.

Не ожидая ответа, он пояснил, что так называют брокерскую фирму, которая занимается недозволенными биржевыми операциями.

— Оба задержаны по обвинению некой миссис Сабидон. Та утверждает, что они присвоили ряд сумм — в общей сложности более восьми тысяч фунтов, — которые она поручила их заботам.

Услышав всю правду, Люси совсем пала духом. Ее напугали серьезные лица Алека с Диком и страдальческий вид кузена.

— Вы ведь не верите в это? — выпалила она.

Бобби не знал, что ответить, и Дик подал разумный совет:

— Будем надеяться на лучшее. Нам остается немедленно отправляться в Лондон и искать помощи лучших юристов.

Однако Люси все равно ни секунды не сомнева-

лась в отце. Обдумав положение, она решила, что опасаться нечего, и деланно расхохоталась:

— Чего бояться? Вы ведь не думаете, что отец мог умышленно присвоить чужие деньги? Это же самая настоящая кража!

— В любом случае хорошо, что нам удалось внести залог. Так гораздо легче организовать защиту.

Через пару часов Люси с Бобби и Диком уже ехали в Лондон. Алек, полагая, что его присутствие их стеснит, договорился с миссис Кроули, что уедет следующим поездом, — а когда пришло время отправляться, хозяйка вдруг заявила, что составит ему компанию. Все уехали, дом опустел, и ей больше нечего делать в Корт-Лейс. Миссис Кроули беспокоилась о Люси и решила не выпускать ее из виду на случай, если понадобится помощь.

Джорджу отправили телеграмму, и ожидалось, что он будет у леди Келси к вечеру. Люси хотела сама сообщить новость брату, но ей не терпелось увидеться с отцом, и девушка убедила Дика прямо с вокзала отвезти ее на Шафтсбери-авеню. Фреда Аллертона дома не было. Люси хотела подождать его в квартире, однако у швейцара не оказалось ключа, а когда вернется отец, он не

знал. Дик почувствовал облегчение. Он опасался, что Фред запил от выпавших на его долю тревог и волнений, и не желал, чтобы Люси видела отца пьяным. Он убедил девушку отправляться домой, оставив записку, что она заедет завтра с утра. На Чарльз-стрит, где жила леди Келси, их ждала телеграмма от Джорджа — тот сообщал, что приедет только на следующий день.

Благодаря этой задержке Люси получила возможность поговорить с отцом наедине, поэтому на следующее утро она снова отправилась в его квартиру. Фред Аллертон сердечно обнял и расцеловал дочь, которая, как обычно, не смогла противиться его обаянию.

— У меня всего пара минут, дорогая. Полно дел. В одиннадцать я встречаюсь с адвокатом.

Люси лишилась дара речи. Прильнув к отцу, девушка разглядывала его грустно и озабоченно — он же в ответ рассмеялся и потрепал дочку по голове.

— Ты не тревожься так, милая, — беззаботно сказал он. — Делового человека часто подстерегают такого рода мелочи. Издержки профессии — от них никто не застрахован, как короли и королевы не застрахованы от взрыва бомбы.

— Так это все неправда?

Люси не хотела задавать этот оскорбительный вопрос, однако слова сорвались с губ помимо ее воли. Отец отшатнулся.

— О чем ты, дочка? Не думаешь же ты, что я способен ограбить вдову с сиротой? Разумеется, это неправда!

— Как же я рада! — облегченно воскликнула девушка.

— Ты что же, испугалась?

Люси залилась краской под изумленным взглядом отца. Ей казалось, что между ними уже долгие годы высится невидимая стена; было в его поведении что-то необъяснимо тревожное. Девушка отбросила это мимолетное ощущение, боясь наткнуться за видимой беззаботностью на нечто действительно страшное. Она заставила себя продолжить разговор:

— Я знаю, ты часто даешь волю фантазиям, и боялась, что ты угодил в неприятное положение.

— Могу поклясться, что меня не в чем упрекнуть. Я лишь виню себя, что связался с этим Сондерсом. Вот уж настоящий мошенник — одному Богу известно, что он затеял. Даю слово чести: я ничего не делал — вообще ничего. Мне нечего стыдиться.

Люси взяла отца за руку, ее лицо расплылось в

очаровательной улыбке.

— Ах, папа, как ты меня порадовал. Я скажу Джорджу, что беспокоиться не о чем.

Их беседу прервало появление Дика, которого Фред Аллертон приветствовал со всей сердечностью.

— Ты как раз вовремя — отвезешь Люси домой. Мне пора бежать. Послушай, сегодня ведь приезжает Джордж? Давайте встретимся в два часа в «Карлтоне» — и Элис пусть тоже приходит. Отлично проведем время!

Дик поразился легкости, с которой Аллертон воспринял случившееся. Тот словно не понимал всей трудности положения и тяжести грозящих ему обвинений. Дику хотелось отказаться, но Фред и слышать не желал его отговорок. Он хотел собрать близких друзей и отдохнуть в их компании после утомительного визита к адвокату.

— Пойдемте, — заявил он, — я уже опаздываю.

Он отворил дверь перед Люси. Ломасу показалось, что Аллертон старается избежать разговора. Впрочем, никто не любит беседовать с кредитором в четырех стенах, так что уклончивость Фреда вполне могла объясняться той парой сотен, что он задолжал Дику. Парой слов они перебросились все же успели.

— Ты нашел адвоката?

— Ты что же, Дик, за ребенка меня держишь? — отозвался Фред. — У меня будет лучший адвокат: Тедди Блейкли — знаешь такого?

— Наслышан, как и многие, — сухо ответил Дик.

Фред Аллертон расхохотался своим особым — заразительным и честным — смехом. У адвоката, которого он назвал, была дурная репутация: он брался за самые грязные и сомнительные дела, последние пятнадцать лет его имя звучало в связи с каждым громким скандалом. Просто удивительно, что он до сих пор — и совершенно заслуженно — не присоединился в тюрьме к кому-то из своих подзащитных.

— Не хочу связываться с каким-нибудь семейным поверенным, пусть и добропорядочным. Тут нужен человек, знающий все лазейки.

Люси уже ждала внизу, а мужчины еще спускались по лестнице. Дик вдруг обернулся и пристально посмотрел на Аллертона.

— Ты ведь не ударишься в бега?

Тот с изумленной улыбкой приобнял товарища за плечи.

— Дружище Дик, не будь ослом. Не знаю насчет Сондерса — вот уж скользкий тип, — но я-то

выйду из зала суда с гордо поднятой головой. Обвинение совершенно безосновательно.

Аллертон напомнил им про ленч и укатил в кебе, а Люси с Диком не спеша пошли на Чарльз-стрит. Дик молчал. Он давно не видел Фреда Аллертона и с удивлением отметил, что тот вернулся к щегольской жизни. Квартира была дорого обставлена по вкусу хозяина, а новый костюм сидел на нем отлично. Судя по ленчу в «Карлтоне», Фред не нуждался в деньгах, и его преуспевающий вид наталкивал Дика на определенные размышления.

Люси не пригласила его войти, поскольку Джордж должен был уже приехать и она хотела поговорить с братом наедине. Договорились встретиться в два. Пожимая Дику руку, Люси пересказала ему слова отца.

— Как глупо, — призналась девушка, — я целую ночь не спала, не могла выбросить из головы: вдруг отец все же случайно совершил какую-нибудь глупость? Но он дал честное слово, что ни в чем не виноват, — и теперь у меня словно гора с плеч свалилась.

Ленч в «Карлтоне» прошел в бурном веселье. Фред Аллертон был в отличном расположении духа и заражал гостей хорошим настроением.

Он сыпал остротами. Люси описала случившееся Джорджу в сильно смягченном виде. Брат сидел напротив, и она время от времени посматривала на него радостно и гордо, а Джордж каждый раз нежно улыбался сестре. Люси восхищалась его стройностью, чарующим взглядом бесхитростных голубых глаз, безупречной формой рта. Особенно гордилась она той душевной чистотой, что так и сияла на лице юноши. Девушку, как и многих, пленяло изысканное обаяние, унаследованное Джорджем от отца. Желая провести вечер с братом, она предложила отправиться в театр. Он с радостью согласился, поскольку души не чаял в сестре, нуждался в ее поддержке и защите. Только рядом с Люси он был по-настоящему счастлив, обо всем ей рассказывал и готов был свернуть горы, когда сестра разжигала в нем благородные устремления.

Они беззаботно отправились на прогулку. Леди Келси сунула Джорджу пару банкнот и велела как следует повеселиться. Поужинав в «Карлтоне», они посмотрели водевиль, который очень понравился Люси, ведь брат так искренне хохотал, выказывая поразительную способность радоваться жизни. Вечер увенчался ужином в «Савое». На мгновение все трудности отсту-

пили на задний план, годы лишений остались позади. Джордж словно заразил ее своей безответственной веселостью. Он и сам был очарован, поскольку никогда не видел сестру такой нежной и радостной. Из глаз ее словно струился свет, и Джордж, не понимая, что случилось, вдруг понял, что наслаждается ее мягким, певучим смехом. Люси и сама не ведала, отчего мир вдруг стал казаться непривычно ярким, а будущее — таким светлым. Она и не подозревала, что влюблена.

Когда Люси, усталая, но довольная, добралась наконец до своей комнаты, она поблагодарила Бога за восхитительный вечер. Поблагодарила в последний раз — наступали тяжелые времена…

Через несколько дней Фред Аллертон вновь предстал перед судом, который отказал в залоге до начала процесса. Обвиняемый был взят под стражу.

Глава VI

В последующие две недели Алек и Люси проводили вместе много времени. Они пытались убить томительные часы ожидания за долгими прогулками в Гайд-парке, а когда у Алека нашлось время, сходили в Национальную галерею. Потом он отвел ее в Музей естественной истории, где Африка с ее мохнатыми и пернатыми тварями словно оживала в рассказах путешественника. Люси была благодарна Алеку: с ним постоянно тревожащая девушку тема отступала на задний план. Сочувствие, которое Маккензи никогда не выражал открыто, звучало в каждом переливе голоса. Терпение его казалось безграничным.

И вот наступил день суда.

Фред Аллертон настоял, чтобы Люси с Джорджем не ехали в Олд-Бейли, а ждали вердикта у леди Келси. Дик и Роберт Боулджер были вызваны в качестве свидетелей. Чтобы покончить с сомнениями как можно скорее, Люси попросила Алека отправиться в суд и сразу сообщить ей исход дела.

Утро тянулось бесконечно.

После ленча к леди Келси пришла миссис Кроули, и они вдвоем следили за тем, как минутная стрелка описывает свой круг по циферблату. Присяжные вот-вот должны были вынести решение. Чуть позже каноник Спратт, викарий приходской церкви, прислал записку с просьбой позволить ему нанести визит леди Келси, и миссис Кроули, рассчитывая немного отвлечь хозяйку, пригласила его войти. Жизнерадостная обходительность каноника часто утешала леди Келси в тяжелую минуту — но не в этот раз.

— Невыносимо, — сказала она, промокая глаза платком. — Никогда не перестану себя винить. Если бы не я, ничего бы не случилось.

Каноник Спратт и миссис Кроули молча смотрели на милую и отважную женщину, облачившуюся по столь трагическому поводу в черное. Горе пробудило в ней необычную словоохотливость.

— Однажды бедняга Фред явился ко мне и сказал, что ему срочно нужны восемь тысяч фунтов: партнер его обманул, и речь идет о жизни и смерти. Но ведь сумма очень большая, а он и до того брал у меня немало. В конце концов, надо заботиться о Люси и Джордже, ведь, кроме меня, у них никого нет. Словом, я отказала. Боже, да я бы отдала все до последнего пенни, лишь бы

избежать такого позора!

— Не стоит так волноваться, леди Келси, — сказала миссис Кроули. — Скоро все будет кончено.

— Сейчас наши пути разошлись, — заметил каноник, — но одно время я неплохо знал Фреда Аллертона. Не выразить словами, как меня потрясла эта жуткая новость.

— Ему вечно не везло, — продолжала леди Келси. — Я лишь надеюсь, что Фред получит хороший урок. В делах он сущий ребенок. Подумать только: муж моей покойной сестры — на скамье подсудимых!

— Не стоит об этом думать. Уверен, все закончится благополучно и уже через час он будет снова с вами.

Каноник стал прощаться с леди Келси.

— Как мило, что вы пришли, — поблагодарила хозяйка.

Он обернулся к миссис Кроули, которой благоволил: ведь она была богатой американкой и к тому же вдовой.

— Примите и мою благодарность, — проворковала она. — Никто не облегчает страдания других лучше священника.

Каноник Спратт улыбнулся и запомнил ее слова, ведь они будут вполне уместны и в его

собственном исполнении.

— А где Люси? — спросила миссис Кроули, когда гость удалился.

Леди Келси всплеснула руками в раздраженном недоумении, с которым впечатлительные персоны встречают сдержанность других.

— Читает у себя в комнате. Весь день читает. Бог знает, как ей это удается. Я пробовала — буквы плывут перед глазами. Ее спокойствие сводит меня с ума.

Заговорили о ближайшем будущем. Леди Келси выделила Люси крупную сумму, и было решено, что брат с сестрой увезут отца куда-нибудь на юг Франции — отдохнуть от тяжких испытаний.

— Не представляю, что бы они без вас делали, леди Келси, — сказала миссис Кроули. — Вы настоящий ангел.

— Чепуха, — улыбнулась хозяйка. — Кроме них, у меня никого не осталось — если не считать Бобби, а он и так слишком богат. Люси с Джорджем для меня как родные дети. Пусть они живут безбедно и счастливо — иначе что толку от моих денег?

Миссис Кроули припомнила намек Дика, что леди Келси когда-то любила Фреда Аллертона, и задумалась, не живы ли еще в ней те нежные

чувства. Ей было жаль эту добрую, бескорыстную женщину. Хлопнула дверь, и леди Келси вздрогнула, однако оказалось, что это всего лишь Джордж.

— Джордж, где ты был? Почему ты не вышел к ленчу?

Вид у юноши был бледный и измученный. Две недели томительного ожидания вконец его измотали, волнение достигло предела и стало едва выносимым.

— Есть не хотелось. Я просто бродил, лишь бы убить злосчастное время. Зря я обещал отцу не ехать в суд — все лучше этой проклятой неопределенности. В обеденный перерыв я виделся с его адвокатом — тот сказал, что волноваться не стоит.

— Конечно, не стоит. Ты же не думаешь, что отца признают виновным?..

— Он на такое ни за что не пошел бы, — нетерпеливо воскликнул Джордж, — но я все равно страшно волнуюсь! Газеты беснуются. Всюду огромные плакаты «Провинциальная знать в Олд-Бейли. Подпольная контора для высшего общества».

Джордж содрогнулся:

— Какой ужас!

Леди Келси снова расплакалась, а миссис Кроули молча сидела, не зная, что сказать. Джордж нервно ходил по комнате.

— Но я-то знаю, что он невиновен, — простонала хозяйка.

— Виновен или нет, для меня это полный крах, — заявил Джордж. — В Оксфорд мне больше дороги нет. Не представляю, что теперь будет. Мы все совершенно опозорены. О, как он мог?! Как он только посмел?!

— Прекрати, Джордж, — сказала леди Келси.

Однако Джордж, со свойственной всем слабым людям раздражительностью, не мог сдержать упреков, переполнявших его с тех самых пор, как раскрылась страшная правда.

— Мало того что он спустил все до последнего пенни, так что теперь мы оба нищие и живем на вашу милостыню! По-моему, этого довольно — так нет же, теперь он угодит за решетку по обвинению в мошенничестве и биржевых махинациях.

— Джордж, не смей так говорить об отце!

Он всхлипнул и посмотрел на тетку безумным взглядом. Однако в этот момент к дому подкатил кеб, и юноша метнулся на балкон.

— Это Дик и Бобби. Сейчас они все расскажут.

Он бросился к двери и открыл ее. Мужчины уже поднимались по лестнице.

— Ну что? — крикнул он.

— Пока неизвестно. Мы уехали, когда судья только начал свою речь.

— Да будьте вы прокляты! — вскричал Джордж в приступе внезапного гнева.

— Спокойнее, юноша! — одернул его Дик.

— Но почему же вы не остались? — простонала леди Келси.

— У меня не было сил, — признался Дик. — Это какой-то ужас.

— А как шел процесс?

— Я ничего не понял. В голове все перепуталось. Я старый истеричный осел.

Миссис Кроули поцеловала леди Келси и предложила:

— Дорогая, вам лучше прилечь. Вы выглядите совершенно измученной.

— Голова просто раскалывается! — охнула леди Келси.

— Алек Маккензи обещал приехать, как только все выяснится, но это будет не раньше чем через час.

— Пожалуй, я и правда прилягу, — согласилась хозяйка.

Джордж, не в силах унять нетерпения, распахнул окно и вышел на балкон в ожидании кеба.

— Пойди поговори с парнем, — попросил Дик Боулджера. — Подбодри немного.

— Конечно. Сейчас-то уже глупо поднимать такой шум. Через час дядя Фред будет тут.

Дик молча посмотрел на Бобби, а когда тот вышел на балкон, устало рухнул в кресло.

— Это невыносимо, — сказал он. — Вы и представить не можете, как страшно мне видеть этого беднягу на скамье подсудимых. Он словно загнанный зверь, весь посерел от ужаса. Однажды я поймал его взгляд и теперь не забуду до конца жизни.

— Мне казалось, он держится хорошо, — заметила миссис Кроули.

— Видите ли, этот человек не умеет смотреть правде в лицо. Он словно не понимал всей тяжести предъявленных обвинений и, даже когда суд отказал в залоге, по-прежнему не терял самоуверенности. И только сегодня, когда развернулась вся картина, он наконец понял. Слышали бы вы показания! А какой жалкий спектакль устроили эти двое, пытаясь спихнуть вину друг на друга!

На лице миссис Кроули мелькнул страх.

— Вы ведь не считаете его виновным? — ах-

нула она.

Дик ответил спокойным, молчаливым взглядом.

— Но Люси уверена, что отца оправдают.

— Сомневаюсь.

— Боже, о чем вы?

Он только пожал плечами.

— Но он невиновен! Это попросту невозможно.

Дик попытался отогнать обуревавшие его мрачные мысли.

— Я сам чувствую то же самое, — сказал он. — При всех своих недостатках, Фред Аллертон не совершил бы столь позорного преступления. Вы незнакомы, а я близко знаю его уже двадцать лет. Он не мог забрать у бедной женщины все до последнего пенни, понимая, что ее ждет голод. Не мог он поступить столь бесчеловечно.

— Ах, как я рада это слышать.

На какое-то время повисла тишина. Джордж что-то быстро говорил на балконе, однако слов было не разобрать.

— Мне было стыдно оставаться в зале, видя, как мучается этот бедняга. Я ужинал с ним бесчисленное множество раз, жил в его доме, скакал на его лошади. Нет, это совершенно невыносимо!..

Он встал и нетерпеливо зашагал по комнате.

— Должны были уже закончить. Где же Алек? Он обещал примчаться, как только огласят вердикт.

— Ждать дальше решительно невозможно, — заявила миссис Кроули.

Дик замер и посмотрел на крошечную американку невидящим взором.

— Некоторые люди от рождения лишены нравственных ориентиров. Они не видят разницы между добром и злом, как дальтоник не способен отличить зеленый от красного.

— К чему вы это? — удивилась миссис Кроули.

Дик не ответил, и она в волнении встала.

— Мистер Ломас, я больше не выдержу! Скажите, вы — вы лично — считаете его виновным?

Он провел по лицу рукой.

— Доказательства неопровержимы.

Тут в комнату ворвался Джордж.

— Там Алек. Кеб подъехал.

— Слава Богу! — воскликнула миссис Кроули. — Еще чуть-чуть, и я бы сошла с ума.

Джордж направился к двери.

— Предупрежу Миллера. Ему велели никого не пускать.

Прозвенел звонок, и он крикнул, перегнувшись через перила:

— Миллер, Миллер, впусти мистера Маккензи.

— Слушаюсь, сэр, — ответил дворецкий.

Услышав, что подъехал кеб, Люси вошла в гостиную вместе с леди Келси. Хозяйка совсем расклеилась и растерянно всхлипывала. Люси была бледна, но держалась совершенно невозмутимо. Она поздоровалась с Диком и миссис Кроули.

— Как мило, что вы пришли.

— Бедная моя Люси!.. — едва не разрыдалась американка.

Девушка храбро улыбнулась:

— Теперь-то все позади.

Она бросилась к вошедшему Алеку.

— Ну что? Я думала, отец с вами. Когда он приедет?

Она замерла. Поймав взгляд Алека, девушка охнула, а ее прежде бледные щеки побелели как полотно.

— Что случилось?

— Его должны были выпустить! — воскликнул Джордж.

Чтобы успокоить брата, Люси взяла его за руку. Алек как будто не мог найти подходящих слов. Повисла жуткая тишина, хотя все уже знали, что он скажет.

— Боюсь, вас постигло тяжелое несчастье…

— Где отец? — воскликнула Люси. — Где отец? Почему вы его не привезли?

Осознав страшную правду, девушка понемногу теряла самообладание. Она взяла себя в руки. Алек молчал, и ей пришлось самой задавать вопросы. Наконец отыскав подходящие слова, Люси заговорила низким, хриплым голосом:

— Вы не сказали, каков был вердикт присяжных.

— Виновен.

Щеки девушки залились краской, глаза яростно сверкнули.

— Это невозможно. Отец невиновен. Он поклялся. Тут какая-то страшная ошибка.

— Молю Бога, чтобы так и было, — отозвался Алек.

— Вы ведь не считаете, что он виновен? — воскликнула Люси.

Он не ответил, и пару мгновений они молча смотрели в глаза друг другу.

— А приговор? — спросила девушка.

— Судья был к нему неблагосклонен и, оглашая приговор, отпустил несколько очень резких замечаний.

— Что он говорил?

— Зачем вам себя мучить?

— Мне нужно знать.

— По словам судьи, тот факт, что ваш отец — человек благородный, является отягчающим обстоятельством; а то, как он вынудил эту женщину расстаться с деньгами, заслуживает самого тяжелого наказания. Его приговорили к семи годам тюремного заключения.

Джордж с криком рухнул в кресло и расплакался, а Люси обхватила его за плечи.

— Прекрати, Джордж! Держи себя в руках! Сейчас нам потребуется вся смелость, какая только есть у нас.

— Я этого не перенесу, — простонал юноша.

Люси нежно поцеловала брата.

— Будь храбрым, милый. Будь храбрым ради меня.

Однако Джордж все еще всхлипывал. Дик увел его под руку. Люси обернулась к Алеку, который до сих пор так и не сдвинулся с места.

— У меня к вам вопрос. Вы обещаете ответить честно, даже если это причинит мне сильную боль?

— Обещаю.

— Вы следили за процессом с самого начала и знаете все подробности. Вы лично считаете, что

отец виновен?

— Какая разница, что я считаю?

— Прошу, скажите.

Алек поколебался и очень тихо ответил:

— Будь я присяжным, мне оставалось бы только согласиться с вердиктом.

Люси уронила голову на грудь. Слезы брызнули из ее глаз.

Глава VII

На следующее утро Алек Маккензи прислал Люси записку с просьбой о встрече. Он собирался зайти сразу после полудня и выражал надежду, что они смогут поговорить наедине. Люси села подождать его в библиотеке и взяла в руки книгу, однако читать не смогла. Она вдруг расплакалась. С того самого момента, когда до нее дошла страшная весть, Люси изо всех сил сохраняла самообладание; всю ночь она пролежала, стиснув кулаки — лишь бы не поддаться отчаянию. Она должна быть сильной: ради Джорджа, ради отца. Теперь напряжение достигло предела. Девушка осталась одна и уже не пыталась сдержать слез.

Ей разрешили увидеться с отцом. Люси с Джорджем отправились в тюрьму, и теперь она припоминала подробности того короткого разговора. Это было ужасно — казалось, сердце вот-вот разорвется от боли.

Ночью Люси охватило негодование. Она прочла отчеты о процессе в нескольких газетах и уже не сомневалась в виновности отца — девушку поразила низость совершенного преступления.

В суде зачитывались его письма к несчастной жертве, при одной мысли о которых Люси заливалась краской. Сплошная ложь — лицемерная и бесстыдная. Девушка вспомнила ответ Алека…

Впрочем, в виновности отца ее убедили не газеты и не слова Маккензи. В глубине души Люси, как ни попрекала себя, сама была в ней убеждена. Девушка ни за что не призналась бы себе, что не верит отцу; на словах и даже в мыслях она твердо стояла за его невиновность, однако где-то в потаенных уголках ее сознания таился суеверный ужас. Он преследовал ее словно призрак — лишенный телесной формы и потому необъяснимый. Страх охватил ее — физически, осязаемо, — когда Роберт Боулджер впервые привез в Корт-Лейс весть об аресте отца, и потом снова — в его квартире на Шафтсбери-авеню, когда она различила за добродушной улыбкой потаенный стыд. Несмотря на все обаяние отца и его нежную любовь к детям, Люси поняла, что Фред Аллертон — лжец и мошенник. Она презирала его.

Однако при виде отца — затравленного, так сильно переменившегося с последней встречи (что отмечал еще Дик в ходе процесса) — гнев отступил, осталась одна жалость. Люси горько

укоряла себя. Как могла она быть столь бесчувственной к его мучениям? Сначала отец не мог вымолвить ни слова. Он молча смотрел то на сына, то на дочь умоляющим взглядом и прочел крайнюю степень отчаяния на лице Джорджа. Тот стыдился смотреть на отца и отводил взгляд. Фред Аллертон внезапно постарел и как-то усох, его лицо осунулось, а кожа была пепельного оттенка, словно у умирающего. Держался он смущенно, словно стеснялся своих посетителей. Люси страшно переживала, что не может обнять отца. Совершенно сломленный, тот расплакался.

— Доченька, ты теперь меня ненавидишь? — прошептал он.

— Что ты, папа, я люблю тебя еще сильнее, чем прежде.

Люси говорила от всего сердца. Девушку терзала совесть, она мучительно перебирала в уме, могла ли еще что-то сделать, чтобы предотвратить катастрофу.

— Я не хотел, — сокрушенно выдавил он.

Люси смотрела в эти несчастные глаза. Как жестоко, что ей не позволено их поцеловать.

— Я бы все заплатил, дай только она мне чуточку времени. Удача совершенно от меня отвернулась. Я был вам плохим отцом.

Люси сообщила, что леди Келси вернет бедняжке восемь тысяч фунтов. Милая тетушка заявила об этом сама, еще прежде чем Люси подумала намекнуть. Им совершенно незачем отягчать совесть страданиями несчастной вдовы.

— Элис — добрая душа. — Он обращался к дочери, словно та — его последняя надежда. — Люси, ты ведь не бросишь меня?

— Я буду приходить к тебе, как только позволят.

— Недолго. Надеюсь, я скоро умру.

— Не смей. Держись, будь сильным ради нас. Мы всегда будем любить тебя, папа.

— Что же теперь будет с Джорджем?

— Не беспокойся, мы что-нибудь придумаем.

Джордж покраснел, не находя слов. Ему было горько и стыдно. Он мечтал поскорее выбраться из этого ужасного места и с облегчением вздохнул, когда надзиратель объявил, что время вышло.

— Прощай, Джордж, — сказал отец.

— Прощай.

Джордж продолжал угрюмо смотреть под ноги. Отчаянье совершенно охватило Фреда Аллертона: он понял, что сын его ненавидит. Ведь именно к Джорджу он всегда испытывал особую при-

вязанность и очень гордился этим прелестным юношей — а тот теперь мечтает поскорее забыть об отце. Однако на душе у несчастного было так тяжело, что вместо горьких упреков с его губ сорвался лишь всхлип.

— Прости меня за все, Люси.

— Держись, отец. Мы тебя по-прежнему любим.

Он выдавил печальную улыбку. Люси сказала «мы», но говорила только о себе. Дети ушли. Фред Аллертон исчез во тьме.

Слезы немного успокоили Люси. Лишившись сил, она легче переносила страдания. Теперь предстояло позаботиться о будущем. Скоро придет Алек Маккензи. Люси не понимала, зачем тот прислал записку и что важного собирался сказать. Все мысли девушки были об отце и, главное, о Джордже. Она вытерла глаза и, глубоко вздохнув, погрузилась в методическое обдумывание сложной проблемы.

Вошел Алек, и Люси торжественно поднялась ему навстречу. На мгновение он замер, пораженный ее миловидностью. Люси была из тех, чья красота расцветает в трагических обстоятельствах; душевные страдания придавали ей особую прелесть, а неподвижный взгляд напол-

нял усталое лицо печальным величием. Она бесстрашно несла свою скорбь, и Алек, понимавший толк в героизме, видел в этом истинное величие души. Последнее время он нередко останавливался у «Дианы» Ферса и тоже видел в этом портрете цветущую красоту Люси Аллертон. Однако теперь девушка походила на грустную королеву, англичанку до мозга костей, несущую свою нестерпимую печаль с царственным достоинством — и все равно прекрасную благодаря особому величию духа.

— Простите, что навязываюсь вам в такой день, — медленно произнес Алек. — Просто у меня мало времени и нужно срочно с вами поговорить.

— Как хорошо, что вы пришли. — Смутясь, она не находила подходящих слов. — Я всегда вам рада.

Маккензи смотрел на девушку ровным взглядом, словно повторяя в уме только что прозвучавшие любезности. Она улыбнулась:

— Я так благодарна вам за заботу. Ваша доброта помогла мне вынести все… что случилось.

— Ради вас я готов и не на такое, — ответил Алек, и ее внезапно осенило. Люси поняла, зачем он пришел. Сердце застучало в груди как безум-

ное. Она и помыслить не могла…

Люси села, ожидая, что Алек заговорит, но тот даже не шелохнулся. В минуты серьезных раздумий он погружался в странное оцепенение.

— Я просил вас о встрече наедине, потому что хотел кое-что сказать. Хотел сказать еще после встречи в Корт-Лейс, но тогда я собирался в путешествие, из которого одному Богу известно, когда вернусь — и вернусь ли, — поэтому счел за лучшее промолчать.

Он замер и посмотрел на нее в упор. Девушка молча ждала.

— Я прошу вас стать моей женой.

Люси глубоко вдохнула, сохраняя все то же торжественное выражение лица.

— Вы поступаете как настоящий рыцарь, но не сочтите меня неблагодарной, если я откажусь.

— Почему же? — спокойно спросил он.

— Я должна заботиться об отце. Если понадобится, буду жить возле самой тюрьмы.

— Вы сможете жить там и будучи моей супругой.

Она покачала головой:

— Нет, я должна оставаться одна. Когда отца выпустят, я стану жить с ним. И я не приму имени честного человека, словно бегу от своего

собственного.

Она чуть помедлила в нерешительности, а потом заговорила низким, дрожащим голосом:

— Вы не представляете, как я гордилась нашим добрым именем. Столетиями Аллертоны были почтенной семьей, внесшей, верила я, свою лепту в величие Англии. А теперь мне ужасно стыдно. Дик Ломас посмеивался над моим преклонением перед предками. Признаю, я вела себя глупо. Я никогда не придавала большого значения положению в обществе и прочему, но семья — совсем другое дело. А мой отец — он так и не понял, что поступил низко, недостойно. В Аллертонах какой-то изъян. Я не могу стать вашей супругой, опасаясь, что испорченная кровь перейдет к детям.

Он слушал, потом подошел и положил руки ей на плечи. Ровный, спокойный голос Алека как-то сразу успокоил девушку.

— Мне кажется, вам будет проще помочь отцу с Джорджем, став моей женой. Будет нелегко. Почему вы лишаете меня радости помочь вам?

— Мы должны справиться сами. Благодарю вас, но вы ничем нам не поможете.

— Я чувствую себя так неловко… Не знаю даже, как и сказать. Кажется, я полюбил вас еще в пер-

вый день в Корт-Лейс. Тогда я сразу не понял, что случилось, — просто ощутил, что в мою жизнь вошло что-то новое и странное. С каждым днем я любил вас все сильнее, пока наконец это чувство не захватило меня полностью Я никогда не любил никого, кроме вас, и уже никогда не полюблю. Именно вас я искал всю свою жизнь.

Не в силах вынести взгляд Алека, Люси опустила глаза, и по щеке девушки протянулась тень ее изящных ресниц.

— Тогда я не осмелился признаться. Даже если я был вам небезразличен, нечестно связывать вас обещанием, отправляясь в экспедицию. Теперь время пришло. Я уезжаю через неделю, и знай я, что вы тоже меня любите, — это придаст мне сил и смелости. Я же люблю вас от всего сердца.

Только теперь Люси подняла глаза. В них сверкали слезы — но не те, прежние слезы невыносимой боли.

— Я не могу сейчас за вас выйти. Это будет нечестно. Я целиком принадлежу отцу.

Он отпустил ее плечи и шагнул назад.

— Подчиняюсь вашей воле.

— Прошу, не считайте меня неблагодарной. Я горжусь вашей любовью — она словно вытащила меня из бездны. Вы даже не представляете, как

помогли мне.

— Нет, я хотел помочь, но вы не позволили.

Внезапно у нее мелькнула удачная мысль, и девушка радостно вскрикнула — вот оно, решение!

— Нет-нет, вы можете мне помочь. Возьмите с собой Джорджа.

— Джорджа?

Алек молча обдумывал неожиданное предложение.

— Я доверяю вам собственного брата. Вы сделаете из него сильного, благородного мужчину. Прошу вас, дайте ему возможность смыть с семьи позорное пятно.

— Вы понимаете, что ему придется терпеть голод, жажду и всяческие лишения? Мы отправляемся не на пикник.

— Пусть Джордж пройдет через все. Это идеальная возможность. Сейчас он лишился веры в себя — а взявшись за благородное дело, почувствует себя мужчиной.

— Нам предстоит немало сражаться. Было бы глупо перечислять все опасности, но сейчас они серьезнее, чем когда-либо. В этот раз нас ждет победа или смерть.

— Его предки смело смотрели в лицо любой опасности.

— Его могут ранить или убить.

На мгновение Люси засомневалась, а потом, едва шевеля губами, произнесла:

— Если он погибнет как смельчак — мне не о чем сожалеть.

Алек улыбнулся неисчерпаемой храбрости Люси. Он гордился ею.

— Тогда сообщите Джорджу, что я с радостью возьму его с собой.

— Могу я его позвать?

Алек кивнул. Она позвонила и попросила слугу привести брата.

Вошел Джордж. Напряжение последних дней и страшный приговор сказались на нем куда сильнее, чем на Люси. Юноша выглядел больным и усталым. Его переполнял стыд. Уголки рта капризно опустились, а на красивом лице застыла страдальческая гримаса. Алек окинул Джорджа спокойным взглядом, с сожалением отметив, как тот еще молод. Его хрупкое очарование словно взывало к сочувствию в сердце отважного путешественника. Интересно, каков этот юноша характером? Впрочем, Алек принял и полюбил Джорджа сразу — просто потому, что он был братом Люси.

— Джордж, мистер Маккензи предлагает тебе

отправиться с ним в Африку! — радостно воскликнула она. — Ты поедешь?

— Я поеду куда угодно, лишь бы выбраться из этой злосчастной страны, — устало отозвался он. — Выходя на улицу, я чувствую на себе чужие взгляды. Люди шепчутся: вот идет сын грязного мошенника, которого осудили на семь лет. — Он вытер платком руки. — Мне теперь все равно. В Оксфорд я не вернусь — там со мной и разговаривать никто не станет. В Англии мне делать нечего. Боже, лучше умереть!

— Джордж, прекрати.

— Тебе хорошо, ты ведь женщина. Кто теперь одолжит мне хоть шесть пенсов? Как он мог? Как он только посмел!

— Джордж, постарайся выбросить это из головы, — мягко сказала Люси.

Юноша собрался с силами и сердечно улыбнулся Алеку:

— Как здорово, что вы обо мне подумали!

— Прежде чем решишься, ты должен понять: будет нелегко. Предприятие тяжелое и опасное.

— Что ж, насколько понимаю, выбора у меня нет?

Алек протянул юноше руку и сдержанно улыбнулся — что бывало с ним очень редко.

— Надеюсь, мы поладим и будем друзьями.

— Джордж, ты вернешься, и все останется позади. Ах, будь я мужчиной — отправилась бы с тобой! Перед тобой весь мир, Джордж, и возможности совершенно безграничные. На тебя — вся надежда. Ты — моя гордость, моя вера. Ты прославишься и вернешь мне доброе имя, силы и чистоту.

Голос ее дрожал от волнения, и Джордж тут же залился краской.

— Я эгоистичная скотина! — воскликнул он. — Я думал только о себе, а о тебе никогда и не вспоминал.

— И не надо. Просто будь смелым, честным и стойким.

Слезы сверкнули в глазах Джорджа. Он обнял сестру, прижал ее к сердцу, как ребенка.

— Мне так тяжело покидать тебя, Люси.

— Милый, мне еще тяжелее. Тебе предстоят великие подвиги, а мне остается только сидеть и ждать. Но все равно езжай. — Голос девушки дрогнул, и она зашептала: — Помни, ты отправляешься в путь не только ради себя, но и ради меня. Любой твой бесчестный поступок убьет и меня тоже.

— Клянусь, Люси, тебе не придется стыдиться.

Она с улыбкой поцеловала брата. Алек взволнованно молчал.

— Что ж, довольно сантиментов, а не то мистер Маккензи сочтет нас сумасшедшими. — Она радостно посмотрела на Алека. — Мы так вам благодарны.

— Боюсь, отправляться придется совсем скоро, — сказал он. — Джордж должен быть готов через неделю.

— Если понадобится, он будет готов через сутки, — ответила девушка.

Юноша отошел к окну и закурил. Ему хотелось успокоить нервы.

— В ближайшие дни мы вряд ли сможем увидеться, — добавил Алек. — Сейчас очень много дел, а на выходные я уеду в Ланкашир.

— Жаль.

— Вы не измените своего решения?

Она покачала головой:

— Нет. Я должна оставаться свободной.

— А когда вернусь?

Люси тепло улыбнулась:

— Если ваши чувства не изменятся, спросите снова.

— А ответ?

— Возможно, ответ будет другим.

Глава VIII

Через неделю Алек Маккензи с Джорджем Аллертоном выехали с вокзала Чаринг-Кросс. Они отправлялись рейсом «Пиренейско-восточной пароходной компании» из Марселя в Аден, а там должны были пересесть на немецкий пароход до Момбасы. Леди Келси так испереживалась, что не стала провожать племянника. Люси была только рада возможности поехать на вокзал вдвоем с братом. Там их уже поджидали Дик Ломас и миссис Кроули. Поезд ушел, а Люси все стояла, не шевелясь, чуть в сторонке. Девушка даже не помахала вслед, лицо ее было почти бесстрастно. Миссис Кроули плакала, не стесняясь, и вытирала глаза крошечным платочком. Люси поблагодарила американку.

— Подвезти тебя до дома? — всхлипнула миссис Кроули.

— Я, пожалуй, возьму кеб, а вы лучше захватите Дика, — спокойно ответила Люси и, не прощаясь, медленно пошла прочь.

— Что за невыносимый народ! — воскликнула миссис Кроули. — А я-то хотела броситься ей в

объятия и хорошенько поплакать прямо на перроне. У вас нет сердца.

Дик взял ее под руку и помог усесться в экипаж, а миссис Кроули продолжала свой монолог:

— Слава Богу, у меня есть чувства, и я не боюсь их выказывать. Я одна плакала. Я знала, что расплачусь, и специально захватала три платка. Вот, посмотрите, — она вытащила платки из сумочки и сунула Дику, — мокрые насквозь.

— Вы словно торжествуете? — улыбнулся Дик.

— А вы совершенно бессердечны! Двое юношей отправляются в долгое и опасное путешествие, и бог знает, вернутся ли назад, — а вы прощаетесь, словно они едут на денек поиграть в гольф. Одна я сказала, как сильно волнуюсь и как мы будем по ним скучать. Ненавижу вашу английскую сухость! Ставлю десять к одному, что когда я буду уезжать в Америку, никто не придет меня проводить — а если и придет, то просто кивнет и скажет: «Счастливого пути. Желаю приятно провести время».

— Когда вы будете уезжать, я стану кататься по земле, скрежетать зубами и вопить что есть мочи!

— Да уж, пожалуйста! А я проплачу всю дорогу до Ливерпуля, буду мучиться головной болью и

чувствовать себя жалкой и несчастной.

Дик на секунду задумался.

— Мы просто инстинктивно опасаемся выставлять чувства напоказ. Не знаю почему. Наверное, это привычка или наследство суровых предков. Мы стыдимся, когда другие видят, что мы волнуемся, но я не уверен, что наши чувства при этом менее глубоки. Разве вам не кажется, что в наглухо скрытой печали есть особая красота? Вы же знаете, я искренне восхищаюсь Люси. Когда она подошла к нам там, на перроне, в ее спокойствии мне виделась особая прелесть.

— Вздор! — бросила миссис Кроули. — Повисни она в слезах на шее брата так, что их пришлось бы разлучать силой, — вот это бы мне понравилось.

— Вы заметили, что Люси ушла, не попрощавшись? Это ничтожное упущение — признак глубочайших переживаний.

Они подъехали к крошечному домику миссис Кроули на Норфолк-стрит, и та пригласила Дика зайти.

— Присядьте, почитайте газету, а я пока попудрю носик.

Дик устроился поудобнее и мысленно благословил очаровательную хозяйку, когда внушительного вида дворецкий принес все необходимое для

коктейля. Миссис Кроули почитала все английское, словно музейные экспонаты. Ее гостиная была обставлена изящнейшей чиппендейловской мебелью, узорчатая обивка безупречна, а с гравюр меццо-тинто смотрели дамы сэра Джошуа Рейнольдса. На каминной полке красовался лоустофтский фарфор, а на столике — коллекция старых серебряных ложек. Дворецкого хозяйка подобрала под стать дому. Его важное лицо без намека на улыбку хранило налет мрачной торжественности. Миссис Кроули с поражавшим дворецкого нахальством относилась к нему как предмету интерьера; он же, в свою очередь, считал хозяйку сумасшедшей иностранкой, но вместе с тем был предан ей до глубины своей суровой британской души и заботился о госпоже с трогательной нежностью.

Дик счел, что крошечная гостиная весьма уютна, и когда миссис Кроули, спустя целую вечность, наконец оторвалась от туалетного столика, он пребывал в отличном расположении духа.

— Вы настоящий герой, — сказала она, быстрым взглядом окинув бокалы, — ждали меня, не притронувшись к коктейлю.

— Ричард Ломас — воплощение учтивости. К вашим услугам, мадам, — высокопарно отозвался

Дик. — Жалок тот, кто утром пьет в одиночестве. Вечером, когда вы без воротничка и в тапках, с трубкой в зубах и хорошей книгой в руке, бокал виски с содовой крайне уместен в одиночестве; предобеденный же коктейль расцветит одна лишь беседа.

— Вы, кажется, совершенно здоровы, — заметила миссис Кроули.

— Так и есть. А что?

— Вчера я прочла в газете, что доктор предписал вам отправиться в Европу до конца зимы.

— Доктор получил две гинеи, а предписание я сочинил сам, — объяснил Дик. — Помните, на днях я подробно объяснял, что планирую удалиться на покой?

— Помню и категорически этого не одобряю.

— Я решил, что если брошу дела без всякого повода, меня сочтут безумцем и упрячут в сумасшедший дом. Вот я и изобрел себе хворь, а дальше все просто. Мой оппонент не будет голосовать до конца этой сессии[6], а со следующих выборов место займет более достойный — Роберт

---

[6] Примечания: 6

Речь идет о принятой до недавних пор в палате общин практике так называемых пар, при которой два представителя противоборствующих партий договаривались, что если один не сможет присутствовать на заседании по болезни или иной уважительной причине, его «оппонент» также не будет голосовать.

Боулджер.

— А что, если вы пожалеете об этом шаге?

— Когда-то давно я, с присущим юности пылом, верил, что все в жизни необратимо. Это обман. Одно из величайших достоинств жизни — что ее можно сколько угодно начинать по новой. Человеку дано достаточно времени, чтобы все перепробовать, — это-то и придает жизни особый вкус.

— Я не одобряю ваш легкомысленный подход. Мне жизнь кажется беспредельно серьезной и сложной.

— Заблуждение моралистов. На самом деле жизнь такова, какой вы ее делаете. Моя вот — проста и беззаботна.

Миссис Кроули задумчиво посмотрела на Дика.

— Интересно, почему вы так и не женились?

— С удовольствием объясню. Потому что мое остроумие неисчерпаемо. Еще в ранней юности я понял, что мужчины часто делают предложение не потому, что хотят жениться, а потому, что исчерпали все предметы для разговора.

— Важное открытие, — улыбнулась хозяйка.

— Едва сделав его, я тут же начал развивать свои способности к болтовне, понимая, что при

малейшей опасности должен иметь наготове подходящую тему. В последний оксфордский год я потратил немало времени, перенимая это искусство у лучших мастеров.

— Я что-то не замечала в ваших беседах особого блеска, — повела бровью миссис Кроули.

— Я стремился не к блеску, а к безопасности, и горжусь, что никогда не молчал, когда требовалось вставить слово. Сладкое очарование юности я встречал рассуждениями о свободе торговли, а отчаянные старания зрелости разбивались о краткий курс философии.

— Когда со мной заговаривают о философии, я тут же краснею, — призналась миссис Кроули.

— Ветреная вдовушка неопределенного возраста обратилась в бегство, так и не дослушав о драматургах эпохи Реставрации; и немало старых дев религиозного склада пали жертвами моих исключительных познаний о миссионерской деятельности в Центральной Африке. Одна герцогиня настойчиво интересовалась моими намерениями, но я поразил ее в самое сердце статьей из «Британской энциклопедии». Разведенная американка упала в обморок, когда я стал шептать ей на ушко о тарифе Маккинли. И это только самые серьезные победы. Не стоит и упо-

минать, как часто я спасался от озорного взгляда эпиграммой, а от томного вздоха — удачным четверостишием.

— Не верю ни единому слову! — возмутилась миссис Кроули. — Вы не женаты просто оттого, что никто не согласился.

— По меньшей мере вы оцените по достоинству, что я единственный за десять дней знакомства не предложил вам руку и сердце, сраженный угольными шахтами в Пенсильвании.

— Дело едва ли в шахтах, — ответила миссис Кроули. — Я отношу такую популярность на счет моих исключительных личных качеств.

Посмотрев на часы, Дик обнаружил, что от коктейля у него проснулся аппетит. Он предложил миссис Кроули разделить с ним ленч, и вскоре оба уже с радостью направлялись к дорогому ресторану. Они забыли и об Алеке с Джорджем, мчавшихся в неизвестность, и о Люси, тоскующей в своей комнате.

Для Люси наступила бесконечная череда унылых дней. Дик уехал в Неаполь и даже не писал ей, наслаждаясь обретенным бездельем. Миссис Кроули, собиравшейся в Египет, пришлось срочно вернуться в Америку в связи с болезнью сестры, а леди Келси, не выносившая суровой северной

зимы, отправилась в Ниццу. Люси с ней ехать отказалась. Даже зная, что не сможет видеться с отцом, она не могла покинуть Англию, не могла видеть счастливых лиц, наполнявших Ривьеру, пока он страдает. Девушку ужасало, что она ведет роскошную жизнь, пока отец томится взаперти; глядя на уютный, изящно обставленный дом, она сразу представляла его тюремную камеру. Люси хотелось побыть одной.

Она никуда не ходила, проводила дни в одиноком поиске душевного спокойствия, подолгу гуляла в парке с собаками и много ходила по картинным галереям. Явно не осознавая их действия, девушка смутно чувствовала исходящий от живописных шедевров покой. Нередко Люси садилась в Национальной галерее перед какой-нибудь знаменитой картиной, и та наполняла ее душу тихой, незамутненной радостью. Иногда она отправлялась к величественным статуям, украшавшим подножие Парфенона, и со слезами на глазах благодарила богов за удивительную гармонию мира. Музыку Люси почти не слушала, потому что не могла держать в узде свои чувства: бурные аккорды симфонии и предсмертные муки Тристана лишали девушку остатков самообладания, так что, придя домой, она в рыданиях

бросалась на постель.

Величайшее утешение Люси находила в книгах. В ее памяти смутно всплывали слова Алека, и она взялась за греческих авторов, которых тот так обожал. Эврипид в переводе дал ей кое-какое представление об оригинале, и девушка нашла в изысканных древних трагедиях отражение своей собственной судьбы. Сложность великого драматурга, его сомнения, отчаянье, его любовь к красоте отзывались в ее сердце неподвластным современному писателю образом. В трагедиях, где человек неизменно оказывался игрушкой судьбы, Люси находила утешение собственной печали. Без всяких размышлений, почти неосознанно она пришла к мысли, что смирение и твердость могут обратить кару богов к лучшему. Все поправимо, кроме человеческой слабости, и даже в позоре, несчастье и бедности можно вести жизнь, исполненную величия. Человек, раздавленный жестокой судьбой, может подняться над сломившей его безжалостной силой.

Так Люси противостояла невыносимому позору. В тихом уголке Гемпшира, где она провела детские годы, окруженная воспоминаниями о предках, родовая гордость была превыше всего, — теперь же девушка боялась, что порча охватит

и ее, и Джорджа. Ей оставалось лишь сносить кары богов, но Джордж… Джордж — мужчина. Он — ее единственная надежда. Теперь же девушку вдруг охватила паника. В приступе невыносимого ужаса она прикрыла ладонями глаза, лишь бы избавиться от жуткой мысли: что, если брат не оправдает надежд? Да, Джордж обаятелен и красив — но ведь и его отец улыбался с той же искренностью и очарованием. Что, если и сын скрывает за ними слабость и лицемерие? Враждебный голос нашептывал Люси, что ей иногда приходилось отводить глаза — лишь бы не видеть, как Джордж совершает нечто отвратительное. Но ведь это было в молодости. Она специально ограждала брата от своих мучительных терзаний — что ж удивляться, что он вырос легкомысленным и беспечным? Нет, она не станет сомневаться в Джордже — она просто не имеет права, ведь с ним умрет последняя надежда. Ей остается сомневаться только в себе.

Когда ей разрешили написать отцу, Люси решила его подбодрить. Мысль, что он вернется к ней только через пять с лишним лет, долго не давала девушке начать письмо, но она не теряла присутствия духа — наоборот, стремилась воодушевить отца. Он должен понять, что любовь дочери нику-

да не пропала, что он может по-прежнему на нее рассчитывать. Наконец пришел ответ. Уже через несколько недель непривычная пища и перемена образа жизни сказались на здоровье отца, и тот угодил в лазарет. Люси была благодарна судьбе за эту передышку, ведь в тюремном госпитале, должно быть, не так уныло, как в камере.

Она получила письмо от Джорджа, а затем и от Алека. Алек кратко рассказывал о путешествии по Красному морю и прибытии в Момбасу. В его резковатых, неловких строках и словом не упоминалось о любви и о помолвке, которую Люси почти что обещала ему по возвращении. Джордж, очевидно, находился в превосходном настроении и писал, как всегда, с детской непоследовательностью, со множеством жаргонных словечек и не сообщая никаких новостей. Трудно было догадаться, что письмо отправлено из Момбасы, накануне опасного путешествия в сердце Африки, а не из Оксфорда перед началом футбольного матча. И все же Люси обращалась к письмам снова и снова. Оба были крайне сухи, и при мысли, как негодовала бы, прочтя их, Джулия Кроули, девушка улыбнулась.

Люси пыталась со слов Алека вообразить картину, открывшуюся глазам брата. Пароход подходил

к берегу, а она словно стояла рядом, облокотившись о перила. Море было ярко-ярко-синим, а небо — словно перевернутая медная плошка. Вдали тянулся невысокий, поросший кустарником берег, у рифа плясали пенные буруны. Показался остров Момбаса с заросшими позициями береговой батареи, которая когда-то контролировала вход в гавань; на полянках над коралловыми утесами виднелись дома с белыми крышами и просторными верандами. Взгляд привлекала необычная, мрачная красота пальмовых рощ на другом берегу. Далее пролив сужался и шел мимо старого португальского форта, напоминавшего об отважных мореплавателях, которые первыми бороздили далекие моря. За фортом белые здания спускались к самой воде. Тут теснились плетеные африканские хижины с соломенными крышами, а рядом целый флот туземных судов. На причале вопили и толкались люди: полуобнаженные и странно одетые, в их числе заморские арабы, суахили и кое-где чернокожие из внутренних областей страны.

Стали приходить новые письма от Джорджа, Алек же больше не писал. Дни тянулись медленно. Леди Келси приехала с Ривьеры. Дик вернулся из Неаполя к лондонскому сезону — он

всячески наслаждался бездельем, опровергая предсказания, что не сможет обойтись без работы. Миссис Кроули снова поселилась в доме на Норфолк-стрит. Она присылала Люси с каждой почтой длиннющие письма, и девушка с нетерпением ожидала ее возвращения. Из всех друзей, пожалуй, лишь маленькой американки она могла совершенно не стесняться. С миссис Кроули — иностранкой — было легче разговаривать, а та слишком любила Люси, чтобы проявлять жалость. Выборы прошли раньше ожидаемого, и Роберт Боулджер занял парламентское кресло, которое с радостью освободил Дик Ломас. Бобби был совершенно очарователен. Он окружал Люси заботой, и девушка была поневоле тронута такой преданностью. Едва оправившись от первого потрясения после страшного приговора, она получила от Бобби письмо с предложением руки и сердца. Впрочем, Люси была благодарна ему за избранный способ выразить чувства и в ответном письме со всем возможным тактом объяснила, что хотя не может принять его любовь, она искренне ценит его дружбу.

Жизнь в Лондоне и в поместье леди Келси на берегу Темзы казалась Люси сном. Она ощущала себя фигуркой в череде призрачных картин на бе-

лой простыне — такие показывают на ярмарках. Душой Люси была в сердце Африки, неистовый полет воображения рисовал ей каждый день жизни Джорджа и Алека.

Далеко позади остались железная дорога и прочие признаки цивилизации, привычные для уже освоенных белым человеком земель. Люси знала, как ликовал Алек, покидая их, как воодушевлялся свободой. Он становился увереннее, когда понимал, что дальше нужно полагаться лишь на собственные силы, а успех предприятия зависит от него одного.

Лежа в постели и глядя, как крадется по небу унылая заря, она мысленно переносилась в Африку, где спящие путешественники ворочались с рассветными лучами — как колышутся спелые колосья под внезапным порывом ветра. Алек описывал ей утро так подробно, что картина стояла перед ее взором точно живая. Вот он в крепких ботинках выходит из палатки и затягивает ремень. На нем бриджи и пробковый шлем, а бронзовый загар еще темнее, чем при прощании. Он приказывает командиру отряда начать погрузку. В лагере тотчас начинается суета, носильщики хватают свой груз, привязывают к нему циновку и горшок, а потом, усевшись сверху, проглатывают

по паре пригоршней печеного маиса или остатки подстреленной вечером дичи. Едва солнце показалось над горизонтом, Алек, по обыкновению, выступил первым, в сопровождении нескольких аскари. Туземцы затянули какой-то непонятный напев, и только что кипевший жизнью лагерь опустел. Костры догорели, и в лучах восходящего солнца на смену человеческому гомону пришла молчаливая лесная жизнь. Огромные жуки сползались отовсюду, растаскивая мусор; мелкие зверушки грызли белые косточки, дочиста обглоданные жадными зубами туземцев; тощая гиена опасливо ухватила кость и метнулась обратно в джунгли. С неба тяжело спустились стервятники, неторопливо выглядывая самые омерзительные отбросы.

Люси мысленно следовала за Алеком, его воинами и длинной цепочкой носильщиков. Они шли по узкой тропе, продираясь сквозь колючие кусты и высокую густую траву, с трудом преодолевая заросли камыша, который смыкался над головами, обдавая путешественников холодной росой. Иногда попадались деревни — большие, на плодородных землях; а иногда отряд нырял в девственные леса, где под сенью опутанных лианами гигантских деревьев стояла вечная тишина, кото-

рую не нарушали даже шаги путешественников по толстому ковру опавших листьев; пересекали обширные болота, спасаясь от смертельной лихорадки, и попадали в джунгли, где, насколько хватало глаз, тянулись кактусы и заросли колючек. Они то шли по травянистым плоскогорьям, где величественные деревья напоминали английские парки, то брели по звериной тропе вдоль берега быстрой речушки.

В полдень объявили привал. Отряд к тому времени растянулся: больные, слабые и просто ленивые, а также остановившиеся поправить груз отставали, но наконец все собрались. Арьергард (возможно, им командовал Джордж), которому было приказано никого не бросать, сообщил, что все на месте. Прячась от полуденного зноя, путешественники разожгли костры и принялись готовить еду. Затем снова выступили в путь и шли до заката.

Добравшись до намеченного места ночлега, они дали пару сигнальных выстрелов, и вскоре отовсюду стали появляться туземцы с корзинками зерна и муки, картофелем, цыплятами и, кажется, парой горшочков меда. Тут же разбили палатки, приготовились к ночлегу, уложили и пересчитали груз. Отдельная команда рубила колючие

ветки и сооружала из них изгородь — «зарибу». Люди устраивались на бивуаке группками, в которых одни шли собирать материалы для хижин, другие — за водой, третьи — за дровами и камнями для очага. На закате командир отряда дунул в свисток и спросил, все ли на месте, — в ответ раздался громкий хор голосов. Командир доложил Алеку и получил указания на следующий день.

Алек рассказывал, что по отзыву на свисток командира всегда можно судить о настроении людей. Если охота была удачной или отряд после долгих лишений вышел к благополучным местам, то ответом ему звучал нестройный гам. Если же переход был долгий и трудный или наступал последний день, на который раздавали еду, то звучали лишь отдельные голоса, а кто посмелее, даже иногда выкрикивал: «Есть хочу!»

Алек и Джордж сели ужинать с остальными, а носильщики собирались группками у больших горшков с кашей. Поболтав, покурив и обменявшись парой историй, белые путешественники отправились спать, и Алек, который разглядывал угольки догоравшего костра, остался наедине с собственными мыслями. На лагерь опустилась ночная тишина, и он поднял глаза к мириадам звезд, что сияли на синем африканском небе.

Люси поднялась и встала у открытого окна. Она тоже посмотрела на небо и подумала, что видит те же самые звезды. В лагере все уже спали, и, отрешившись от дневных забот, последние полчаса Алек мог посвятить собственным мыслям — а мысли его были, конечно же, о ней.

Алек уехал уже несколько месяцев назад. Любовь Люси все крепла. Она одна, понемногу наполняя сердце девушки, раскрашивала одинокую жизнь яркими красками. Сильная натура не принимала полутонов, и Люси с крайним облегчением отдалась на волю всепоглощающего чувства. Жизнь ее как будто двинулась в ином направлении. Давнишнее желание найти защиту и опору наконец исполнилось. Прежде Люси пестовала в себе лишь те душевные качества, которых недоставало отцу с Джорджем: смелость, решительность. Жить, полностью полагаясь на любовь Алека, оказалось очень легко: теперь можно быть слабой, можно черпать силы из нового, могучего источника. Все мысли Люси были об Алеке — о человеке, которого она в действительности толком не знала. Ее восхищала бескорыстная целеустремленность Маккензи, его непоколебимая воля; собственные достоинства в сравнении с ним казались девушке мелкими

и ничтожными, и она бережно хранила каждую крупицу памяти об Алеке. Люси перебирала в уме его слова и все их беседы; она возвращалась к местам совместных прогулок и вспоминала, какое в те дни было небо и что за цветы цвели тогда в парках; она заглядывала в галереи, куда они ходили вдвоем, и стояла перед картинами, у которых задерживался Алек. Несмотря на все муки и унижения, Люси была счастлива. В ее жизни появилось нечто особое, и все прочее отступило на второй план. Он любит ее — значит, любая беда теперь нипочем.

Дик наконец получил письмо от Алека. Корреспондентом тот был неважным. Маккензи не обладал даром ярко выражать свои мысли, а при виде пера с бумагой его и вовсе охватывала неодолимая робость. Сухое, бесстрастное письмо было отправлено из отдаленной фактории, где экспедиция сделала последнюю остановку, прежде чем углубиться в дикие земли. Алек сообщал, что у него все хорошо и европейцы пока неплохо переносят жару — если не считать отдельных случаев лихорадки. Лишь один — некий Макиннери — доставлял массу хлопот, и его пришлось отправить обратно на побережье. Причину Алек не сообщал — он был слишком занят последни-

ми приготовлениями. Для извлечения из этих неосвоенных земель коммерческой выгоды была создана «Восточноафриканская торговая компания», наделенная всеми необходимыми правами, однако она испытывала затруднения из-за неустроенности вверенной территории. Руководство компании охотно приняло предложение Алека объединить усилия и поручило ему командование своими людьми в факториях: таким образом, число европейцев в экспедиции выросло до шестнадцати. Он вымуштровал и вооружил приведенных с побережья суахили, так что теперь в распоряжении Маккензи оказался отряд в четыре сотни ружей. Кроме того, к походу присоединялись вооруженные копьями воины местных племен — в письме перечислялись причудливые имена вождей, выступивших под его началом. Влияние Мохаммеда Хромого пошло на убыль: за три месяца, что Алек провел в Лондоне, тот заболел (по уверениям туземцев — от наложенного одной из жен заклинания), чем немедленно воспользовался сын Мохаммеда: он восстал и занял одно из укреплений. Умирающий султан выступил против мятежника. Этот раскол существенно усилил положение Алека.

Дик протянул Люси письмо и молча следил,

как та читает.

— Он ничего не написал о Джордже, — заметил Ломас.

— Очевидно, с Джорджем все в порядке.

Дику показалось странным, что Алек ни словом не упомянул о юноше, однако он промолчал. Главное, что Люси все устраивает. И все-таки на душе у него было неспокойно. У Дика были дурные предчувствия по поводу участия Джорджа в африканской экспедиции. Он все еще опасался, что за ясными голубыми глазами и приветливой улыбкой прячется легковесная, пустая натура — как у Фреда Аллертона. Впрочем, для юноши это все равно единственный шанс, который нельзя упустить.

А затем наступила долгая тишина. Алек растворился в неизвестных землях, словно в ночном мраке, и от него не было никаких вестей. Никто ничего не знал и даже слухи не достигали побережья. Перевалив со своим отрядом через горы, отделяющие британский протекторат от полностью независимых территорий, он попросту исчез. Месяц за месяцем — ничего. Прошел год с момента прибытия в Момбасу, потом год с тех пор, как он в последний раз писал. Оставалось лишь предполагать, что там, за суровыми

скалами, кипят яростные битвы, открываются новые земли, а работорговцы шаг за шагом отступают под ударами Алека. Дик убеждал себя, что молчание — добрый знак, ведь будь экспедиция уничтожена, ликующие арабы разнесли бы эту весть повсюду, и слухи просочились бы через Сомали к побережью или — с караванами торговцев — в Занзибар. Он регулярно справлялся в министерстве иностранных дел, но там тоже ничего не знали. Отряд как в воду канул.

Однако Люси совершенно не волновалась. Она безгранично верила в Алека, в его силу, смелость и счастливую звезду. Он сказал, что не вернется, пока не исполнит задуманного, поэтому Люси ждала лишь одной вести — о триумфальном завершении экспедиции. Пока же она пыталась помочь в меру сил. В конце концов руководство «Восточноафриканской компании» забеспокоилось и предложило поднять вопрос в парламенте или устроить шумиху в газетах. Правительство будет вынуждено послать войска, чтобы помочь Маккензи в беде или отомстить за него в случае гибели. Однако Люси знала, что именно вмешательства властей Алек опасался больше всего: он полагал, что если кому и по силам исполнить намеченное, то только ему одному. Девушка

убедила Роберта Боулджера с Диком Ломасом вмешаться и воспрепятствовать планам компании. Она не сомневалась: Алеку нужно лишь дать время и не мешать.

Глава IX

Однако монотонное течение жизни Люси со всеми сладкими грезами было прервано новостями совершенно иного свойства. Из Паркхерста[7] пришло письмо, что в связи с плачевным состоянием здоровья ее отца власти приняли решение сократить срок тюремного заключения и он будет выпущен на свободу уже через день, в восемь часов утра. Девушка не знала, радоваться ей или печалиться: ведь она понимала, что хоть мучения бедняги и подошли к концу, выпускают его лишь ввиду близкой кончины. Фреда Аллертона ждет свобода, над которой не властны человеческие законы, и ему из сострадания позволили умереть в окружении близких.

Люси немедленно отправилась на остров Уайт и остановилась у женщины, когда-то служившей у них в Хамлинс-Перлью.

Была середина зимы, и Люси ждала отца у тюремных ворот под ледяным дождем. Они расстались три года назад. Люси обняла его и

---

[7] Примечания: 7

Паркхерст — расположенная на острове Уайт тюрьма строгого режима для осужденных на длительный срок.

поцеловала молча, не находя слов от избытка чувств. Их ожидал экипаж, а к приезду был готов завтрак, причем Люси проследила, чтобы все было так, как он любил. Фред Аллертон окинул тоскливым взглядом чистую скатерть, цветы и свежие булочки, но лишь молча покачал головой. Слезы ползли по его щекам. Он устало опустился на стул. Люси убеждала отца поесть, принесла ему чая, но тот отодвинул чашку и посмотрел на дочь усталыми, покрасневшими глазами.

— Дай мне цветы, — пробормотал он.

Это были его первые слова. В центре стола стояла большая ваза с нарциссами. Девушка вытащила их, ловко протерла мокрые стебли и протянула отцу. Дрожащими руками тот прижал цветы к груди, зарылся в них лицом, и слезы брызнули на желтые лепестки с новой силой.

Люси обняла отца и прижалась к нему щекой.

— Не надо, — прошептала она. — Постарайся забыть.

Он бессильно откинулся на спинку. Цветы упали на пол.

— Знаешь, почему меня выпустили?

Она молча поцеловала его и шепнула:

— Как хорошо, что мы снова вместе.

— Потому что я скоро умру.

— Нет, не умрешь. Ты быстро поправишься и счастливо проживешь еще много лет.

Фред Аллертон окинул дочь долгим, проницательным взглядом и проговорил с устрашающей пустотой в голосе:

— Ты думаешь, я хочу жить?

От непосильной боли Люси на мгновение замолчала, иначе голос бы дрогнул.

— Ты должен жить ради меня.

— Но ты же меня ненавидишь.

— Нет, я люблю тебя еще сильнее — и буду любить всегда.

— Пока я был в тюрьме, женихи тебя вряд ли осаждали.

Это прозвучало так неожиданно, что Люси растерялась. Он горько усмехнулся:

— Нужно было застрелиться. Обо мне бы уже давно забыли, и у тебя был бы шанс. Что ж ты не вышла за Бобби?

— Я и не собиралась замуж.

Разговор отнял у Аллертона последние силы, и он прикрыл глаза. Люси решила, что отец уснул, и принялась собирать цветы, однако он заметил и жалобно, словно больной ребенок, простонал:

— Дай мне.

Она снова дала отцу цветы, а тот ухватил ее за

руки и стал их гладить.

— Мне бы только умереть поскорее. Я ухожу. Я никому не нужен и буду обузой. Зря меня выпустили — лучше было спокойно умереть там.

Люси глубоко вздохнула. Трудно было поверить, что этот измученный, сломленный человек — ее отец. Он сильно постарел, и было в этой преждевременной дряхлости что-то страшное, противоестественное. Он исхудал, руки его постоянно тряслись, зубы почти все выпали, щеки ввалились. Он так мямлил, что трудно было разобрать слова. Взгляд потух, короткие волосы совсем поседели. Время от времени отца охватывал мучительный кашель, а сразу вслед за ним сердце схватывало так, что даже смотреть было больно. В жаркой комнате он дрожал от холода и жался к пылающему камину.

Доктор, за которым послала Люси, осмотрел его и лишь пожал плечами:

— Боюсь, ничего уже не поделать. Он тяжело болен, сердце едва выдерживает.

— Неужели нет никакой надежды?

— Увы, в наших силах лишь облегчить страдания.

— Сколько он еще проживет?

— Невозможно сказать. Возможно, всего день,

а возможно, и полгода.

Тоска девушки тронула сердце старого доктора, повидавшего немало подобных случаев.

— Он не хочет жить. Смерть будет лишь избавлением.

Люси ничего не ответила. Вернувшись, она не знала, что сказать отцу, — а тот впал в апатию и даже не поинтересовался мнением доктора. В ужасе от одной мысли, что Люси с отцом придется тесниться в меблированных комнатах, леди Келси пригласила обоих пожить к себе на Чарльз-стрит; а миссис Кроули предоставила в их распоряжение Корт-Лейс — на случай если им не захочется никого видеть. Девушка выждала несколько дней, однако лучше отцу не стало, и нужно было что-то решать. Оба предложения он отверг.

— Значит, ты хочешь остаться здесь?

Аллертон молча смотрел на огонь. Люси решила, что отец не слышал вопроса, поскольку часто уходил в себя. Она хотела переспросить, но он вдруг заявил:

— Я хочу вернуться в Пердью.

Люси сдавленно охнула и пораженно уставилась на бедного старика. Неужели он не помнит? Он уверен, что по-прежнему владеет землями

предков, и позабыл обо всем, что привело к их потере. Как же быть?

— Хочу умереть в собственном доме, — пробормотал он.

Люси ударилась в панику. Нужно что-то ответчать. Отец требовал невозможного, однако сказать правду будет слишком жестоко.

— Там живут люди.

— В самом деле? — равнодушно переспросил он, продолжая смотреть на огонь.

Повисла невыносимая тишина.

— Когда поедем? — наконец спросил он. — Я хочу домой поскорее.

Люси замерла в нерешительности.

— Пойдем пока к себе.

— Хорошо.

Отец словно утратил способность удивляться. Совершенно позабыв о катастрофе, приведшей к потере Хамлинс-Перлью, он тем не менее не задавал никаких вопросов. Сама мысль о доме причиняла Люси невыносимые страдания. Все это время девушка непреклонно гнала из головы любые воспоминания о милых сердцу местах — только так ей удавалось приглушить боль. Теперь же придется туда вернуться — бередить старые раны. И все же, не в силах отказать отцу,

Люси стала готовиться к поездке. Священник, которому Фред Аллертон когда-то доверил приход, оставался им другом, в преданности которого не приходилось сомневаться. Люси написала ему, что отец мечтает перед смертью посетить родные края, и попросила подыскать им какое-нибудь жилье — пусть даже совсем скромное. В ответ пришла телеграмма: священник рад был принять Люси с отцом у себя. В его просторном холостяцком доме довольно места для всех, да и гораздо уютнее, чем в съемных комнатах. Тронутая такой добротой, девушка с благодарностью приняла предложение.

На следующий же день они без приключений перебрались через Солент.

Священник этот раньше преподавал в университете, и Фред Аллертон пригласил его в Хамлинс-Перлью, поскольку в семье было заведено, чтобы глава прихода отличался незаурядной ученостью. Этот худой, седовласый и очень добрый человек уже много лет жил отшельником в их сельской глуши. Он скрупулезно исполнял все обязанности, однако большую часть времени посвящал своей главной страсти — книгам. На улицу священник выходил редко, так что однообразное течение жизни в доме нарушалось разве

что доставкой новой порции пыльных томов, купленных по распоряжению хозяина на какой-нибудь распродаже. Тот был человеком широко образованным, с энциклопедическими познаниями и от одиночества весьма эксцентричным — но очень добродушным. Жил он просто, ни в чем не нуждаясь.

В этом-то доме, все стены которого были от пола до потолка уставлены древними фолиантами, и поселились Люси с отцом. Сразу по прибытии Фреду Аллертону стало хуже, словно жизнь в нем поддерживало лишь стремление вернуться в родные края. Люси не отходила от него ни на шаг, так что времени на болезненные воспоминания попросту не оставалось. Часами оставалась она у постели пребывавшего в болезненной полудреме отца, а добрый священник сидел у окна и тихим голосом читал ей странные, давно забытые книги.

Наконец Аллертону стало лучше. Целую неделю старик почти не приходил в сознание, и Люси несколько раз казалось, что конец уже близок, — однако теперь ясность рассудка к нему вернулась. Отец захотел встать, а ей казалось жестоким отказывать ему в любых желаниях. Он попросился наружу. День был теплый и ясный. Стоял фев-

раль, и в воздухе пахло весной. Распустившиеся в укромных уголках подснежники и крокусы придавали саду живость итальянского пейзажа — словно в их многоцветье вот-вот послышатся легкие шаги изящных ангелов Перуджино. Втроем они уселись в старомодную коляску, запряженную пони, — священник объезжал на ней свою паству.

— Отправимся на болота, — предложил Аллертон.

Они медленно ехали по извилистой дороге, пока не добрались до широкой полосы прибрежных болот, за которой тихо блестело море. Ветра не было. Пасущаяся неподалеку корова подняла голову и лениво махнула хвостом. Сердце девушки забилось чаще. Она чувствовала, что и отец тоже видит в этой картине воплощение родного дома. В других краях есть простор и роскошные деревья, леса и лиловый вереск, однако в этих зеленых равнинах таилось что-то особенное, понятное только им двоим. Люси взяла отца за руку, и они оба молча смотрели вдаль. Спокойствие разлилось по изможденному лицу Фреда Аллертона, а из груди его вырвался стон — но не от боли. Люси молила об одном: пусть отец так и не узнает, что эти бескрайние поля ему больше

не принадлежат.

Этим вечером она ощутила, что смерть уже на пороге. Фред Аллертон почти не раскрывал рта. Выйдя из тюрьмы, он ограничивался в день всего дюжиной фраз, и ничто не могло вывести его из этой летаргии. Теперь же отца вдруг охватило необычное беспокойство. Он не хотел ложиться и умолял придвинуть его кресло к окну. На чистом небе ярко сияла луна. Старик не сводил взгляд с окружавших Хамлинс-Перлью старых вязов. На них же смотрела Люси, с тоской вспоминая дорогой ее сердцу сад и любимые деревья, за которыми столь бережно ухаживали прежние хозяева усадьбы. Сердце девушки дрогнуло при мысли о доме из серого камня, о его просторных, уютных комнатах.

Ее внимание привлек резкий звук. Голова отца вдруг откинулась, он шумно задышал. Люси позвала хозяина.

— По-моему, это конец, — сказала она.

— Послать за доктором?

— Нет необходимости.

Священник оглядел бледное лицо старика в тусклом свете прикрытой абажуром лампы, упал на колени и стал молиться об умирающем. Люси вздрогнула. На ферме закукарекал петух, и вдали

тут же радостно отозвался второй. Она положила руку на плечо священника и шепнула:

— Все кончено.

А потом наклонилась и поцеловала глаза отца.

Прошла неделя. Люси пошла прогуляться вдоль берега. Фреда Аллертона похоронили три дня назад рядом с предками, которых он опозорил. Церемония прошла тихо. Из всех друзей в Англии в тот момент был лишь Роберт Боулджер, но Люси попросила его не приезжать и прощалась с отцом в одиночестве. Гроб опустили в могилу, и священник торжественно и печально прочел заупокойную службу. Отец ушел с миром, так что она не горевала — лишь надеялась, что проступки вскоре забудутся; и, быть может, друзья запомнят его как приятного компаньона и доброго товарища. Большего Люси и не требовалось.

На следующий день она покинула гостеприимный кров, и священник, прекрасно понимая желание девушки в последний раз пройтись в одиночестве по милым сердцу местам, не стал ее провожать. На душе у Люси было грустно и вместе с тем как-то спокойно. Она словно вобрала в себя мирную смерть отца и теперь ощутила нечто совершенно новое — смирение.

Мысли ее были отныне направлены в будущее

и полны надежды. Стоя у самой воды, девушка, как и три года назад в Корт-Лейс, смотрела на море, омывавшее берега Кента. Многое изменилось с тех пор, немало печали выпало на ее долю, и все же сейчас Люси была куда счастливее. Тогда — кажется, много веков назад — в ее жизни не было ни капли радости; теперь же была великая любовь, с которой под силу любая ноша.

Над головой висели низкие облака, и у горизонта серое небо сливалось с таким же серым морем. Горящий взгляд Люси уносился вдаль. Теперь вся ее жизнь зависела от событий в далеком уголке Африки, где героически сражались Алек и Джордж. Девушка задумалась, что означает столь долгое отсутствие вестей.

— Мне бы только увидеть, — шепнула она.

Ее дух устремился вдаль, пронзая бесконечные пространства, но вернулся ни с чем. Судьба путешественников оставалась неизвестна.

Однако преодолей любовь разделявшую их пропасть, сумей Люси чудесным образом рассмотреть, что происходит с Алеком и Джорджем, — ей открылась бы трагедия куда более страшная…

Глава X

Ночь была темная и ненастная. Шел дождь, всюду стояла грязь. Верные суахили, которых Алек привел с побережья, стучали зубами у костров, а дозорные дрожали от холода. В такие ночи мужество уходит, а все, к чему Алек стремился, кажется глупым и незначительным. С потолка палатки струилась вода, всюду без стеснения сновали огромные крысы. Крепкая парусина раздувалась под могучими порывами ветра, оттяжки поскрипывали, словно вся конструкция вот-вот взлетит. В палатке было на удивление тесно, притом что в ней стояла лишь прикрытая москитной сеткой постель Алека, складной столик с парой садовых стульев да ящики со всяким ценным имуществом. Под ногами хлюпало, несмотря на брошенный на пол кусок брезента.

На одном из стульев спал человек: голову он опустил на руки, а винтовку прислонил к столу. Это был Уокер — юноша, отправленный распоряжаться самым северным форпостом «Восточноафриканской компании» взамен старшего товарища, который уехал домой в отпуск.

Он присоединился к экспедиции год назад и оказался забавным круглолицым толстяком веселого нрава — какого совершенно не ожидаешь встретить в африканской глуши, — причем совершенно неприспособленным к здешнему образу жизни. Достигнув совершеннолетия, он унаследовал скромную сумму, которую тут же решительно промотал, не останавливаясь ни перед чем. Потратив последнее пенни, он, чтобы не умереть от голода, принял предложение друга семьи, входившего в руководство «Восточноафриканской компании». Невзгоды совершенно не сказывались на его жизнерадостной натуре. Уокер никогда не унывал, не жалел об ошибках молодости и не роптал на преследующие отряд тяготы. Юноша нравился Алеку. Будучи по натуре молчалив, Маккензи отдыхал в обществе людей вроде Дика Ломаса и Уокера, умевших болтать без передышки. Простодушие молодого человека и его искреннее удивление глубоким различиям между Африкой и Мейфэром неизменно забавляли путешественника.

В палатку зашел Адамсон. Доктор был компаньоном Алека в двух предыдущих экспедициях, где они крепко сдружились. Этот уроженец Эдинбурга растягивал слова и был остер на язык.

Настоящий великан, куда крепче любого из англичан в их отряде. Движения его были столь же неторопливы, как и речи.

— Привет, — бросил он.

Уокер подскочил как от выстрела и рефлекторно потянулся за оружием.

— Ладно-ладно, не стреляй! — расхохотался доктор. — Это же я.

Уокер убрал винтовку и уставился на доктора.

— Что, нервы пошаливают?

Жизнерадостный толстяк наконец опомнился и прыснул.

— За каким чертом ты меня разбудил? Мне снилось… Снилась туфелька на высоком каблуке и изящная ножка, и еще белая кружевная юбка…

— В самом деле? — переспросил доктор с ленивой усмешкой. — Ну тогда я как раз вовремя. Разбудил и не дал выставить себя дураком. Хочу взглянуть на твою руку.

— Что может быть очаровательнее?

— Руки-то? — мрачно уточнил Адамсон.

— Нет, молодой женщины, что переходит Пикадилли у магазина «Суон и Эдгар». Вы, дружище доктор, варвар и дикарь; вам не понять, сколько требуется забот, приготовлений и тревожных раздумий, чтобы так элегантно поддернуть вос-

хитительно сшитую юбку.

— Да вы, Уокер, исключительно аморальный тип, — с улыбкой отозвался доктор своим ленивым говорком.

— При сложившихся обстоятельствах мне остается лишь порицать праздность и лень. Койка в тесной палатке под завывание москитов мне сейчас куда милее всех нежных прелестей, вместе взятых, а ужин свой я не променяю и на саму Елену Троянскую.

— Сразу вспоминается лисица, которой был зелен виноград.

Уокер швырнул жестяной миской в крысу, которая нахально разглядывала его, усевшись на задние лапы.

— Чепуха! Дайте мне мягкую постель, сытно поесть да табака вдоволь — и пропади все красотки пропадом.

Адамсон молча улыбнулся. Беспечная болтовня Уокера придавала их тяжелому положению чуть мрачноватый комизм.

— Давай-ка посмотрим твою руку, — заявил он серьезным тоном. — Не ноет?

— Даже говорить не о чем. Завтра буду здоров как лошадь.

— Пожалуй, стоит все же обработать.

Уокер снял куртку и закатал рукав. Доктор размотал бинты и осмотрел обширную рану, а потом заново ее перевязал.

— Лучше не бывает, — пробормотал он. — Удивительно, как иногда здорово все заживает, когда, казалось бы, и не должно.

— Устали, наверное? — поинтересовался Уокер, следя, как доктор ловко режет бинт.

— С ног валюсь, а работы перед сном еще море.

— Забавно. Отправляясь в Африку, я думал, что отлично проведу время. Ничего делать не буду — только охотиться.

— Да уж, пикника на природе не вышло, — отозвался Адамсон. — Впрочем, вряд ли кто-то ожидал, что все повернется так мрачно.

Уокер положил здоровую руку на плечо доктору.

— Мой друг, если я когда-нибудь вернусь в родные края, то второй раз ни за что не поддамся несусветной глупости и не отправлюсь на поиски приключений. Я найду мирное, спокойное занятие: стану зазывалой у виноторговца или страховым агентом.

— Все так говорят. Но вернешься домой — а перед глазами стоят здешние леса, равнины и палящее солнце, и даже москиты. Оглянуться

не успеешь, как снова окажешься в этих Богом забытых землях.

Повисшую тишину прервал неожиданный вопрос Уокера:

— Доктор, вы не мечтаете о бифштексах?

Тот озабоченно уставился на собеседника, который с улыбкой продолжал:

— Иногда, когда на марше от жары голова идет кругом, а завтрак опять был скудный и несъедобный, у меня бывает видение…

— Мне было бы легче перевязывать, жестикулируй ты только одной рукой, — заметил Адамсон.

— Я сижу в своем клубе за маленьким столиком у окна с видом на Пиккадилли. Скатерть белоснежная, все блестит. И вот подобострастный лакей приносит бифштекс: идеально прожаренный и такой нежный, что прямо тает во рту. А рядом ставит тарелку хрустящей жареной картошки. Чувствуете запах? Другой, в ливрее, приносит мне кружку и выливает туда бутылку — большую бутылку пенного эля.

— Да вы, друг мой, изрядно повеселели.

Уокер с жизнерадостным видом пожал плечами:

— Не раз доводилось мне умиротворять жестокие муки голода беззаботной эпиграммой, а

сочиняя сложный лимерик — обманывать убийственную жажду.

Фраза так понравилась юноше, что он решил запомнить ее на будущее. Доктор на мгновение задумался и серьезно посмотрел на Уокера.

— Вчера вечером я подумал, что вы, молодой человек, свое отшутили. И еще — что у меня кончился хинин…

— Попали мы тогда в переделку, а?

— Я здесь с Маккензи уже третий раз и, уверяю вас, никогда не был в столь полной уверенности, что нам конец.

Уокер позволил себе пофилософствовать:

— Знаете, а занятная штука — смерть! Стоит подумать о ней заранее, так от страха поджилки трясутся; а посмотришь ей прямо в глаза — и все так просто, что не успеешь и испугаться.

Путешественники и вправду чудом избежали гибели, а теперь то и дело вспоминали этот страшный момент с поразительной беззаботностью. Кипел бой, отступать было некуда, и каждый показал, чего он на самом деле стоит. Всего пару часов назад дела шли совсем скверно, и теперь, в первый миг облегчения, они поневоле пытались обратить все в шутку. Однако основательный доктор Адамсон желал вспомнить все в

подробностях.

— Атакуй арабы в те десять минут, они бы нас просто смели!

— А Маккензи-то оказался на высоте, разве нет?

— Еще бы не оказался, — сухо отозвался Адамсон. — По-моему, он решил, что нам конец.

— С чего вы это взяли?

— Я его неплохо знаю. Когда все ладится, Маккензи становится немного раздражителен. Он замкнут и молчалив — но только пока не вызовешь чем-нибудь его недовольство.

— Вот-вот! Тут-то он спуску не даст! — подхватил Уокер, припоминая замечания, которыми Алек не раз возвращал его с небес на землю. — Не зря туземцы прозвали его «Гром и молния».

— Зато когда дела плохи, Маккензи так и сияет, — продолжал доктор. — И чем хуже, тем он радостней.

— Знаю. Ты умираешь от голода, валишься с ног, промок до нитки и мечтаешь просто лечь и умереть потихоньку — а Маккензи прямо искрится. Ужасно. Если у меня плохое настроение, то пусть уж оно и у других будет плохое.

— Последние три дня он веселее некуда. Вчера шутил с дикарями.

— Шотландский юмор, — заметил Уокер. — На здешнем языке звучит смешнее некуда.

— Никогда не видел его таким радостным, — продолжал доктор, пропустив насмешку мимо ушей. — «Черт побери! — подумал я. — Командир считает, что нам крышка».

Уокер встал и лениво потянулся.

— Слава Богу, все уже позади. Мы три дня не спали. Теперь уж если лягу, то неделю просыпаться не буду.

— Мне пора к остальным пациентам. У Перкинса сильный жар — недавно бредил.

— Боже… Я совсем забыл.

В Африке люди менялись. Уокер с удивлением отметил, что вполне счастлив, и собирался отпустить по этому поводу какую-то остроту… Он едва не позабыл, что один его соотечественник был убит накануне, а другой получил пулю в голову и лежит без сознания. Два десятка туземцев мертвы, а весь отряд чудом избежал гибели.

— Бедняга Ричардсон.

— Ужасная потеря, — протянул Адамсон. — Смерть вечно забирает не тех, кого нужно.

Уокер бросил взгляд на силача-доктора, и его спокойное лицо помрачнело. Он отлично понимал, на что тот намекает, и лишь пожал плечами.

Шотландец же продолжал:

— Если смерти не избежать, уж лучше бы чертов щенок Аллертон получил пулю вместо бедняги Ричардсона.

— Невелика была бы потеря, — помолчав, заметил Уокер.

— Маккензи долго терпел его выходки. Я бы отправил Аллертона на побережье вместе с Макиннери.

Уокер не ответил, и доктор продолжал разглагольствовать:

— Кажется, некоторые люди по природе до того испорчены, что сколько ни давай возможность исправиться — все впустую. Такие пусть катятся к дьяволу, и чем скорее, тем лучше.

В этот момент вошел Маккензи и сбросил насквозь промокший макинтош. При виде Уокера и доктора Алек оживился. Адамсон был ему верным другом, которому можно полностью доверять.

— Я обходил посты.

Сообщать по доброй воле хоть что-то, даже такие пустяки, было не в правилах командира. Адамсон поинтересовался:

— Все спокойно?

— Да.

Алек разглядывал доктора, словно заметил

нечто очень странное. Отлично зная своего друга, Адамсон сразу догадался: случилось что-то нехорошее. Еще он понял, что с вопросами приставать не стоит.

Наконец Алек продолжил:

— Я только что говорил с гонцом, которого прислал Миндаби.

— Что-то важное?

— Да.

Столь лаконичный ответ не предполагал дальнейших расспросов. Он повернулся к Уокеру:

— Как рука?

— Чепуха. Просто царапина.

— Все равно нужно быть осторожнее. В этой стране даже царапина может причинить много бед.

— Он поправится через пару дней, — сказал доктор.

Алек сел и помолчал минуту, погрузившись в раздумья. Его пальцы теребили бороду — со времен отъезда из Англии она отросла и растрепалась.

— Как остальные? — вдруг спросил он Адамсона.

— Думаю, Томпсон не дотянет до утра.

— Я только что к нему заходил.

Раненный в голову Томпсон со вчерашнего дня лежал без сознания. Он был старый золотоискатель, добровольно примкнувший к экспедиции против работорговцев.

— Перкинс проваляется еще несколько дней, и несколько туземцев тяжело ранены. У этих мерзавцев разрывные пули.

— Умирающие есть?

— Нет. Двое довольно плохи, но должны выкарабкаться.

— Понятно, — коротко отозвался Алек.

Пристально разглядывая стол, он не заметил, как положил руку на оставленную Уокером винтовку.

— Послушайте, вы хоть что-нибудь ели? — наконец спросил юноша.

Алек стряхнул с себя задумчивость и приветливо улыбнулся собеседнику, что случалось с ним крайне редко. Он явно изображал веселость.

— Боже правый, я и забыл, когда последний раз подкреплялся. Ни минуты покоя с этими проклятыми арабами.

— Уж точно не сегодня. Вы, должно быть, чертовски голодны.

— А ведь и правда, — жизнерадостно отозвался Алек. — А еще умираю от жажды. Целый слоно-

вий бивень отдал бы — лишь бы напиться.

— А у нас, как назло, ничего, кроме теплой воды! — громко расхохотался Уокер.

— Скажу мальчишке, чтобы принес тебе поесть, — сказал доктор. — Нельзя так шутить с собственным желудком.

— Суров наш доктор, — подмигнул Алек. — Поесть и правда не повредит. Сейчас самое время.

Однако стоило Адамсону шевельнуться, Алек его остановил:

— Не трогай его. Бедняга от усталости еле жив, и я разрешил ему поспать, пока не позову. Мне много не надо — сам возьму.

Алек огляделся и наконец отыскал жестянку с мясом и галеты. На войне не поохотишься, так что рацион путешественников был скуден и однообразен. Он сел за стол и принялся за еду под взглядом Уокера.

— Вкусно? — с издевкой спросил тот.

— Божественно!

— Неудивительно, что вы отлично уживаетесь с туземцами — с такими-то инстинктами первобытного дикаря! Вульгарно утоляя животный голод, вы совершенно не цените высокого искусства трапезы.

— А мясо-то слегка заплесневело, — отозвался

Маккензи.

Ел Алек, впрочем, с большим аппетитом. Он внезапно вспомнил Дика, который в это самое время как раз должен был приступить к столь любимому им легкому ужину в «Карлтоне». Перед глазами путешественника промелькнула вечерняя суета на Пиккадилли, снующие туда-сюда экипажи и омнибусы, запруженные тротуары и яркие огни…

— Не представляю, как мы завтра всех накормим, — сказал Уокер. — Если не раздобудем еды, плохи наши дела.

Алек отодвинул тарелку.

— О завтрашнем ужине я бы на вашем месте не беспокоился, — негромко рассмеялся он.

— Почему?

— Я ставлю десять к одному на то, что мы будем мертвы еще до рассвета.

Оба молча уставились на командира. Снаружи мрачно завывал ветер, капли дождя колотили по скату палатки.

— Маккензи, это что, ваша очередная шуточка? — наконец спросил Уокер.

— Вы имели возможность убедиться, что шутки мне даются с трудом.

— Теперь-то что не так? — быстро спросил

доктор.

Алек усмехнулся:

— Вы ведь сегодня все равно не заснете. Чем кормить москитов, предлагаю свернуть лагерь и выступить через час.

— Я бы сказал, что после такого денька это уж слишком, — возразил Уокер. — Мы так вымотались, что и мили не пройдем.

— У вас будет целых два часа отдыха.

Адамсон тяжело поднялся и после долгого размышления сказал:

— Кое-кого из раненых нельзя трогать.

— Другого выхода нет.

— Тогда я не отвечаю за их жизнь.

— Придется рискнуть. Наш единственный шанс — скорее уходить, а раненых оставлять нельзя.

— Похоже, назревает серьезная драка, — заметил Уокер.

— Так и есть.

— В вашем обществе на скуку не пожалуешься, — мрачно заметил Уокер. — И что вы собираетесь делать?

— В данный момент — набить трубку.

Алек с загадочной улыбкой вытащил из кармана трубку, выбил ее о каблук и, набив, закурил. Доктор с Уокером переваривали услышанное.

Наконец юноша нарушил молчание.

— Судя по вашему благодушию, дело совсем туго.

— Туже, чем кожа на твоих штиблетах.

Уокер поежился. Спать ему больше не хотелось. По спине пробежал холодок.

— Есть хоть какая-то надежда на спасение? — спокойно спросил он.

Казалось, Алек молчал целую вечность.

— Надежда есть всегда.

— Значит, придется еще повоевать?

— Придется.

Уокер громко зевнул.

— Что ж, в этом есть свои преимущества. Раз мне не суждено этой ночью поспать, то приятно будет лишить отдыха и еще кого-нибудь.

Алек с одобрением посмотрел на юношу. Вот такой настрой ему по душе. Он снова заговорил — с тем удивительным обаянием, за которое и обожали Маккензи его товарищи. После таких речей всякий загорался верой в командира и готов был идти за ним на верную смерть. Алек не привык посвящать других в свои планы, так что когда раскрывал их — пусть скупо и без прикрас, — да еще и таким особенным тоном, друзья считали своим долгом повиноваться.

— Если повезет, то мы победим и с работорговлей в этой части Африки будет покончено.

— А если не повезет?

— Тогда мейфэрские чаепития будут и дальше обходиться без твоего блистательного остроумия.

Уокер опустил глаза. Непривычные мысли проносились в его голове. Когда он, пожав плечами, вновь поднял голову, на лице юноши застыло странное выражение.

— Что ж, я прожил недурную жизнь, — медленно проговорил он. — Немножко любил, работал и играл. Успел послушать превосходную музыку, увидеть чудесные картины и прочесть немало блестящих книг. Если перед смертью удастся прикончить еще несколько мерзавцев, то мне, пожалуй, не на что жаловаться.

Алек не стал отвечать — только улыбнулся. Все молчали. Слова Уокера напомнили ему о причине угрожающего положения, в которое угодил отряд. Он плотно сжал губы и нахмурился.

— Тогда мне пора, — заявил доктор. — Сделаю, что в моих силах, — глядишь, провидение смилостивится и ребята выдержат тряску.

— А что Перкинс? — спросил Алек.

— Одному Богу известно. Я дам ему хлорал —

надеюсь, выдержит.

— Не стоит говорить, что мы сворачиваем лагерь. Я объявлю об этом за четверть часа до выхода.

— Но ведь люди не успеют собраться.

— Они достаточно тренировались! — отрезал Алек.

Доктор собрался уходить, как вдруг вошел Джордж Аллертон.

Глава XI

Покинув Англию, Джордж Аллертон изменился. Юноша сильно исхудал, а лицо его приобрело желтоватый оттенок — он тяжело переносил жаркий климат. Выглядел он теперь совершенно иначе: губы сложились в капризную гримасу, глаза поблескивали хитро и трусливо. Все очарование куда-то ушло.

— Можно войти? — спросил он.

— Да, — отозвался Алек и обратился к доктору: — А ты задержись на минутку, ладно?

— Конечно.

Адамсон застыл спиной к выходу из палатки, а Маккензи резко перевел взгляд на Джорджа.

— Разве Селим не сказал, что я хочу с тобой поговорить?

— Вот я и пришел.

— Ты не особенно торопился.

— Послушайте, а можно глоточек оренди? Я еле на ногах стою.

— Бренди не осталось.

— Что, и у доктора тоже?

— Нет.

Повисла пауза. Не зная, в чем дело, Адамсон с Уокером сразу догадались: случилось нечто серьезное. Они никогда не видели Алека таким неприветливым. Отлично изучивший своего друга доктор понял: тот вне себя от ярости. Алек поднял глаза и изучающе посмотрел на Джорджа.

— Тебе что-то известно о смерти женщины из племени туркана? — резко спросил он.

Джордж ответил не сразу:

— Нет… С чего бы?

— Брось, ты должен хоть что-то знать. Во вторник ты вернулся в лагерь и сказал, что туркана чем-то обеспокоены.

— Ах да, припоминаю, — неохотно отозвался Джордж.

— И что же?

— Я точно не знаю. Ту женщину ведь застрелили, да? К ней приставал один парень с фактории — наверное, он и убил.

— И ты не выяснил, что это был за парень?

— Времени не было, — угрюмо заявил Джордж. — Три последних дня мы все еле на ногах стоим.

— И никого не подозреваешь?

— Нет.

— Подумай.

— Разве что того одноухого верзилу-суахили, что пришел с нами с побережья. Этот мерзавец и убил — больше некому.

— Почему ты так считаешь?

— Он постоянно путался под ногами и приставал к женщинам — я точно знаю.

Алек не спускал глаз с Джорджа. Уокер понял, к чему клонит командир, и отвел взгляд.

— Ты будешь удивлен, но женщина была еще жива, когда ее нашли.

Джордж не шелохнулся. От страха он словно еще сильнее осунулся — если это вообще возможно.

— Она умерла только через час.

На мгновение все замолчали. Джорджу казалось, что все слышат яростный стук его сердца.

— Она что-то рассказала?

— Сказала, что в нее стрелял ты.

— Гнусная ложь!

— Выходит, это именно ты к ней приставал. Не знаю уж, из-за чего вы поссорились, но ты выхватил револьвер и выстрелил в упор.

Джордж рассмеялся.

— Вечно эти грязные негры городят всякую чушь. Вы же верите мне, а не им? Мое-то слово

стоит куда больше.

Алек молча вытащил из кармана пустую гильзу. Она была от револьверного патрона.

— Вот что нашли в двух ярдах от тела и доставили мне сегодня.

— Не пойму, что это доказывает.

— Ты не хуже меня знаешь, что у туземцев нет револьверов. Кроме нас, ими вооружены только несколько слуг.

Джордж достал из кармана платок и вытер пот с лица. В горле совсем пересохло, он едва дышал.

— Дай мне свой револьвер, — тихо приказал Алек.

— Я потерял его этим утром во время вылазки. Не стал говорить — вы бы сразу шум подняли.

— Ты чистил его всего час назад — я сам видел.

Джордж раздраженно пожал плечами:

— Наверное, он в палатке. Пойду посмотрю.

— Оставайся здесь! — резко бросил Алек.

— Послушайте, я вам не пес. Вы не имеете права так со мной разговаривать. Я приехал сюда по собственной воле и не позволю обращаться с собой, словно с каким-то негром.

— По-моему, револьвер у тебя в заднем кармане.

— Я вам его не отдам.

Губы Джорджа побелели от страха.

— Мне подойти и взять самому?

Мгновение они молча смотрели друг на друга, а потом Джордж медленно опустил руку в карман и вытащил револьвер. Поддавшись внезапному импульсу, он вдруг вскинул его и выстрелил в Алека. Стоявший рядом Уокер инстинктивно ударил юношу по руке. Доктор тут же подскочил, обхватил его и повалил на спину. Револьвер выпал. Алек даже не шелохнулся.

— Отпустите, черт вас возьми! — Голос Джорджа дрожал от гнева.

— Довольно, — приказал Алек.

Оба так привыкли повиноваться его командам, что без раздумий разжали руки. Джордж вжался в стул. Уокер поднял револьвер и протянул Алеку. Тот молча вставил стреляную гильзу в пустую камору.

— Подходит, как видишь. Может, лучше расскажешь начистоту?

Джордж, окончательно сломленный, тихо всхлипнул.

— Да, я ее застрелил, — бросил он. — Она подняла шум, и в меня словно бес вселился. Я не понимал, что делаю, а потом она вдруг завопила — и кровь…

Он проклял себя за неосмотрительность. Надо было не выбрасывать гильзу, а оставить ее в барабане.

— Помнишь, два месяца назад я повесил убийцу туземца на первом же суку?

От ужаса Джордж чуть не подскочил и мелко задрожал.

— Со мной вы так не поступите.

В глубине души он исступленно взмолился о пощаде, а потом стал осыпать себя упреками за то, что отправился в это путешествие.

— Не бойся, — холодно отозвался Алек. — В дикарях нужно поддерживать уважение к белому человеку.

— Я был сильно пьян и тут увидел ее. Я не понимал, что творю.

— Так или иначе, теперь против нас поднялось все племя.

Стреляную гильзу прислал вождь племени, который был другом Алека. Новость прогремела как гром среди ясного неба, ведь туркана были его лучшими бойцами, их верность никогда не подвергалась сомнению. Вождь сообщал, что не в силах удержать молодежь, поэтому пусть Алек на них больше не рассчитывает и готовится к нападению. Настроив против белых соседние

племена, туркана вступили в переговоры с арабами. Алек был на пороге величайшего успеха — теперь все труды трех последних лет пошли прахом. Арабы, не теряя времени, внезапно перешли в наступление. Неожиданно атакованный отряд Алека едва не погиб, и с тех пор все мысли их были только о спасении.

Джордж не спускал глаз с Алека — а тот смотрел под ноги.

— Похоже, я во всем виноват, — пробормотал юноша.

Алек не стал отвечать прямо.

— Можно не сомневаться, что завтра дикари объединятся с работорговцами и набросятся на нас разом. Против несметных полчищ нам не устоять. Я послал Роджерса с Диконом собрать всех лотуко, но вот успеют ли они — Бог знает.

— А если не успеют?

Алек молча пожал плечами. Джордж дышал часто, едва сдерживая рыдания.

— Что вы со мной сделаете?

Маккензи шагал туда-сюда, обдумывая их незавидное положение. Наконец он остановился, посмотрел на Уокера и сказал:

— По-моему, тебе стоит заняться приготовлениями.

Тот встал и отозвался с легкой усмешкой:

— Да, мне пора.

Уокер вышел из палатки с облегчением: ему неловко было смотреть на унижение юноши. Сам он был по природе настолько благороден и неколебим в своей преданности, что испорченность вызывала в нем физическое отторжение — он избегал смотреть на нее, словно на какую-нибудь гнойную язву. Доктор понял, что его присутствие также нежелательно, и последовал за Уокером, бормоча под нос, что времени мало, а пациентов надо готовить к ночному маршу. Оставшись с Алеком наедине, Джордж вздохнул свободнее.

— Прошу прощения за свою дурацкую выходку. Слава Богу, вы не ранены.

— Пустяки, — улыбнулся Алек. — Я уже и забыл.

— Я потерял голову и совершенно не понимал, что творю.

— Не стоит беспокоиться. В Африке даже самые мужественные теряют голову.

Алек снова набил трубку и закурил. Сырой воздух наполнили густые клубы дыма. Теперь он говорил мягче:

— Ты знаешь, что перед отъездом я просил руки Люси?

Джордж не ответил, едва сдержав слезы. Его сердце пронзила острая боль при мысли о Люси — средоточии его любви и источнике всего хорошего, что в нем еще оставалось.

— Она попросила взять тебя в надежде, что ты, — слова давались Алеку с трудом, — своими деяниями заставишь людей забыть о поступке отца. Она очень гордится предками и считает, что ваше доброе имя опорочено — а ты мог бы придать ему новый блеск. Именно этого Люси желает всей душой — так же сильно, как любит тебя. Однако ее ожидания не сбылись, так ведь?

— Она должна была понимать, что такая жизнь не для меня, — горько отозвался Джордж.

— Я быстро понял, что ты слаб и нерешителен, однако рассчитывал воспитать в тебе твердость характера. Надеялся — ради нее, — что из тебя все же выйдет толк. Тебе никогда не хватало сил воплотить добрые намерения в жизнь. — До того Алек разглядывал, как поднимаются из трубки завитки дыма, теперь же он смотрел прямо на Джорджа. — Прости, если мои слова похожи на проповедь.

— Мне теперь все равно.

Алек продолжил суровым тоном, хоть и не без сочувствия:

— Потом я узнал, что ты пьешь. Я объяснил тебе, что здесь выпивка убивает человека, и ты дал честное слово к ней больше не прикасаться.

— Да, и нарушил его. Я ничего не мог поделать. Искушение было слишком велико.

— Когда мы прибыли в Муниас и я слег с лихорадкой, вы с Макиннери ввязались в мерзкую историю с черными женщинами, причем ты отлично знал: этого я не потерплю. Мораль тут ни при чем — в таких делах каждый волен решать самостоятельно, — но туземцы этого не потерпят. Вот почему я установил жесткие правила. Суахили я наказываю кнутом, белых — отправляю на побережье. Так надо было поступить и с тобой, но это разбило бы сердце Люси.

— Это все Макиннери.

— Я тоже думал, что большая часть вины лежит на Макиннери, и поэтому отослал его одного. Решил дать тебе еще один шанс. Мне пришло в голову, что на тебя благотворно повлияет ответственность, поэтому когда нужно было построить укрепление на дороге к побережью, я оставил тебя за главного и поручил охранять запасы. Не буду напоминать, чем это кончилось.

Джордж угрюмо смотрел под ноги и молчал — возразить было нечего. С чувством мрачной

обиды он вспомнил, как тогда разгневался Алек. Ни до, ни после он ни разу не видел Маккензи в таком бешенстве — тот чудом сдержался и не набросился на Джорджа. Помнил об этом и Алек — он сразу помрачнел.

— Я понял, что надежды нет. Ты совершенно испорчен.

— Как и отец, — презрительно усмехнулся Джордж.

— Я не верил ни единому твоему слову. Ты оказался ленив и эгоистичен, а главное — чудовищно, до омерзения жесток. Я был в ужасе, услышав, как изощренно ты измывался над беднягами, которых я оставил под твоим командованием. Не вернись я вовремя, они бы тебя убили и разграбили припасы.

— Что, жаль было без припасов остаться?

— Это все, что ты можешь сказать?

— Вы всегда верили им, а не мне.

— Трудно не поверить, когда тебе показывают исполосованную до крови спину, а ты заявляешь, что высек беднягу за неудачно приготовленный ужин.

— Я просто вспылил. В лихорадке человек за себя не отвечает.

— Отправлять тебя обратно было уже поздно

— пришлось взять с собой. Но теперь все. Убив эту женщину, ты подверг всех смертельной опасности. На твоей совести гибель Ричардсона, Томпсона и двух десятков туземцев. Положение — хуже не бывает, а если мы погибнем, то завтра враги нападут на последнее племя, оставшееся на нашей стороне: сожгут их деревни, а всех мужчин, женщин и детей перережут или продадут в рабство.

Джордж наконец осознал всю глубину бездны, в которой очутился, и обида уступила место отчаянью.

— Что вы собираетесь делать?

— До берега далеко, так что правосудие вершить буду я сам.

— Вы же меня не убьете? — ахнул юноша.

— Нет! — презрительно бросил Алек.

Он присел на край походного столика, поближе к Джорджу, и тихо спросил:

— Ты любишь Люси?

Джордж расплакался.

— О Господи, вы же знаете, что люблю! — жалобно воскликнул он. — Зачем вы о ней напоминаете? Я все испортил, и теперь мне лучше просто исчезнуть. Но подумайте, какой позор. Люси так на меня рассчитывала…

Джордж закрыл лицо руками и горестно зарыдал. Алек, странным образом тронутый, положил ему руку на плечо.

— Послушай, — сказал он. — Я отправил Дикона с Роджерсом собрать всех лотуко. Если мы переживем завтрашний день, то сможем нанести арабам сокрушительный удар — но для этого нужно захватить брод через реку. Сейчас он в руках арабов, и наш единственный шанс — внезапно напасть этой ночью, пока они не объединились с туземцами. Их гораздо больше, но мы атакуем неожиданно. Если захватим брод, то Роджерс и Дикон смогут привести подмогу. Ричардсон и Томпсон мертвы, у Перкинса лихорадка, а значит, из белых остались Уокер, доктор, Кондамин, Мейсон и мы с тобой. Суахили не предадут — но из дикарей доверять можно только им. Я выступлю к броду. Арабы выйдут из своего укрепления, рассчитывая нас перебить. Я нашел тропу, по которой можно пробраться им в тыл, и в темноте ускользну по ней с остатками белых и суахили. Как раз когда они атакуют, я выйду к броду и обрушусь на них сзади. Понимаешь?

Джордж кивнул, хотя и не понимал, к чему клонит Алек. Слова едва достигали его ушей, словно неслись откуда-то издалека.

— Кто-то из белых должен повести туркана — и подвергнуться величайшей опасности. Я пошел бы сам, но без меня суахили не станут сражаться… Ты не побоишься?

Кровь ударила Джорджу в голову. В ушах зазвенело.

— Я?

— Я мог бы тебе приказать, но поручение слишком опасное. Если откажешься, я соберу остальных — кто-нибудь вызовется добровольцем.

Джордж молчал.

— Не буду скрывать, это почти верная смерть, но другого пути нет. Впрочем, у тебя остается шанс спастись. Когда арабы атакуют, а туркана выяснят, что мы сбежали, придется проявить недюжинную смелость. В этом случае я обещаю: все произошедшее останется между нами.

Джордж вскочил. На его губах снова сверкнула прежняя, искренняя улыбка.

— Конечно, я согласен! Спасибо вам за это от всего сердца.

Алек протянул руку и облегченно вздохнул.

— Рад, что ты согласился. Чем бы дело ни кончилось, в твоей жизни будет хоть один храбрый поступок.

Джордж залился краской, хотел что-то сказать, но постеснялся.

— У меня к вам просьба… — наконец вымолвил он.

Алек молча ждал.

— Вы ведь не расскажете Люси, что я натворил? Пусть думает, что я оправдал ее ожидания.

— Хорошо, — тихо отозвался Алек.

— Пообещайте, что если меня убьют, то вы сохраните в тайне, почему это случилось.

Алек молча смотрел на юношу. Ему пришло в голову, что при определенных обстоятельствах придется рассказать всю правду. Джордж был взволнован. Он как будто догадался, почему командир сомневается.

— Нет, вы и так сделали для меня куда больше, чем можно было бы требовать. Я прошу сохранить мой позор в тайне ради Люси.

Алек, не шелохнувшись, медленно произнес:

— Даю слово чести, что при любых обстоятельствах я даже намеком не дам Люси усомниться в том, что ты проявил исключительную храбрость, честность и достоинство. Я возьму на себя всю ответственность.

— Я страшно вам благодарен.

Алек впервые шевельнулся. Напряжение до-

стигло крайней точки. Нарочито беззаботно он произнес:

— Довольно разговоров. Будь готов выступить через полчаса. Вот твой револьвер. — Он подмигнул. — Не забывай, одна пуля из него выпущена. Лучше перезарядить.

— Конечно.

Джордж кивнул и вышел. Лицо Алека тут же утратило обретенную было несерьезность. Он понимал, что может навсегда потерять Люси. Любовь означала для Алека все, и вот он поставил ее на карту ради испорченного мальчишки. В будущем его действия могут истолковать по-разному, и при необходимости потребуется рассказать всю правду. Впрочем, даже не упроси Джордж его молчать, Алек и сам ни за что не проговорился бы. Он слишком любил Люси, чтобы причинить ей такую боль. Что бы ни случилось, пусть она думает, что Джордж был храбрецом и умер, исполняя свой долг. Он прекрасно понимал: бесчестье для девушки невыносимее смерти. Алек знал, как страдала Люси от унижения, считая опозоренной лично себя; знал, что все ее надежды связаны с Джорджем. Брат оказался совершенно испорченным, прогнил насквозь — совсем как отец. Сказать ей об этом? Он пойдет на любые жертвы,

лишь бы Люси не узнала. Однако если выяснится, что Алек отправил Джорджа на верную смерть, она его возненавидит, а потеряв ее любовь, он потеряет все. Едва подумав об этом, Алек сразу понял: пусть лучше Люси лишится любви, чем достоинства.

Впрочем, он же сказал Джорджу, что тот может спастись, если хватит мужества. Проявит ли юноша смелость — эту единственную добродетель негодяев?

Глава XII

Лишь через шесть месяцев появились первые новости об экспедиции Алека Маккензи, и тогда же Люси получила от него письмо, в котором сообщалось о смерти брата. Та ненастная ночь оказалась последней для беззаботного Уокера и для Джорджа Аллертона, однако судьба вознаградила Алека за беспримерную храбрость, и работорговцам был нанесен тяжелый удар, оказавшийся впоследствии смертельным. Письмо его было вежливым и серьезным. Он понимал, что причиняет Люси нестерпимое горе, которое не смягчить никакими словами. Единственным утешением для девушки могло служить то, что столь драгоценная жизнь была отдана за благородное дело. Теперь, когда Джордж единственным возможным образом отвел беду, которую навлекло на отряд его преступное легкомыслие, Алек был решительно настроен выбросить прошлое из головы. Будет только справедливо позабыть пагубную слабохарактерность юноши — в памяти Алека останутся лишь его обаяние и безоглядная любовь к сестре.

Месяц пролетал за месяцем, засуху сменил сезон дождей, и наконец Алек мог сказать, что добился своей цели. Его долгий труд был вознагражден, и он стоил потраченного времени, денег и жизней. Маккензи очистил от работорговцев территорию, превышающую по площади Соединенное Королевство, и заключил с вождями независимых племен соглашения, по которым они переходили под протекторат Великобритании. Оставался всего один шаг: права на покоренную территорию должны были вернуться от «Восточноафриканской компании» к государству, после чего ее можно будет присоединить к империи. С этой-то целью Маккензи теперь и вступил в переписку с руководством компании и ее уполномоченным в Найроби.

Однако судьба словно вознамерилась лишить Алека заслуженных лавров: по пути в Найроби они с доктором Адамсоном заболели малярией. Несколько недель путешественник был на грани смерти. Даже его крепкое здоровье не выдержало, и сам Алек считал, что конец близок. Отряд возглавил Кондамин — один из сотрудников компании, — и Маккензи передал ему последние указания. Лежа в своей походной постели, он ждал смерти, а верный мальчишка-суахили отго-

нял мух. Алек много отдал бы, чтобы увидеть, как воплотятся в жизнь его планы, однако судьба, очевидно, рассудила иначе. Его беспокоило одно: как бы правительство не упустило предоставленную возможность. Пришло время вступить во владение землями, которые он усмирил: авторитет белого человека сейчас высок как никогда, никаких препятствий больше нет. Алек внушил Кондамину, как важно донести это до властей, поскольку рассчитывал, что тот станет помощником уполномоченного в Найроби. Этот пост наверняка предложили бы ему самому, однако должностные рамки были не для Алека — он свое дело сделал. Если все сложится, то его смерть значения не имеет.

А потом он подумал о Люси. Поймет ли она? Теперь у Люси есть причина им гордиться. Она будет горевать. Нет, Алек не рассчитывал, что она его любит, — но сам был счастлив, что любил, и жалел, что не сможет рассказать, как много думал о ней все эти трудные годы. Ужасно сознавать, что они вряд ли увидятся, что он не сумеет поблагодарить Люси за все. Благодаря ей в жизнь Алека вошла красота — и за одно это он был ей признателен. Тайну же смерти Джорджа он унесет с собой в могилу: ведь Уокер мертв, а

Адамсон — единственный, кто мог бы пролить на нее свет — язык распускать не привык. И Алек, слабея с каждым днем, думал, что так будет только лучше.

Однако Кондамин не мог смириться со смертью командира. Четыре года Маккензи командовал отрядом, и люди оценили его по достоинству. Кому-то он мог показаться грубоватым и неприятным, одних пугала его молчаливость, других злила строгость — спутники же не сомневались в выдающихся качествах Алека. Проведя рядом какое-то время, невозможно было не поддаться его величию. Дикари боготворили Маккензи потому, что знали ему истинную — высочайшую цену. Белых же он привязывал к себе узами, от которых невозможно освободиться. Алек никогда не просил человека о чем-то, чего тот не вызвался бы сделать сам. Если его затея не удавалась, всю ответственность он брал на себя; успех же всегда приписывал тем, кто исполнял его приказы. Его призывы быть бесстрашными и терпеть невзгоды было нетрудно исполнить, ведь Алек сам подавал пример твердости и отваги. Всякий стыдился собственных слабостей, видя его честность и справедливость. Все знали, что благополучие последнего из носильщиков для Маккензи важнее

собственного, а его сострадание к больным было и вовсе безгранично.

Суахили непривычно приумолкли: всегда шумный и суетливый лагерь теперь напоминал комнату тяжелобольного. Когда слуга сообщил, что Алеку все хуже и хуже, они расплакались и не стали громко причитать лишь потому, что не хотели беспокоить командира. Кондамин решил, что единственная надежда — поспешить форсированным маршем к ближайшей фактории, где больной получит медицинский уход и имеются необходимые блага цивилизации, которых катастрофически недоставало в джунглях.

Когда отряд выступил, Алек был в бреду и, к счастью, не знал, что Адамсон скончался три дня назад. Славный великан все же не совладал с африканским климатом; он совсем ослаб и умер в самом конце своего третьего путешествия, почти на пороге дома, когда все опасности уже остались позади. Доктора похоронили у подножия огромного дерева, глубоко-глубоко — чтобы не добрались шакалы, и Кондамин дрожащим голосом прочел над ним по молитвеннику заупокойную службу.

Алек пережил утомительное путешествие, и это казалось чудом. Тряские слоновьи тропы про-

дирались сквозь густые заросли, карабкались на каменистые холмы и спускались к пересохшим рекам. Бросая взгляд на носилки, где лежал бледный, осунувшийся Маккензи, Кондамин каждый раз боялся увидеть его мертвым. Отряд выступал еще до рассвета, стараясь до полуденного зноя покрыть как можно большее расстояние; а потом снова шел до заката, и больной наслаждался благодатной прохладой. Они шли безбрежными лесами, где нежные цветы прятались под кронами величественных деревьев, а увитые бесчисленными лианами стволы и ветви лесных гигантов сплетались в причудливую сеть. Очень осторожно, чтобы не побеспокоить больного, они пересекали широкие ручьи и брели сквозь пустынные болота, где земля уходила из-под ног. Отряд вышел к миссии. Алек был еще жив.

Много недель лишь мастерство врача-миссионера и доброта его любящей жены не давали смерти вступить в свои права, и наконец Алек был вне опасности. Силы возвращались к нему очень медленно, и временами казалось, что полностью он уже никогда не выздоровеет. Однако едва ум его обрел прежнюю ясность, Маккензи вновь взялся за дело; а как только вернулись силы, он настоял на переезде в Найроби, где была

связь с цивилизацией и откуда он, действуя через уполномоченного компании, побуждал ленивых чиновников к принятию драгоценного дара. Все это заняло много месяцев тревожного ожидания и горьких разочарований, но в конце концов все устроилось: благородный Кондамин получил желаемую должность и снова отправился в глубь материка; а Великобритания приобрела обширные земли, которые благодаря силе, настойчивости и благоразумию Алека оказались вырваны из когтей варварства. Он завершил свой труд и теперь мог вернуться в Англию.

Его незаурядные достижения, перенесенные невзгоды и опасности наконец привлекли внимание публики. Еще перед отплытием Алек узнал, что газеты превозносят его до небес. Пришел целый ворох поздравительных телеграмм, в том числе от Дика Ломаса и Роберта Боулджера. В Момбасе консулы двух иностранных держав наградили его национальными орденами; научные организации разных стран удостоили всевозможных почетных званий; торговые палаты выражали благодарность в своих резолюциях; издатели засыпали предложениями по поводу книги, которую, как они считали, он непременно напишет; корреспонденты газет просили кратко

рассказать об экспедиции. С мрачной усмешкой Алек прочел, что заместитель министра иностранных дел лестно отозвался о нем в ходе одной из дискуссий. В последний раз с таким восторгом в Англии встречали Стэнли, вернувшегося из экспедиции, описанной им самим позднее в книге «В царстве черных». Перед отъездом Алека жители Момбасы дали ужин в его честь, где каждый считал своим долгом при первой возможности вскочить и произнести речь. Иными словами, если долгие годы все предприятия Алека встречались с прохладцей, а правительство отмахивалось от него как от назойливой мухи, то теперь ветер переменился, и он оказался национальным героем.

Алек решил проделать весь путь морем, рассчитывая в путешествии полностью восстановить силы. В Гибралтаре он получил письмо от Дика. Предыдущее ожидало его в Суэце, но там были в основном поздравления и слова поддержки (из опасения, что Алек еще не до конца оправился от опасной болезни). Таким образом, первое письмо вышло хоть и крайне трогательным, но не таким ярким, как второе.

«Мой дорогой Алек!

Рад слышать, что ты возвращаешься в Лондон

как раз к началу сезона. Поборники «христианской науки» взвоют, а в грошовых газетенках прекратятся споры о «Новой теологии»[8]*. Ты теперь будешь лев сезона, так что причеши гриву, завей ее хорошенько и надуши — растрепанных львов мы не любим. Научись вилять хвостом и благопристойно реветь — ожидается, что твой вид ввергнет нас в очарованный трепет, а юные леди уже вовсю тренируются падать в обморок. Твой покорный слуга купается в лучах славы благодаря двадцатилетнему знакомству с героем. Герцогини, мой мальчик, самые настоящие герцогини с украшенными земляничным листом коронами на белоснежном челе (я, как тот французский бакалейщик, не верю, что герцогине бывает больше тридцати) зовут меня выпить чаю, лишь бы послушать болтовню о твоем счастливом детстве, и я уже обещал привести тебя на ленч. Томпкинсон, которому ты как-то в Итоне отвесил хорошего пинка, написал в «Блэквуд» статью о твоих добродетелях, из чего я заключаю, что*

---

[8] Примечания: 8

«Христианская наука» — религиозное течение, возникшее в США во второй половине XIX века усилиями Мэри Бэйкер Эдди; «Новая теология» *(зд.)* — христианская доктрина, провозглашенная в 1906 году британским священником и теологом Реджинальдом Джоном Кэмпбеллом. Обе системы возникли как попытка «примирить», христианское мировоззрение с многочисленными достижениями науки и активно обсуждались в прессе и обществе начала XX века.

твой ботинок прочно запечатлелся в его памяти. Друзья ужасно тобой гордятся, и мы даем понять всякому, что успех был бы невозможен без нашей поддержки. Ты и представить не можешь, сколько народа мечтает отблагодарить тебя ужином в собственной компании за верную службу империи. Я же лишь молча улыбаюсь, потому что знаю, какой из тебя замечательный собеседник. Ты не лев и не орел, а упрямейший осел, и завоевываешь новые земли, только чтобы позлить достойных людей вроде меня, которые предпочитают не лезть не в свое дело.

С неизменной любовью,

Ричард Ломас».

Дочитав, Алек улыбнулся. Он вдруг сообразил, что на родине его наверняка попытаются выставить героем, а значит, по прибытии в Саутгемптон придется отражать атаку репортеров. Маккензи следовал тихоходным немецким судном, однако в этот самый момент к причальной стенке гибралтарского порта подошел пароход «Пиренейско-восточной компании». Если пересесть, он окажется в Англии на день раньше и оставит встречающих с носом. Алек оставил громоздкий багаж, велев стюарду упаковать лишь самое необходимое. Он заглянул в пред-

ставительство компании и уже через пару часов устраивался в каюте английского парохода.

Однако когда огромное судно вошло в Ла-Манш, Алек уже едва сдерживал нетерпение. Знай люди, какие бури бушуют в его душе, они не считали бы Маккензи бесчувственным. Другие пассажиры и не подозревали, что молчаливый мужчина, покрытый бронзовым загаром и не ищущий ни с кем знакомства, — знаменитый покоритель Африки, имя которого гремит по всей Европе; им было невдомек, что, напряженно вглядываясь в даль, где вот-вот должны были появиться берега Англии, он от избытка чувств не мог вымолвить ни слова. С каждой экспедицией Алек все больше тосковал по своей опоясанной морями родине, и при одной мысли о возвращении на его глазах выступали слезы радости. Он любил мрачные воды Ла-Манша за то, что они омывали берега Англии; любил сильный западный ветер — ведь это английский ветер, друг моряка, — и полной грудью вдыхал его соленую свежесть. С неизменным трепетом он вспоминал белые прибрежные утесы; а когда им встречался английский грузовой пароход или летящая по ветру на всех парусах могучая бригантина, перед его глазами вставали линейные корабли Трафальгара и славные

галеоны елизаветинских времен. Алек считал морских бродяг прошлого вдохновителями своих собственных экспедиций и гордился, что он англичанин — как Фробишер и Эффингем, Дрейк и Рэли, и прославленный Нельсон.

Затем мысли его обратились к зеленым лугам с журчащими ручьями. Гордость за могучую империю, выросшую на крохотном островке, гордость за новый Рим в новом, огромном мире уступила место любви. Наконец-то можно не обуздывать свое воображение, можно выпустить его на волю. Он представлял себе живые изгороди и торжественные вязы, милые придорожные домики, полевые цветы и извилистые тропинки, по которым так приятно гулять. Алек дышал воздухом Англии, воодушевляясь с каждым вдохом. Он любил тихие серые туманы в низинах и аромат вереска при прогулке по пустошам. Ни одна из рек не сравнится с величавой Темзой, со стройными деревьями по берегам и тихими заводями, где белые лебеди грациозно скользят среди лилий. Алеку вспомнились шпили Оксфорда в лиловой дымке, он представил, что сидит в старом саду своего колледжа — таком ухоженном, полном воспоминаний. А еще он думал о Лондоне. В вечно спешащих городских толпах, в толчее судов

на реке ему чудилась неуловимая красота; в раскраске улиц — неописуемый оттенок, который называют цветом Лондона; а в небе — золото и пурпур итальянской парчи. А вот вокруг фонтана на Пиккадилли-серкус расселись торговки цветами, расставили корзины, полные роз, нарциссов и тюльпанов, и их ярко-желтые и красные пятна мелькают на темном фоне стен, между пыльных автобусов под солнечно-серым небом.

Наконец Алек вспомнил свой отъезд. Он отплывал в компании Джорджа Аллертона, а теперь возвращается один. Написав Люси о гибели Джорджа, он до сих пор не получил от нее ответа и отлично понимал молчание девушки. При мысли о Джордже его сердце наполнялось горечью: до чего бессмысленно растрачена молодая жизнь. Алек вспомнил, с каким пылом он пытался завоевать признательность Джорджа, с каким старанием добивался его привязанности и в какое смятение пришел, поняв, насколько тот жалок. Добродушная улыбка, приятное лицо и приветливый взгляд ничего не значили — юноша оказался *лживым*, испорченным и слабым. Теперь Алек понимал, что, отказываясь признать очевидное, он возлагал вину за проступки Джорджа на собственный тяжелый характер; когда же

закрывать на них глаза было невозможно, изо всех сил старался перевоспитать юношу.

Африка оказалась слишком сильна. Ее климат лишил рассудка многих прямо на глазах у Алека. Чувство почти неограниченной власти над людьми очевидно более низкой расы, неуловимое волшебство жаркого солнца, простора, удаленности от цивилизации так и норовили вывести из равновесия. Французы прозвали это душевное расстройство «folie d'Afrique» — «африканским безумием». Чувствуя власть, люди сходили с ума, лишались ориентиров, не дававших сбиться с праведного пути. Спасти от опасности мог лишь твердый ум или же твердые моральные принципы, однако Джордж не обладал ни тем, ни другим. Он поддался. Он потерял всякий стыд, и никакой силе было его уже не сдержать. Мало того, он пил и не мог остановиться. Когда Макиннери нарушил главное из установленных командиром правил и был изгнан из отряда, Джордж пообещал исправиться, но вышло только хуже. Алек вспомнил, как он вернулся в оставленный на попечение юноши лагерь и обнаружил того пьяным, а воинов — на грани бунта и дезертирства. Он впал тогда в гнев, совершенно потерял самообладание и теперь стыдился. Схватив Джорджа

за плечи, он тряс его как грушу и едва удержался, чтобы не избить собственными руками.

И наконец, его последняя выходка, завершившаяся жестоким убийством…

Алек решил еще раз тщательно обдумать произошедшее в те страшные дни, когда безрассудство Джорджа поставило экспедицию на грань гибели. Смерть поджидала юношу на отчаянном марше к броду, и встретил он ее как жалкий трус.

Алек вдруг вскинул голову и прошептал:

— Я все сделал правильно.

Джордж заслужил смерть, и нечего о нем причитать. И все же сейчас, возвращаясь к берегам, которые тот тоже, наверное, любил, Алек смягчился. Он глубоко вздохнул. Это судьба. Если бы Фред Аллертон не кончил так плохо, а Джордж унаследовал состояние, на которое рассчитывал, его жизнь могла бы сложиться вполне счастливо. Он ничем не отличался бы от товарищей. В безопасных условиях цивилизованного мира нерешительность не дала бы Джорджу сбиться с пути, и он вырос бы обычным сквайром — пусть недалеким и самовлюбленным, но хоть не хуже других, — а любящая жена и дети горевали бы о его смерти.

Теперь же он лежит — неоплаканный и непогребенный — где-то в Африке, на краю болот; Алеку же предстоит встреча с Люси, а на душе — тайна, которую он поклялся хранить.

Глава XIII

Первым делом Алек отправился к Люси. Никто не знал о его прибытии, так что он только зашел переодеться в снятые на лето комнаты на Пэлл-Мэлл и сразу направился на Чарльз-стрит. Алек шагал вверх по Сент-Джеймс-стрит, так кстати залитой лучами летнего солнца, и сердце едва не выпрыгивало у него из груди. Он радовался веселью разодетой молодежи, что не спеша расходилась по клубам, не забывая приподнять шляпу и стремительно улыбнуться красотке в экипаже или электромобиле. Над широкой улицей витал дух изобилия, столь милый привыкшему к африканской глуши путешественнику дух утонченной цивилизации, которая одолела жестокость.

В тот день боги благоволили ему: Люси оказалась дома. Она сидела в гостиной у окна и читала роман, а рядом — целое море цветов. Первое, что увидел Алек, — ее силуэт на фоне огромного букета роз. Слуга объявил о его приходе, и девушка вскочила с изумленным возгласом. От волнения кровь прилила к ее щекам, а потом вдруг отхлынула, и Люси побелела как полотно.

Со времени их последней встречи она похудела и побледнела.

— Не ожидала, что вы вернетесь так скоро, — пролепетала Люси.

И тут слезы вдруг хлынули у нее из глаз. Девушка рухнула на кресло, закрыв лицо руками. Ее сердце рвалось из груди.

— Простите. — Она попыталась улыбнуться. — Я как ребенок…

Встреча, которой Люси с ужасом ожидала уже много дней, обрушилась на нее неожиданно. Последний раз они виделись четыре года назад, и годы эти были полны тревог и несчастий. Глядя в зеркало, девушка то и дело с содроганием отмечала, как сильно изменилась: стала бледной, понурой. Ей уже почти тридцать: у глаз залегли морщины, уголки рта мрачновато опустились. Люси не щадила себя, не пыталась скрыть разрушительного воздействия времени, а с суровой прямотой стремилась выглядеть на десять лет старше, чем могла бы. Необычайная худоба подчеркивала фигуру и резкие черты лица, но придавала девушке совершенно изможденный вид. В смятении она опасалась, что Алек ее разлюбит, ведь его жизнь полна захватывающих приключений, она же все ждет и ждет. Неудиви-

тельно, что ее любовь разгорелась с новой силой, его же чувства наверняка угасли, отступив перед главной целью. И что же она теперь может предложить? При этой мысли слезы наворачивались на глаза, отражение расплывалось, и Люси отворачивалась от зеркала. К страстному нетерпению, с которым девушка ожидала возвращения Алека, примешивалась болезненная тревога.

И вот она в волнении не сумела даже изобразить вежливое дружелюбие, не сумела показать, что ни на что не претендует. Люси собиралась встретить Алека сдержанно, без малейшего намека на сердечную привязанность — а теперь жадно ловила его взгляд. Она готова была прочесть в его глазах разочарование и собрала остатки сил — лишь бы сдержать вопль отчаяния. Алек заговорил, дав ей время справиться с волнением:

— Я опасался, что угожу прямо в толпу репортеров и прочих зануд, поэтому пересел на другой пароход, который прибыл на день раньше.

Люси немного успокоилась. Она молчала и смотрела на него очень внимательно, ловя каждое слово.

Алек сильно загорел, а от болезни еще и отощал, в остальном же выглядел вполне здоровым. Он держался со всегдашней уверенностью; говорил,

как ей всегда нравилось — неторопливо и спокойно, изредка напоминая о своем шотландском происхождении чуть непривычной интонацией.

— Я сразу направился к вам. Простите ли вы меня хоть когда-нибудь за то, что я не уберег Джорджа?

Люси вдруг охнула и с горьким разочарованием осознала, что совершенно забыла о брате, эгоистично радуясь встрече с Алеком. Ей было стыдно. Со смерти Джорджа прошло полтора года, до нее же весть дошла только год назад. И вот теперь, в самый важный момент, любовь захватила ее сердце полностью, не оставляя места для других чувств.

Девушка опустила глаза на подол платья. Белый с черным указывали на потерю близкого человека, но она знала: траурные цвета — обман. Люси вдруг вспомнила письмо Алека и охватившее ее беспросветное горе. Сначала ей казалось, что произошла ошибка и ее слезы — просто страшный сон. В том, что злой рок обрушился на Джорджа, была какая-то чудовищная несправедливость. Она так долго страдала, а Джордж — он так молод, совсем еще мальчик. Жестоко лишать его главной драгоценности — жизни. А потом Люси поняла, что это правда, и горе ее не знало

границ. Все ее мечты пошли прахом, осталось лишь отчаянье. Девушка горько пожалела, что отпустила брата в эту злосчастную экспедицию, и винила себя за свой замысел. Должно быть, он проклинал ее, умирая. Отец мертв, Джордж тоже, она теперь совсем одна. У нее остался лишь Алек. И тут ее сердце, словно перепуганная зверушка, устремилось к нему, моля о любви и защите. Вся сила, которой Люси когда-то гордилась, вдруг ушла; она стала слабой и беззащитной. Душа же тосковала по Алеку, и любовь вместо ровного сильного света вспыхнула всепоглощающим пламенем.

Однако слова Алека отозвались в душе девушки горьким упреком, и тут ее взгляду явился Джордж, каким он запомнится ей навсегда: в спортивных брюках, точеная шея белеет в распахнутом вороте рубашки; а на голове панама, которая так ему шла. Она вновь заглянула в прекрасные голубые глаза брата, поймала его милую улыбку. Истинное воплощение благородного англичанина. Люси всхлипнула и произнесла с дрожью в голосе:

— Я говорила: если он погибнет как смельчак — мне не о чем сожалеть.

Алек едва расслышал тихие слова девушки и

восхитился ее смелости. Люси продолжала едва ли не шепотом:

— Наверное, нашей семье был предначертан такой конец. Я рада, что Джордж погиб, не запятнав чести предков.

— Вы храбрая.

Она медленно покачала головой:

— Нет, это не храбрость. Это отчаянье. Иногда, вспоминая отца, я радуюсь, что Джордж мертв. Он хоть сражался за благородное дело и погиб героически, исполняя свой долг. Вернись Джордж живым, ему пришлось бы нелегко, так что горевать тут не о чем.

Алек не спускал с нее глаз, зная, что она сейчас скажет.

— Спасибо за все, что вы для него сделали.

— Не стоит, — серьезно ответил он.

Мгновение она молчала, а потом подняла на него спокойный взгляд и произнесла своим обычным ровным тоном:

— Скажите, ведь я могу им гордиться?

Не ожидая столь прямого вопроса, Алек чуть промедлил с ответом и испугался, что Люси это заметит. Его удерживали не муки совести, а физическое отвращение ко *лжи*, от которой Алека воротило, словно от протухшей воды.

— Думаю, да.

— Единственное мое утешение в том, что за отпущенный ему короткий срок Джордж избежал низости и подлости, всегда поступал честно и благородно.

— Именно так.

— Даже перед лицом смерти?

У Алека перехватило дыхание. Испытание оказалось тяжелее, чем он ожидал.

— Он бесстрашно встретил смерть.

Облегченный вздох вырвался из груди Люси.

— Слава Богу! Слава Богу! Вы не представляете, как важно для меня услышать это из ваших уст. Для меня его храбрость и, главное, его смерть в каком-то смысле искупают грехи отца. Значит, мы не испорчены, и я все еще могу себя уважать, снова могу смотреть людям в лицо. Как я благодарна Джорджу! Он воздал мне сторицей за любовь и заботу, за все мои страхи.

— Как хорошо, что я принес не только печальные вести. Я опасался, что вы меня возненавидите.

— Ни в коем случае.

Тут они услышали, что к двери подъехал экипаж.

— Это тетя Элис, — объяснила Люси. — Верну-

лась с ленча.

— Тогда я пойду, — сказал Алек. — Прошу меня извинить — сегодня я не хочу больше ни с кем встречаться.

Он встал и крепко пожал руку девушки.

— Вы не передумали?

— Прекратите! — воскликнула Люси и отвернулась. Слезы снова застилали глаза. Она попыталась рассмеяться. — Я стала такой слабой и чувствительной. Вы будете меня презирать.

— Мы еще увидимся, и очень скоро, — отозвался Алек.

Девушка вспомнила слова библейской Руфи: «Чем снискала я в глазах твоих милость, что ты принимаешь меня?» Счастье переполняло ее, а на лице вспыхнула прежняя прелестная улыбка.

Алек ушел, и Люси глубоко вздохнула. Кажется, в жизнь возвращается радость. Она вдруг ощутила, что снова способна восхищаться красотой мира. Повернувшись к огромной вазе, что стояла на столе возле кресла, она зарылась лицом в цветы, жадно вдыхая их аромат. Алек по-прежнему ее любит.

Глава XIV

Вопреки мнению о переменчивости английской погоды май выдался теплый и ясный. Весна словно вернула Люси юность, и та, искренне радуясь неожиданному счастью, с девическим восторгом наслаждалась прелестями лондонского сезона. Алек пока молчал, но Люси не сомневалась в его любви и отвечала на нее искренней нежностью. Она с удивлением обнаружила, что он теперь важная персона, и очень этим гордилась. Сильные мира сего осыпали Маккензи почестями, а газеты пестрели похвалами. Девушке льстило, что именно у нее он искал убежища от суеты и шумихи. Она стала гораздо чаще появляться на публике, нередко отправлялась с Алеком, Диком Ломасом и миссис Кроули в оперу или в театр. Они отлично проводили время за обедом в «Карлтоне» и веселились от души за ужином в «Савое». Алек говорил мало. Ему нравилось просто сидеть с непроницаемым лицом и, улыбаясь одними глазами, слушать непрекращающуюся болтовню Дика и прелестной американки. А Люси наблюдала за ним. Каждый

день она находила в его волевом, загорелом лице что-то новое. Иногда, встречаясь взглядами, они молча улыбались. Оба были очень счастливы.

Однажды вечером Дик позвал всех поужинать. Алек отправлялся на официальный прием, а Люси с леди Келси собирались в театр, поэтому он пригласил Джулию Кроули в оперу. В «Савое» к ним должен был присоединиться Роберт Боулджер, которого Ломас позвал, чтобы не садиться за стол впятером. Расчесавшись с особой тщательностью обладателя редеющей шевелюры, Дик ждал миссис Кроули в вестибюле. Наконец та появилась. В платье из расшитой цветами парчи она выглядела очаровательно, словно пастушка с картин старых французских мастеров. Бриллиантовое ожерелье и тиара в темных волосах придавали ей сходство с грациозной принцессой, по какой-то прихоти очутившейся среди простых людей.

— Мне кажется, кругом одни глупцы, — сразу заявила она. — Одна женщина только что сказала мне: «Говорят, вы отправляетесь в Америку. Обязательно загляните к моей сестре — она будет очень рада». — «С удовольствием, — отвечаю я, — а где живет ваша сестра?» — «Джонсвилль, штат Огайо». — «Боже правый, — говорю, — а я

в Нью-Йорке. Что я забыла в Джонсвилле, штат Огайо?»

— Вам следует сохранять спокойствие, — отозвался Дик.

— Не буду я сохранять спокойствие. Какая-то тощая сутулая дама уверена, что я живу по соседству с индейским вигвамом! А у самой нижние юбки наверняка грязные.

— Почему?

— Англичанки все такие.

— Что за чудовищная клевета! — воскликнул Дик.

В этот момент в зал вошла леди Келси в сопровождении Люси. Мгновением позже появились Алек с Робертом Боулджером. Все расселись за столом и приступили к ужину.

— Ненавижу Амелию! — решительно заявила миссис Кроули, откладывая свои длинные белые перчатки.

— Мне жаль, что вы относитесь к этой милейшей особе с таким предубеждением, — отозвался Дик.

— Амелия — воплощение всего, что мне категорически не нравится в женщинах. Фигура никуда не годится, ноги слишком длинные, корсет не носит. Она мухи не обидит и вечно щеголяет в

нарядной шляпке, пока светло.

— Кто такая Амелия? — спросил Боулджер.

— Будущая жена мистера Ломаса, — пояснила с лукавым видом американка.

— А я и не знала, что ты обручен, Дик, — сказала леди Келси, немного задетая тем, что ей никто не сообщил.

— Я не обручен и никакой Амелии даже не видел. Это выдумка миссис Кроули — воображаемая женщина, на которой я мог бы жениться.

— Я отлично знаю Амелию, — продолжала миссис Кроули. — Она носит пышные накладные волосы и будет вами восторгаться. Она милая, кроткая и не сомневается, что вы просто чудо. Но от меня она любезности не дождется.

— Дорогая моя, Амелия вряд ли будет от вас в восторге. Вы слишком открытая, и американский акцент ей не понравится. Не забывайте: ее дедушка был баронет.

— Я обязательно покажу ее Флемингу как пример женщины, на которой ни за что нельзя жениться. «Посмеешь жениться на такой, Флеминг, — скажу я, — не получишь от меня ни пенса. Все завещаю Университету Пенсильвании».

— Если мне доведется повстречать Флеминга,

то я с нескрываемым удовольствием отвешу ему пинка, — заявил Дик. — Отвратительная маленькая бестия.

— Что за чушь! Послушайте, дражайший мистер Ломас, да Флеминг вас одной рукой поднимет и зашвырнет далеко-далеко.

— Должно быть, этот Флеминг крепкий малый, — заметил Бобби, понятия не имевший, о ком идет речь.

— Еще бы, — подхватила миссис Кроули. — Он с трех лет в седле. Берет любой барьер — ни разу даже бровью не повел. Еще он лучший пловец во всем Гарварде. А как стреляет… Вы бы только видели, мистер Маккензи! И вообще он просто чудо.

— Флеминг — самодовольный болтун, — заявил Дик.

— Боюсь, ты для него старовата, — обратилась миссис Кроули к Люси, — иначе я бы вас поженила.

— Флеминг ваш брат? — спросила леди Келси.

— Нет, сын.

— Но у вас же нет сына, — раздраженно отозвалась пожилая дама в полном недоумении.

— Нет. Но если бы был, его бы звали Флеминг.

— Не сердитесь на них, тетя Элис, — улыбнулась

Люси. — Они вечно спорят про несуществующих Амелию и Флеминга, причем иногда с такими подробностями, что я начинаю в них верить.

Впрочем, при всей кажущейся беззаботности, миссис Кроули была весьма благоразумной особой. Отвозя Дика после ужина в своем экипаже, она показала, что хоть и болтала без остановки, не упустила ни единой детали.

— Зачем вы пригласили Бобби? Он вас чем-то разозлил? — вдруг спросила она.

— Господи, конечно нет.

— Надеюсь, Флеминг в вашем возрасте не будет таким ослом.

— А Амелия будет поучтивее с симпатичным мужчиной средних лет, которому посчастливится стать ее мужем.

— Вам стоило бы заметить, что Люси весь вечер глаз с Алека не сводила, а бедный мальчик кусал локти от ревности и досады.

— О чем вы?

Миссис Кроули посмотрела на него с презрительной улыбкой.

— Вы что, не заметили, что Люси безумно влюблена в Маккензи? Ее совершенно не заботит, что бедняга Бобби десять лет служил ей как верный пес, выполнял все просьбы и вообще был безгра-

нично добр и предан.

— Поразительно! — ахнул Дик. — Мне и в голову не пришло, что Люси может влюбиться. Вот бедняжка. Как жаль.

— Почему?

— Алек и не думает жениться. Он не такой.

— Чепуха. Любой мужчина женится, если женщина этого правда захочет.

— Не говорите так. Вы меня пугаете.

— Не беспокойтесь, — холодно отозвалась миссис Кроули, — я отвечу отказом.

— Как мило с вашей стороны, — улыбнулся Дик. — Впрочем, я вряд ли рискну сделать вам предложение.

— Мой друг, вас спасет лишь внезапное бегство.

— Почему же?

— Даже слабоумному ясно, что последние четыре года вы только и ждете возможности просить моей руки.

— Я ни за что не предам Амелию.

— Думаю, она вас не любит.

— Я этого и не говорил. Зато она мечтает выйти за меня замуж.

— Что за омерзительное тщеславие!

— Вовсе нет. Любой уродливый и отврати-

тельный старик легко найдет себе множество очаровательных невест. Если женщина и вправду мила, то замужество для нее единственный путь к безбедному существованию.

— Довольно об Амелии. Поговорим обо мне, — сказала миссис Кроули.

— Вы и вполовину не так интересны.

— Тогда пригласите ее завтра в театр вместо меня.

— К сожалению, она занята.

— Я ни за что не стану служить ей заменой.

— А я, кроме билетов, уже заказал изысканный обед в «Карлтоне».

— И что же в меню?

— Раковый суп.

Миссис Кроули состроила гримаску.

— Филе морского языка по-нормандски.

Она пожала плечами.

— Утка.

— С салатом из апельсинов?

— Да.

— Пожалуй, отвращения это у меня не вызовет.

— И еще я заказал торт-суфле с мороженым.

— Нет.

— Почему?

— Вы недостаточно милы со мной.

— Если всякий, кто приглашает вас в театр, непременно делает предложение, то откуда такие познания в драматическом искусстве?

— Хорошее воспитание, — скромно отозвалась она, когда экипаж остановился у двери Дика.

На прощание миссис Кроули подарила спутнику очаровательную улыбку. Понимая, что Дик готов просить ее руки, она решила, что не против. Оба не хотели торопить события, рассчитывая в конце концов сдаться лишь в ответ на отчаянные уговоры. Они любили друг друга с легким сердцем.

Компания рассталась после Троицы. Алек отправился к себе в Шотландию, а потом собирался провести неделю в Ланкашире. Он всегда с искренним интересом вникал в дела угольной шахты, приносившей ему внушительный доход, и теперь какие-то вопросы требовали его личного внимания. Миссис Кроули поехала в Блэкстейбл — ведь Корт-Лейс по-прежнему оставался в ее распоряжении, Дик же направился в Париж, доказывая самому себе, что ни на день не состарился. Они договорились встретиться по возвращении — в день, на который леди Келси, убедившая Люси наконец отказаться от затворничества,

назначила танцы. Это будет первый бал, что она даст после долгих лет, и все должно быть идеально. Леди Келси питала очаровательную слабость к хорошему обществу, а присутствие Алека должно было добавить вечеру блеска. Пока же они с Люси отправились в ее усадьбу на берегу Темзы и вернулись лишь за два дня до бала. В доме царила тревожная суматоха. Леди Келси не могла уснуть: то она опасалась, что никто не придет, то, наоборот, что гостей нечем будет кормить.

И вот наступил назначенный день.

Впрочем, тут произошло событие, предвидеть которое мог бы разве что Алек — но он по возвращении из Африки думал только о Люси и упустил из виду возможную опасность.

Фергус Макиннери, которого Маккензи три года назад с позором выгнал из отряда, нашел способ отомстить.

Первой из заинтересованных узнала новости леди Келси. Вместе с завтраком в спальню принесли утренние газеты. Наливая кофе, она лениво пробежала светские новости в «Морнинг пост», а затем взяла «Дейли мейл» и замерла. На самом видном месте красовалась заметка, озаглавленная «Смерть мистера Джорджа Аллертона». Заметка представляла собой письмо

в одну колонку, подписанное «Фергус Макиннери». С изумлением и беспокойством леди Келси погрузилась в чтение. С первого раза она ничего не поняла и перечла еще раз. Теперь смысл был совершенно ясен, и ее охватил леденящий ужас. Автор письма решительно, не стесняясь в выражениях, обвинял Алека Маккензи в том, что тот отправил Джорджа Аллертона на верную смерть ради собственного спасения. Статья изобиловала упоминаниями «Вероломства» и «трусости». Были указаны даты и приведены свидетельства туземцев.

С едким сарказмом упоминались почести и награды, которых Маккензи был удостоен за свои подвиги, в конце же ему предлагалось обратиться в суд и обвинить автора в клевете. Сначала все это показалось леди Келси чудовищным. Позор, настоящий позор. Однако тут обнаружилась редакционная статья на ту же тему — и теперь она уже не знала, чему верить. Там прямо и недвусмысленно утверждалось, что на первый взгляд предъявленное в письме обвинение выглядит весьма серьезным и Алеку следует незамедлительно ответить. Звучали громкие слова и намеки на вселенский скандал. Требовалось срочное опровержение. Леди Келси понятия не

имела, что делать, и тут же подумала про бал, успех которого эти разоблачения ставили под угрозу. Ей срочно требовалась помощь. Если кого эти новости и касаются — то в первую очередь ее племянницы. Она позвонила горничной и велела той срочно вызвать по телефону Дика Ломаса. В это время на лестнице раздались шаги Люси — та спускалась пожелать доброго утра. Леди Келси быстро спрятала газету.

Люси поцеловала тетку со словами:

— Какие новости?

— Да никаких, — тревожно отозвалась леди Келси. — Принесли только «Пост». Надо будет сменить газетчика.

Она с волнением ожидала, что Люси продолжит расспросы, однако та вполне естественным образом сменила тему. Обсудив с тетей приготовления к торжественному вечеру, Люси сказала, что у нее много дел. Едва девушка вышла, вернулась горничная со словами, что мистер Ломас будет лишь к вечеру. В растерянности леди Келси послала за племянником и миссис Кроули. Бобби она все еще считала будущим мужем своей племянницы, американка же оставалась лучшей подругой Люси. Обоих удалось найти. Боулджер, как обычно, оказался в Сити, однако внял срочной

просьбе и немедленно отправился к леди Келси.

За прошедшие четыре года он мало изменился: все то же честное круглое лицо и мальчишеский вид. В глазах миссис Кроули он был воплощением обывательского духа: она ценила его преданность Люси, но высмеивала за флегматичность. Когда Боулджер прибыл, американка была уже на месте, однако она еще не знала с страшном письме. Думая, что Бобби тоже не в курсе, леди Келси шагнула к нему с «Дейли мейл» в руке.

— Ты видел? — взволнованно спросила она. — Что же нам делать?

Кивнув, он спросил:

— А что говорит Люси?

— Я ей пока не показывала. Солгала, что газетчик забыл принести газету.

— Но ей надо сказать.

— Только не сегодня, — заявила леди Келси. — Ну почему именно сегодня? Почему им было не подождать до завтра? После всех несчастий девочка только-только начала радоваться жизни — и тут такие страшные новости.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Бобби.

— А что я могу сделать? — в отчаянии воскликнула леди Келси. — Не откладывать же бал! Жаль,

мне не хватит смелости написать мистеру Маккензи, что ему не стоит приходить.

Бобби нетерпеливо поморщился. Его раздражало, что тетя постоянно твердит о своем проклятом бале. Тем не менее он попытался ее успокоить:

— Думаю, из-за Маккензи не стоит волноваться. Он ни за что не осмелится прийти.

— Вы же не верите, что в этом письме есть хоть крупица правды? — воскликнула миссис Кроули.

Бобби обернулся.

— В жизни не читал ничего убедительней.

Он хладнокровно выдержал взгляд маленькой американки.

Из них троих одна лишь леди Келси не знала, что Люси без ума влюблена в Алека Маккензи.

— Мне кажется, вы к нему несправедливы, — сказала миссис Кроули.

— Посмотрим, найдется ли у него чем ответить, — холодно отозвался Боулджер. — Вечерние газеты хоть что-то да выудят. В городе только об этом и говорят — ему придется оправдываться.

— Совершенно невозможно, — заявила миссис Кроули. — Все мы знаем, при каких обстоятельствах Джордж отправился в Африку. И чтобы Алек, как говорится в письме, хладнокровно отправил его на смерть? Уму непостижимо.

— Увидим.

— Тебе, Бобби, он всегда не нравился, — заметила леди Келси.

— Так и есть.

— И зачем я только затеяла этот злосчастный бал! — простонала она.

Так или иначе, им все же удалось успокоить леди Келси. Они согласились ничего не сообщать Люси до завтра, хотя оба считали это неразумным. Вечером из Парижа вернется Дик Ломас, с которым можно будет посоветоваться. Оставив наконец пожилую леди, миссис Кроули обратилась мыслями к Алеку. Интересно, где он и знает ли, что в обществе его теперь обсуждают активнее, чем когда-либо?..

Маккензи в этот момент возвращался из Ланкашира. Не имея привычки изучать прессу, он узнал новости совершенно случайно: «Дейли мейл» ему предложил попутчик, захвативший с собой в дорогу целый ворох газет. Алек из вежливости взял ее и стал небрежно проглядывать, погруженный в собственные мысли. Тут его взгляд упал на заголовок, привлекший внимание леди Келси. Он изучил письмо, а затем и редакционную статью. По совершенно бесстрастному лицу путешественника невозможно было до-

гадаться, сколь прямое отношение он имеет к прочитанному. Газета выскользнула из его рук, и Маккензи погрузился в раздумья. В конце концов Алек обратился к своему любезному попутчику с вопросом, читал ли он письмо.

— Еще бы. Просто поразительно, — отозвался тот.

Темные глаза Алека спокойно изучали собеседника. Тот показался ему совершенно обычным, не лишенным сообразительности человеком.

— И что вы об этом думаете?

— Жаль. Я считал Маккензи великим человеком, а теперь ему остается разве что застрелиться.

— Полагаете, это правда?

— Письмо его полностью изобличает.

Алек не ответил. Не желая продолжать разговор, он поднялся и вышел в коридор. Закурив сигару, он смотрел, как уносятся вдаль зеленеющие поля. Алек простоял так два часа, а потом вернулся в купе и, с презрительной усмешкой пожав плечами, занял свое место.

Его попутчик спал, откинув голову и слегка приоткрыв рот. Неужели общество встанет на его сторону? Сочтет, что Алеку следует застрелиться?

— Я-то вполне мог бы, — пробормотал он.

Глава XV

Прошло несколько часов. Бал леди Келси был в полном разгаре и по всем признакам удался на славу. Гостей пришло много, и все они отлично проводили время. Ничто — во всяком случае, на первый взгляд — не должно было омрачить чудесный вечер. Большинство собравшихся оживленно обсуждали письмо в «Дейли мейл» — и не более того.

В курительную зашел каноник Спратт, как водится, рука об руку с самой хорошенькой гостьей — Грейс Визард, племянницей той самой леди Визард, что слыла образцом добродетели и истовой католичкой. Он вежливо поздоровался с миссис Кроули и Робертом Боулджером.

— Не могу без сигареты, — сказал каноник, подходя к столику, где были разложены все необходимые принадлежности.

— Уговорите меня, и я составлю вам компанию, — сверкнула очаровательной улыбкой миссис Кроули.

— Не уговаривайте, — вставил Бобби. — Это будет уже седьмая — так и до обморока недалеко.

— Что ж, тогда я обойдусь без уговоров.

Спратт любезно протянул ей коробку с сигаретами и помог закурить, добавив с улыбкой:

— Хотя это и совершенно противоречит моим принципам.

— Вся прелесть принципов — в сладком привкусе порочности, когда их нарушаешь.

В этот самый миг вошли Дик с леди Келси.

— Афористичностью вы не уступите драматургам, милейшая миссис Кроули! — воскликнул Дик. — Вопрос только: по собственной воле или из необходимости?

Это была их первая встреча с тех самых пор, как все разъехались на Троицу. Дик налил себе виски с содовой.

— В конце концов, что может быть невыносимее бала? — задумчиво добавил он и с видимым удовольствием отхлебнул из бокала.

— По правде говоря, ничего, — заявила леди Келси с облегчением — поскольку Дик не придал особого значения новостям, которые она только что ему поведала. — Но вы крайне невежливы.

— Ваш-то бал восхитителен, леди Келси. Можно курить сколько душе угодно и держаться подальше от пола, который принято называть слабым.

Миссис Кроули отнесла эту реплику на свой

счет.

— Невысокого же вы о нас мнения, мистер Ломас.

— Я лишь осмеливаюсь полагать, что мир создан не только ради парижских платьев.

— Приятно это слышать.

— Почему же? — настороженно спросил Дик.

— Мы смертельно устали быть богинями. Глупые мужчины веками возносят нас на пьедестал и уверяют, что недостойны целовать даже краешек наших одежд. Это ведь так скучно.

— Вы умная женщина, миссис Кроули. Всегда думаете одно, а говорите другое.

— Вы и правда крайне невежливы.

— Непристойность нынче не в моде, вот и приходится быть невежливым, иначе не прослывешь остряком.

Канонику Спратту Дик не нравился — слишком он много болтал. К счастью, тему удалось сменить без большого труда.

— В отличие от мистера Ломаса я в полном восторге от бала, — обратился он к леди Келси. — Я человек простых вкусов и надеюсь, что вы наслаждаетесь вечером не меньше, чем гости.

— Наслаждаюсь? — воскликнула леди Келси. — Я вся исстрадалась.

Все понимали, о чем речь, и Боулджер воспользовался возможностью заговорить с Диком.

— Полагаю, ты читал сегодняшнюю «Мейл»?

— Я читаю газеты только в августе, — сухо отозвался тот.

— Когда в них ничего не пишут? — поинтересовалась миссис Кроули.

— Простите, но лично я обожаю читать про морского змея и гигантский крыжовник.

— Я бы отвесил Маккензи хорошего пинка! — негодующе воскликнул Бобби.

Дик улыбнулся:

— Дружище, Алек у нас суровый шотландец, да и покрупнее тебя будет. Я бы не советовал.

— Но вы же в курсе этого дела? — вмешался каноник.

— Я только что приехал из Парижа и узнал обо всем от леди Келси.

— И что вы думаете?

— Я вообще не думаю — я знаю, что там нет ни слова правды. Всякий, кого ни спроси, неустанно превозносит Алека с той самой минуты, когда он вернулся в Момбасу. Не может это продолжаться вечно. Вот и ожидаемая реакция.

— Вам что-то известно об этом Макиннери? — спросил Боулджер.

— Так уж вышло, что да. В Момбасе он перебивался с хлеба на воду. Алек взял его с собой из жалости, но потом выгнал — Макиннери оказался совершенным негодяем.

— По-моему, он убедительно обосновывает каждое слово, — возразил Бобби.

Дик презрительно пожал плечами:

— Я уже объяснял леди Келси: стоит кому-то вернуться из экспедиции, как про него тут же начинают рассказывать всякие ужасы. Люди забывают, что джунгли не для белоручек. Стоит, наводя порядок, чуть перегнуть палку — сразу негодуют.

— При чем тут это? — нетерпеливо заявил Боулджер. — Маккензи отправил беднягу Джорджа прямиком в западню — лишь бы спасти свою грязную шкуру.

— Бедная Люси! — простонала леди Келси. — Сперва смерть отца…

— Вы разве считаете смерть отца бедствием? — перебил Дик. — Мы все сошлись на том, что кончина была для Фреда на редкость счастливым избавлением от невзгод.

— Мы собирались с ним сегодня вместе обедать. — Бобби не оставлял своих упреков. — Я отправил телеграмму, что не приду — голова

разболелась.

— Что же он подумает, застав тебя здесь? — воскликнула леди Келси.

— Пусть думает что хочет.

Чувствуя, что именно ему пристало подвести черту под обсуждением, каноник Спратт заявил, потирая руки:

— Должен сказать, что в данном вопросе я всецело на стороне Бобби. Внимательно изучив письмо, я не нашел в нем ни единой лазейки. До тех пор, пока мистер Маккензи не предоставит исчерпывающих объяснений, к нему нельзя относиться иначе, как к убийце. В таких вопросах следует придерживаться твердых взглядов. Мы встретились сегодня на Пиккадилли, и я его проигнорировал. Ни за что не пожму руку человеку, которого обвиняют в такой подлости.

— Боже, лишь бы он не пришел, — сказала леди Келси.

Каноник глянул на часы и ободряюще улыбнулся:

— Не стоит беспокоиться. Уже очень поздно.

— Так вы говорите, Люси ничего не знает? — спросил Дик.

— Нет, — ответила леди Келси. — Я не хотела портить ей чудесный вечер.

Дик снова пожал плечами, не понимая, как она рассчитывала уберечь Люси от новостей, которые обсуждают все кругом. Тишину, воцарившуюся после слов леди Келси, прервала сама Люси: она вошла в сопровождении юного щеголя и тут же обратилась к нему с улыбкой:

— Как я и думала, ваша партнерша здесь.

Тот подошел к Грейс Визард и ангажировал ее на танец, который должен был вот-вот начаться; Люси же подошла к креслу леди Келси и облокотилась на спинку.

— Вы не устали, тетушка? — сердечно спросила она.

— Я отдохну до ужина. Наверное, никто больше не придет.

— А как же мистер Маккензи?

Леди Келси бросила на нее быстрый взгляд, но промолчала. Люси положила руку ей на плечо.

— Милая тетушка, вы совершенно зря прятали от меня утреннюю газету.

— Ты видела письмо? — воскликнула леди Келси. — Я так надеялась, что это случится завтра.

— Как совершенно справедливо рассудил мистер Маккензи, я должна знать, что говорят про него и моего брата. Он сам прислал мне газету.

— Он прислал письмо? — спросил Дик.

— Нет, только карточку со словами: «Мне кажется, вам стоит это прочесть».

Все молчали. Люси повернулась к собравшимся, сохраняя полное спокойствие — только щеки сильно побледнели. Она пристально посмотрела на Роберта Боулджера. Отлично зная, что у того на уме, девушка ждала его слов, готовая разом отмести любые обвинения. Однако Бобби молчал, и гордые слова сорвались с ее губ сами собой:

— Он счел неуместным специально уверять, что полностью оправдан мое доверие.

— То есть письмо все же пробудило в тебе сомнения? — спросил Боулджер.

— С чего верить голословным утверждениям человека, которого за проступки выгнали из отряда?

— А я могу сказать, что в жизни не читал ничего убедительнее.

— Даже сознайся он сам, я ни за что не поверю, что Алек способен на такое.

Бобби пожал плечами, и с его губ чуть было не сорвался жестокий упрек. Люси словно прочла его мысли. Кровь прилила к щекам девушки.

— Позор вам всем за то, что сразу верите в худшее, — горячо зашептала она дрожащим от гнева голосом. — Как это низко, как подло — ра-

достно поливать грязью человека, которому вы и в подметки не годитесь! Вы даже не дали ему оправдаться.

Бобби сильно побледнел. Люси никогда с ним так не говорила. Гнев полыхал в его сердце. Гнев — и несчастная любовь. Через мгновение он взял себя в руки.

— Ты, очевидно, не знаешь, что он отказался говорить с репортерами вечерних газет.

— Алек никогда прежде не разговаривал с репортерами. С чего ему вдруг менять свои привычки?

Бобби собрался было ответить, как вдруг поймал обеспокоенный взгляд леди Келси и обернулся. В дверях стоял Алек Маккензи. Он с улыбкой шагнул в комнату и протянул руку, обращаясь к леди Келси:

— Вы здесь, как я и думал.

Алек был совершенно спокоен. С веселой улыбкой он молча оглядел комнату. Собравшиеся пришли в легкое замешательство, а леди Келси, пожимая гостю руку, долго не могла найти подходящих слов.

— Здравствуйте, — пролепетала она. — А мы как раз о вас вспоминали.

— В самом деле?

В его глазах сверкнул огонек, и хозяйка, утратив остатки самообладания, густо залилась краской.

— Уже поздно, и мы опасались, что вы не придете. Было бы так обидно.

— Вы очень милы. Я зашел в «Трэвеллерз» почитать о себе восторженные отзывы.

На добродушном лице леди Келси мелькнула тревожная тень.

— Ах да. Я слышала, о вас что-то писали в газетах.

— Писали, и немало. Я и не подозревал, насколько мной все интересуются.

— Как мило, что вы пришли, — улыбнулась она, немного успокоившись. — Я уверена, вы терпеть не можете танцев.

— Нет, что вы, я их обожаю. Помню, один африканский царек устроил в мою честь танцы: четыре тысячи воинов в боевой раскраске. Зрелище, уверяю вас, незабываемое.

— Дружище, — хохотнул Дик, — если дело в раскраске, то чем тебе Мейфэр не угодил?

Ситуация его забавляла. Дика чрезвычайно интересовал ход мыслей Алека. Он отлично понимал, что эта веселость — напускная. Невозможно угадать, как его друг намерен действовать. Пока Маккензи держался отчужденно, словно преду-

преждая всех и вся к нему не соваться. Впрочем, на свой счет Дик это не относил и собирался переговорить с приятелем при первой возможности.

Спокойный взгляд Алека уперся в Роберта Боулджера.

— А вот и малыш Бобби. Голова уже не болит?

Вспомнив про несостоявшийся обед, леди Келси тут же вмешалась:

— Бобби ужасно рассеян. Да и выглядит он что-то совсем плохо.

— Не стоит так много работать, — посоветовал Алек. — В твоем возрасте нужно ложиться пораньше.

— Спасибо за заботу! — кипя от раздражения, отозвался Боулджер. — Голова уже не болит.

— Вот и славно. Что принимаешь? Фенацетин?

— Сразу после обеда сама прошла, — холодно ответил Бобби, понимая, что над ним смеются, но бессильный что-либо сделать.

— И ты пришел на бал к леди Келси, чтобы порадовать дам? Правильно, незачем их расстраивать.

Алек обернулся к Люси. Их глаза встретились.

— Я прислал вам газету, — спокойно сказал он.

— Спасибо.

Наступила тишина. Все собравшиеся понимали

важность момента, но лишь канонику Спратту хватило решительности привлечь всеобщее внимание и разрядить неловкую ситуацию. Он шагнул вперед и протянул руку Люси.

— Следующий танец мой. Позвольте вас пригласить.

Как и при прошлой встрече, он сделал вид, что не замечает Алека. Тот обратился к канонику:

— Сегодня на Пиккадилли вы промчались мимо меня как молодая антилопа.

— Я вас не заметил, — ледяным тоном отозвался Спратт.

— Мне показалось, вы глаз не могли оторвать от витрины. Здравствуйте.

Он протянул руку. Каноник немного помедлил, но не выдержал взгляда Маккензи.

— Здравствуйте.

Спратт даже не услышал, а почувствовал, как усмехнулся Дик. Густо покраснев, он взял Люси под руку.

— А вы идете, мистер Маккензи? — попыталась выйти из положения леди Келси.

— Если не возражаете, мы с мистером Ломасом выкурим по сигарете. Я, знаете ли, не любитель танцевать.

Алек словно специально предоставил Дику

желанную возможность. Они остались одни, и весельчак тут же кинулся к другу.

— Как ты, наверное, догадался, все мы молили Создателя, чтобы тебе хватило такта не приходить.

— Признаться, я так и думал, — улыбнулся Алек. — Не надо было приходить, но я хотел повидаться с мисс Аллертон.

— Похоже, этот Макиннери не даст тебе спокойной жизни.

— Я допустил оплошность, — признал Маккензи с кривой усмешкой. — Надо было бросить его в реку.

— Что ты собираешься делать?

— Ничего.

Дик изумленно уставился на друга.

— Ты что же, будешь сидеть сложа руки, пока тебя поливают грязью?

— Пусть поливают.

— Послушай, Алек, что ты, черт возьми, задумал?

Тот смотрел все так же спокойно.

— Пожелай я делиться секретами с публикой — не отказался бы отвечать на вопросы репортеров.

— Алек, мы знакомы уже двадцать лет…

— Раз так, ты и сам знаешь: если я не хочу что-то с тобой обсуждать, тому есть веские причины.

Дик взволнованно вскочил.

— Ради Бога! Ты должен объяснить! От такого обвинения нельзя просто отмахнуться. Тем более речь не о ком-то там — он же брат Люси! Тебе нельзя молчать.

— Всю жизнь я поступал так, как считаю нужным, — отозвался Алек.

Дик рухнул в кресло, зная: раз Алек так сказал, его ничто не переубедит. Все произошло так внезапно, что он не мог найти нужных слов. Дик не читал письмо, после которого поднялась шумиха, и знал обо всем только со слов леди Келси. Он рассчитывал, что при внимательном рассмотрении всплывут какие-то подробности, которые и объяснят упрямство Алека, — пока же он терялся в догадках.

— Ты хоть понимаешь, что Люси беззаветно в тебя влюблена? — наконец спросил Дик.

Алек не ответил и даже не шевельнулся.

— Что, если теперь ты лишишься ее любви?

— Я учел все последствия, — бесстрастно отозвался Алек. Дик понял, что его друг не хочет продолжать разговор. Они немного помолчали, и тут вошла Люси.

— Я избавилась от своего кавалера, — объяснила девушка со слабой улыбкой. — По-моему, нам нужно поговорить наедине.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Дик.

Они остались одни, и Люси взволнованно заговорила:

— Как хорошо, что вы пришли. Я так мечтала вас увидеть.

— Наверное, вам наговорили обо мне ужасных вещей.

— Меня старались от них оградить.

— Я и подумать не мог, что люди способны на такую низость, — серьезно сказал он.

Его и правда это волновало: насколько легко было пропускать мимо ушей бесчисленные восторги, настолько же трудно оказалось не обращать внимания, когда все тебя осуждают. Он сильно переживал.

Взяв Люси за руку, Алек усадил ее на диван рядом с собой.

— Я должен вам срочно кое-что сказать.

Девушка молча смотрела на него.

— Я не собираюсь отвечать на обвинения.

Люси бросила на него быстрый взгляд. Их глаза встретились.

— Даю вам слово чести, что я не совершил ни-

чего, о чем мог бы пожалеть. Я клянусь, что был с Джорджем честен, и случись все снова, поступил бы точно так же.

Она долго молчала и наконец сказала:

— Я ни секунды не сомневалась в вас.

— Остальное меня не заботит. — Алек опустил глаза, а когда заговорил снова, в его голосе звучала робость. — Впервые в жизни я так нуждаюсь в чьем-то доверии — и все равно стыжусь этого.

— Не судите себя строго, — мягко ответила Люси. — Вы просто боитесь проявить мягкость.

Алек, кажется, искренне обдумывал ее слова. Девушка никогда не видела его таким серьезным.

— Единственный способ стать сильным — никогда не уступать своим слабостям. Сила — это просто привычка. Вы тоже должны стать сильной. Прошу вас: никогда не сомневайтесь во мне, что бы ни говорили кругом.

— Я поручила вам заботу о брате и сказала, что если он погибнет как смельчак — мне не о чем сожалеть. По вашим словам, он погиб именно так.

— Я всегда думал о вас и делал все только ради вас. За все четыре года, что я провел в Африке, любовь к вам стояла за каждым моим шагом.

Впервые после возвращения он заговорил о

любви. Люси опустила глаза еще ниже.

— Помните, перед отъездом я задавал вам вопрос? Тогда вы отказались выходить за меня, но обещали, что когда я вернусь, ответ может быть другим.

— Да.

— Надежда поддерживала меня перед лицом опасности. Однако, вернувшись, я не осмелился спросить снова, потому что боялся снова услышать отказ. Я не хотел, чтобы вас связывало давнее обещание. И все же с каждым днем я любил вас все сильнее и сильнее.

— Я знаю об этом и искренне ценю вашу любовь.

— Еще вчера я мог подарить вам громкое имя. Все почести я ценил лишь постольку, поскольку мог положить их к вашим ногам. Но что я могу предложить сейчас?

— Вы должны всегда любить меня, Алек. Кроме вас, у меня никого нет.

— Уверены ли вы, что никогда не усомнитесь в моей невиновности?

— Почему вы не можете ответить на обвинение?

— Этого я не могу вам сказать.

Наступила тишина. Наконец Алек снова заго-

ворил:

— Но может быть, вам легче будет поверить мне, а не им, потому что вы знаете, что я люблю вас и ни за что не пошел бы на гнусный поступок, в котором меня обвиняют.

— Я никогда не поверю в вашу виновность. Не знаю, что за резон у вас хранить молчание, но верю, что он достаточно веский. Раз вы не отвечаете обвинителям — тому есть серьезная причина. Алек, я люблю вас всем сердцем, и если вы попросите меня стать вашей женой, почту за честь ответить согласием.

Он заключил ее в объятия, поцеловал, и Люси расплакалась от счастья. Она не желала ни о чем думать, а мечтала лишь подчиниться его могучей воле.

Глава XVI

Леди Келси искренне надеялась, что вечер завершится без происшествий, но ее мечтам не суждено было сбыться. Роберт Боулджер был безмерно раздражен словами Люси, которая к тому же, словно желая окончательно вывести его из себя, совершила опрометчивый шаг. Желая показать всему миру, представленному двумя сотнями гостей леди Келси, что она, наиболее заинтересованное лицо, всецело доверяет Алеку, Люси настояла на том, чтобы танцевать с ним. Алек считал, что не стоит будоражить общественное мнение, но уступил ее пылким призывам. Дик с миссис Кроули танцевали рядом и, прочтя в их глазах неодобрение, Люси еще сильнее укрепилась в стремлении пойти наперекор. Поймав ледяной от ярости взгляд Бобби, она лишь вскинула голову.

Гости стали понемногу прощаться с леди Келси, и к трем часам почти все разъехались. Люси попросила Алека остаться, и они с Диком укрылись в курительной. Внезапно туда вошел Боулджер в сопровождении двоих товарищей, которых

Алек едва знал — их звали Маллинс и Карбери. Бросив взгляд на Алека, он подошел к столику с сигаретами и напитками. Его компаньоны и не догадывались, что Бобби умышленно пригласил их зайти, рассчитывая объясниться с Маккензи.

— Здесь можно курить, Бобби? — спросил один, смущенный присутствием Алека, но не желая накалять обстановку.

— Разумеется. Дик распорядился, чтобы эту комнату отвели для курения.

— Гостеприимство леди Келси не знает себе равных, — беззаботно заметил Дик и протянул Алеку портсигар. Тот взял сигарету и небрежно попросил:

— Бобби, малыш, будь другом — дай огоньку.

Боулджер, не оборачиваясь, проигнорировал просьбу. Он налил себе немного виски и стал нарочито его разглядывать. С легкой усмешкой Алек повторил:

— Бобби, передай спички.

В этот момент вошел дворецкий леди Келси с подносом для грязных стаканов. Бобби, по-прежнему не оборачиваясь, обратился к слуге:

— Миллер.

— Да, сэр.

— У мистера Маккензи есть просьба.

— Да, сэр.

— Ты не мог бы передать спички? — попросил Алек.

— Да, сэр.

Положив спички на поднос, дворецкий отнес их Алеку, и тот закурил.

— Спасибо.

Все молчали. Алек лениво пускал кольца дыма и следил, как они поднимаются к потолку. Дворецкий вышел, и он медленно повернулся к Боулджеру.

— Я вижу, за время моего отсутствия вежливость не пополнила список твоих добродетелей.

Боулджер резко обернулся.

— Если что-то нужно, можешь попросить слуг.

— Не будь дураком, — добродушно улыбнулся Алек.

Его снисходительность лишила Боулджера остатков самообладания. Он в ярости шагнул к Алеку.

— Еще посмеешь так разговаривать — уложу на месте!

Алек, удобно раскинувшийся на диване, даже не шелохнулся, словно его это не касалось.

— Это будет непросто — я и так лежу.

Боулджер сжал кулаки и чуть не задохнулся

от гнева.

— Слушай, Маккензи, прекрати валять дурака! Я хочу услышать, что ты ответишь на обвинения Макиннери.

— Хотелось бы заметить, что только мисс Аллертон вправе требовать от меня ответа. А она пока вопросов не задавала.

— Я отказываюсь ее понимать! На ее месте я бы и смотреть на тебя побоялся. В любом случае я тоже вправе задавать вопросы. Джордж Аллертон был мне двоюродным братом.

Алек медленно поднялся и посмотрел на Боулджера с полным безразличием, которое того особенно раздражало.

— Не больно-то он этим родством гордился.

— Сегодня утром прямо и недвусмысленно прозвучало обвинение, что ты трусливо отправил Джорджа на смерть. Ты ничего не сказал в свое оправдание.

— Не сказал.

— У тебя была возможность объясниться, но ты не стал.

— Именно так.

— Что ты собираешься делать?

Дик уже задавал ему этот вопрос, и Алек ответил точно так же:

— Ничего.

Бобби посмотрел на него и пожал плечами:

— В таком случае вывод может быть только один. Призвать тебя к ответу, видимо, не получится, но зато я могу сказать, что считаю тебя последним мерзавцем.

— Между нами все кончено, — улыбнулся Алек, которого забавляла горячность юноши. — Вернуть все письма и фотографии?

— Поверь, это не шутка, — зловеще отозвался Бобби.

— Шутки тебе нелегко даются, я заметил. Удивительно: я, шотландец, вижу, как ты смешон; а ты, хоть и англичанин, не понимаешь, что ведешь себя нелепо.

— Алек, он же еще мальчишка… — Дик только сейчас сумел вмешаться в спор.

Боулджер раздраженно накинулся на него:

— Послушай, Дик, я как-нибудь сам за собой присмотрю! Будь добр, не вмешивайся! — Он снова обратился к Алеку: — Раз Люси настолько безразлична к судьбе брата, что не желает с тобой порвать, — это ее личное дело.

Дик снова перебил:

— Бога ради, Бобби, не устраивай сцен. Не выставляй себя идиотом.

— Не перебивай! Катись ты к черту!

— Считаешь, здесь подходящее место для перебранки? — спокойно спросил Алек. — Ты бы прославился куда больше, если бы набросился на меня в клубе или на церковном шествии в воскресенье.

— И ты еще имел наглость сюда явиться! — воскликнул Бобби, который уже охрип от гнева. — Ты укрываешься несчастными женщинами, как щитом, понимая, что пока Люси на твоей стороне, найдутся люди, которые тебе поверят.

— Я явился по той же причине, что и ты, мой дорогой. Меня пригласили.

— Ты признаешь, что у тебя нет оправдания.

— Прошу прощения, но я ничего не признаю и не отрицаю.

— Меня это не устроит, — заявил Боулджер. — Мне нужна правда, и я ее добьюсь. У меня есть право знать.

— Не выставляй себя ослом, — бросил Алек.

— Клянусь Богом, я заставлю тебя дать ответ!

В бешенстве он метнулся к Алеку, словно намереваясь вцепиться ему в горло, но тот оттолкнул его легким движением руки.

— Мальчишка! Я же тебе легко хребет переломлю, — гневно прошипел он.

Бобби взревел от ярости и готов был броситься на Алека, но Дик заступил дорогу.

— Бога ради, давайте без сцен. Бобби, будет только хуже. Алек тебя в порошок сотрет — Он обернулся к двум приятелям, захваченным врасплох неожиданной ссорой. — Маллинс, будь другом, уведи его.

— Пойдем, старик, — пришел наконец в себя Маллинс.

Спутники вывели Бобби из комнаты, и Дик вздохнул с облегчением.

— Бедная леди Келси! — До него наконец дошла вся смехотворность положения. — Завтра весь Лондон будет обсуждать, как вы с Бобби подрались у нее в гостиной.

Алек бросил на друга раздраженный взгляд. Ему стоило немалых усилий сдерживать свой крутой нрав.

— Не стоило так усердствовать и выводить мальчишку из себя, — сказал Дик.

— Чертовы щенки! — гневно бросил Алек, резко обернувшись. — Шеи бы им всем переломать!

— Ты сама доброта.

Алек взволнованно зашагал из угла в угол. Впервые видя друга в таком состоянии, Дик сухо заметил:

— Ты угодил в чертовски неприятную ситуацию.

И тут Алек взорвался:

— Сегодня они перед тобой пресмыкаются, а завтра набросятся точно свора собак! Да, я презираю их, этих глупых юнцов, которые нежатся дома, пока другие работают. Работают и сражаются! Слава Богу, теперь с ними покончено. Они думают, что прорываться с боями сквозь Африку — это как по Пиккадилли пройтись. Думают, человек терпит невзгоды и опасности, голод и болезни, только чтобы блистать на приемах в Мейфэре!

— По-моему, ты к ним несправедлив, — ответил Дик. — Есть ведь и обратная сторона медали. Тебя обвиняют в низости и предательстве. Друзья ожидают, что ты легко опровергнешь эту гнусную ложь; ты же по никому не понятной причине делаешь вид, что ничего не происходит.

— Вся моя жизнь опровергает эту гнусную ложь.

— Быть может, все же стоит одуматься и разослать заявление в газеты?

— Нет, черт бы тебя побрал!

Дик в своем безграничном добродушии ничуть не обиделся на вспышку Алека.

— Дружище, остынь! — расхохотался он.

Его смех привел Алека в чувство. Он словно очнулся и с заметным стороннему наблюдателю усилием снова взял себя в руки. Мгновенно поборов волнение, он обратился к Дику с деланным безразличием:

— Считаешь, я выгляжу чрезмерно взволнованным?

Дик улыбнулся:

— Ты весь кипишь от гнева, словно раскаленный чайник — да простится мне это сравнение.

— Я холоден как лед.

— При сорока градусах!

Алек рассмеялся и приобнял Дика за плечи.

— Пожалуй, нам пора идти.

— Твой здравый смысл поражает меня не меньше, чем внешний вид, — серьезно заметил Дик.

Поскольку оба уже попрощались с хозяйкой, они тут же оделись и разошлись в разные стороны. Дома Дик не стал ложиться. Сидя в кресле, он обдумывал прошедший вечер, пытаясь распутать смешавшиеся в клубок мысли, и был сильно удивлен, когда в комнату проник яркий луч утреннего солнца.

Однако тревоги леди Келси на этом не закончились. Избавившись от друзей, Бобби отправился

к ней и пригласил выпить по чашке бульона. Бедная женщина валилась с ног от усталости и с радостью согласилась. Несколько человек в пальто еще ждали своих спутниц, а у дверей холла в ожидании экипажей толпилась группка припозднившихся гостей. На лицах застыла усталость, как и бывает после веселого бала. Слуги вяло убирали со столов. Люси прощалась с кем-то из близких друзей.

Леди Келси с облегчением отхлебнула горячий бульон.

— У меня ноги сейчас отвалятся, — сказала она. — Я так устала, что вряд ли смогу уснуть.

— Перед уходом мне надо поговорить с Люси, — неожиданно заявил Бобби.

— Сейчас? — недоверчиво переспросила хозяйка.

— Да, пошлите за ней: пусть придет к вам в спальню.

— Что случилось?

— Так продолжаться не может. Это просто чудовищно. Надо что-то делать.

Леди Келси поняла, к чему он клонит. Она знала, что Бобби по уши влюблен в Люси, и тоже заметила его ярость, когда та танцевала с Алеком Маккензи. Впрочем, вся ситуация не давала ей

покоя. Леди Келси отодвинула чашку и нервно спросила:

— Неужели нельзя подождать до завтра?

— Нет, нужно разобраться сейчас.

— По-моему, это ужасно глупо. Ты же знаешь, как Люси возмущается, когда вмешиваются в ее дела.

— Что ж, я стойко снесу ее возмущение, — с горечью заявил он.

Леди Келси выглядела совершенно беспомощной.

— И что мне делать? — спросила она.

— Я хочу, чтобы вы присутствовали при разговоре.

Бобби велел слуге передать мисс Аллертон, что леди Келси просит ее зайти к ней в спальню. Он помог пожилой женщине подняться наверх. Почти сразу появилась и Люси.

— Вы меня звали, тетушка? Мне передали, что вы хотите о чем-то поговорить.

— Это я попросил позвать тебя от имени тети Элис, — объяснил Боулджер. — Боялся, что на мою просьбу ты не откликнешься.

Люси удивленно наморщила лоб и беззаботно ответила:

— Чепуха! Твое общество мне всегда приятно.

— Я хотел с тобой поговорить и решил, что лучше сделать это в присутствии тети Элис.

Люси бросила на него быстрый взгляд. Бобби сохранял спокойствие.

— Неужели это так важно, что не может подождать до завтра?

— Я полагаю, да, важно. Все уже ушли.

— Я вся внимание, — улыбнулась девушка.

Боулджер чуть помедлил, готовясь к тяжелому разговору.

— Люси, ты уже знаешь, что я люблю тебя больше всего на свете и любил всегда, сколько себя помню, — начал он, краснея от волнения.

— Надеюсь, ты лишил меня чашки бульона не для того, чтобы предложить руку и сердце?

— Люси, я серьезно.

— Поверь, серьезность тебе не идет, — улыбнулась она.

— Недавно, как раз перед возвращением Алека Маккензи, я в очередной раз делал тебе предложение.

Взгляд девушки потеплел, насмешливый тон сразу улетучился.

— Так мило, — сказала она совершенно серьезно. — Да, я над тобой изредка посмеиваюсь, но ты не думай — я и правда очень тебе благодарна.

— Ты ведь знаешь, Люси, как давно он за тобой ухаживает, — вставила леди Келси.

Люси подошла и нежно погладила его по плечу.

— Бобби, твоя преданность меня очень трогает, и я знаю, что ничем ее не заслужила. Прости, но мне нечего предложить тебе взамен. Сердцу не прикажешь. Я только надеюсь — искренне надеюсь, что ты полюбишь кого-то, кто ответит тебе взаимностью. Ты даже не представляешь, как я мечтаю, чтобы ты был счастлив.

Боулджер невозмутимо отстранился. Он не поддастся, хотя ангельский голос девушки тронул его до глубины души.

— Сейчас речь не о моем счастье, — сказал он. — Когда Алек Маккензи вернулся, я, кажется, понял, почему ты оставалась равнодушна ко всем моим предложениям.

Он чуть помолчал и беспокойно откашлялся.

— Не понимаю, зачем ты все это говоришь, — прошептала Люси.

— Я попытался отступить в сторону. Ты всегда боготворила силу, и, видимо, Маккензи казался тебе неподражаемым. В сравнении с ним я мало что мог Тебе предложить, но вопреки всему надеялся, что ты его не любишь.

— И что же?

— Если бы не это письмо в газете, я больше никогда не отважился бы с тобой заговорить. Однако оно все меняет.

Бобби снова замолчал. Он пытался сохранять напускное хладнокровие, но сердце колотилось как бешеное. Он правда всем сердцем любил Люси и считал, что просто выполняет свой долг.

— Я снова прошу тебя стать моей женой.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — медленно проговорила девушка.

— Теперь ты не можешь выйти за Алека Маккензи.

Люси вздернула голову и сильно побледнела.

— У тебя нет права так со мной разговаривать. Ты злоупотребляешь моей добротой.

— А по-моему, право у меня есть. Я единственный мужчина среди твоих родственников и к тому же люблю тебя.

Леди Келси хотела что-то сказать, и Люси обернулась к тетке.

— Мне кажется, Люси, тебе стоит его послушать. Я ведь уже старая, скоро ты останешься совсем одна.

Ее неприкрытая доброта отрезвила обоих, и разговор пошел спокойнее.

— Люси, я очень постараюсь стать тебе хорошим мужем, — искренне пообещал Бобби. — Я не требую любви, просто позволь мне быть с тобой рядом.

— Могу только повторить: я очень благодарна тебе, Бобби, но замуж за тебя не выйду — ни сейчас, ни потом.

Боулджер помрачнел и умолк.

— И ты продолжишь знаться с Алеком Маккензи? — наконец спросил он.

— Ты не имеешь права задавать такие вопросы!

— Спроси про это письмо любого непредвзятого человека — увидишь, он скажет то же, что и я. Этот человек виновен в чудовищном преступлении — тут нет и тени сомнения.

— Обвинения меня не волнуют, — заявила Люси. — Я знаю, что он не способен на такую низость.

— Боже правый, ты что, забыла: он же убил твоего родного брата! — гневно воскликнул Боулджер. — На него вся страна ополчилась, а тебе все равно?!

— Бобби, как у тебя только язык поворачивается? — простонала девушка, пораженная до глубины души. — Как можно быть таким же-

стоким?

Он подошел к ней вплотную и возмущенно затараторил, швыряя гневные слова в лицо девушке:

— Если Джордж тебе правда небезразличен, ты захочешь покарать его убийцу. И уж по меньшей мере ты не можешь и дальше быть ему… — он прочел в ее глазах боль и сдержался, — …быть ему близким другом. Если бы не ты, Джордж вообще не поехал бы в Африку, и самое меньшее, что ты можешь сейчас сделать, — это хотя бы поинтересоваться обстоятельствами его гибели.

Люси закрыла лицо руками, словно спасаясь от чего-то совершенно отвратительного.

— Зачем ты меня мучаешь? — жалобно воскликнула она. — Говорю же, Алек невиновен!

— Маккензи не желает ни с кем объясняться. Я тщетно пытался хоть что-то из него вытянуть и вышел из себя. Возможно, если ты потребуешь ответа, он признается.

— Я не могу.

— Почему?

— Странно, что он так упорно хранит молчание, — заметила леди Келси. — Если ему нечего стыдиться, то нечего и скрывать.

— И ты тоже веришь этому письму? — спро-

сила Люси.

— Я не знаю, чему верить. Ситуация исключительная. Дик говорит, что ничего не знает. Но если мистер Маккензи невиновен, то почему сам не скажет?

— Алек знает, что я ему верю, — сказала Люси, — верю и горжусь этим. Неужели я буду теперь оскорблять его расспросами?

— Ты боишься, что ему нечего ответить? — спросил Боулджер.

— Да нет же.

— Тогда попробуй спросить. В конце концов, уж это-то в память о Джордже можно сделать. Попробуй.

— Но неужели ты не понимаешь, что раз он молчит, на то есть веские причины? — воскликнула она в растерянности. — Откуда мне знать, может быть, есть обстоятельства, которые важнее, чем гибель Джорджа…

— Она так мало для тебя значит?

Люси отвернулась и разрыдалась. Ее затравили как зверя. Казалось, от назойливых вопросов не будет спасения.

— Я должна и дальше верить в него, — всхлипнула девушка.

— Ты слишком расстроена, чтобы об этом су-

дить.

— Я верю ему безоговорочно, всей душой.

— Тогда тем более не будет вреда, если ты спросишь. У него нет причин не доверять тебе.

— Ну почему ты не оставишь меня в покое? — взмолилась она.

— Люси, я думаю, это крайне неразумно, — сказала леди Келси. — Он же знает, что ты ему друг и не станешь спрашивать зря.

— Если Алек мне не ответит, это не будет ничего значить. Я его лучше знаю. Он совершенно исключительный человек. Если он решил, что по каким-то неведомым причинам нужно хранить молчание, его ничто не переубедит. Почему он должен оправдываться? Я верю ему всей душой — он величайший и достойнейший из всех людей, кого я знаю. Я счастлива и благодарна за одну только возможность дожидаться его возвращения.

— О чем ты, Люси? — удивилась леди Келси.

Но девушка уже отбросила всякую сдержанность и не думала, что говорит.

— Я о том, что его мизинец для меня важнее всего мира! Я люблю Алека всем сердцем, и он не мог пойти на такую низость, потому что я любила его все эти годы, и он об этом знал! Он тоже любит

меня и всегда любил!

Люси бессильно опустилась в кресло. Она тяжело дышала. Боулджер смотрел на девушку и от боли просто не находил себе места. Из ее собственных уст он услышал то, что раньше только подозревал. Это было невыносимо. Теперь всему конец.

— Ты выйдешь за него замуж? — спросил он.

— Да.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что! — с вызовом ответила Люси.

Вопль гнева и отчаянья рвался из горла, но Боулджер сдержался. Он молча смотрел на девушку.

— Боже, — наконец вымолвил он, — что же в этом человеке такого, что ты забыла о любви, о чести и даже о простых приличиях?

Люси не отвечала. Она закрыла лицо руками, и тело ее содрогалось от рыданий.

Бобби молча вышел из комнаты. Леди Келси услышала, как внизу хлопнула дверь, ведущая на пустынную улицу.

Глава XVII

На следующий день Алека вызвали в Ланкашир.

Выйдя утром из дома, он увидел заголовки вечерних газет, где говорилось о взрыве на угольной шахте. Поглощенный своими мыслями, Маккензи не придал этому значения и был потрясен, когда из ожидавшей его в клубе телеграммы выяснилось, что несчастье случилось на его шахте. Тридцать человек оказались погребены заживо — опасались, что их уже не спасти. Мгновенно позабыв собственные заботы, Алек велел принести расписание и обнаружил, что как раз успевает на поезд. Захватив с собой пару бланков, он прямо в кебе нацарапал две телеграммы: одну — своему слуге, с указанием захватить одежду и немедленно выезжать вслед; а вторую — Люси.

Едва успев на поезд, после полудня он был уже возле устья шахты, окруженного толпой рыдающих женщин. Все попытки спасти бедняг ни к чему не привели. Было много раненых, и дом управляющего превратили в госпиталь. Все были так потрясены несчастьем, что спасательные ра-

боты велись нерешительно. Алек сразу взялся за дело. Он подбодрил несчастных женщин, собрал всех, от кого могла быть хоть какая-то польза, и воодушевил их своим мужеством и изобретательностью. День уже клонился к вечеру, но нельзя было терять ни минуты, и они трудились всю ночь. Алек, в одной рубашке, работал наравне с могучими шахтерами, не нуждаясь ни в сне, ни в отдыхе. Стиснув зубы, он молча сражался со смертью за жизни тридцати человек. Утром он принял ванну, забежал проведать раненых и вернулся к завалу.

У Алека не было времени на посторонние мысли. Он не знал, что тем самым утром в «Дейли мейл» появилось еще одно письмо с новыми обвинениями и убедительными доказательствами как на подбор; он не знал, что газеты, негодуя и удивляясь молчанию адресата, единодушно провозгласили его виновным. Дело приняло политический характер, и радикальная пресса воспользовалась скандалом, чтобы добить обессилевшего противника. Вопрос был вынесен на обсуждение в парламенте.

Поглощенный неравной борьбой, Алек не знал, что пузырь его славы лопнул, да и знай он — не придал бы тому значения. Шахтеры были замуро-

ваны уже сорок восемь часов. Трудившиеся с ним бок о бок смельчаки понемногу теряли надежду, и Алек вдохновлял их на новые подвиги. От людей требовалось одно — неколебимое упорство. Благодаря своей колоссальной выносливости Маккензи трудился по двадцать часов без перерыва. Он не жалел себя и, кажется, вдыхал новые силы в своих помощников, собственным примером побуждая их не опускать руки. Они работали без устали, но надежда понемногу уходила. Там, за завалом, тридцать беспомощных людей страдали от голода. Некоторые, вероятно, уже мертвы. Страшно было подумать о тех ужасах, что выпали на их долю: медленно поднимающаяся вода, тьма и жестокие муки голода. Там был мальчик четырнадцати лет. Алек как-то разговаривал с ним, когда приезжал на шахту, и умилялся веселому нахальству мальчугана. Смешливый голубоглазый мальчишка. Страшно подумать, что нелепая, случайная катастрофа лишит его жизни со всеми ее радостями. Обожженное и изуродованное тело его отца лежало в морге. Вместе с мальчиком угодил в западню и старший брат — у него была жена и дети. С удвоенной яростью Алек принялся за работу. Он не сдастся.

Наконец с той стороны донеслись звуки. Тихие,

еле слышные, но ошибки быть не могло. Значит, кто-то еще жив. Спасатели оживились. Теперь счет шел на часы. Близость успеха придала им сил, усталость как рукой сняло — осталось собрать последние капли мужества.

Наконец-то!

С замаскированным под радостные возгласы вздохом облегчения они пробились сквозь последний барьер, и несчастные оказались спасены. Их вытаскивали по одному. Изможденные, с запавшими глазами, бедняги беспомощно щурились от яркого солнца и едва стояли на ногах. Алек на своих могучих руках вынес синеглазого мальчугана и попытался его развеселить, но вместо улыбки тот зарыдал от слабости, уткнувшись в грудь своему спасителю. Брата вынесли следом — он был мертв. Жена с детьми по бокам ждала возле устья шахты.

Этот непримечательный эпизод, о котором лишь вскользь упомянули утренние газеты, странным образом отодвинул проблемы Алека на задний план. Столкнувшись с безутешным горем вдов и осиротевших детей, с безжалостно загубленными в расцвете лет жизнями, Маккензи и думать забыл о переполохе, связанном с его именем. Встревоженный, он не находил себе ме-

ста. На него свалилось множество срочных дел. Нужно было как можно скорее возобновить работу шахты и позаботиться о семьях, потерявших кормильцев. Люди с не терпящими отлагательств вопросами осаждали Алека со всех сторон, и он не мог выкроить ни минуты. Задумавшись же в конце концов над собственными проблемами, Алек вдруг понял, что благодаря катастрофе взмыл над засосавшей его трясиной обыденности. Он бросил вызов злому року и отчаянно сражался с беспощадной слепотой судьбы. Что, кроме презрения, можно испытывать к людям, бесчестящим его постыдными обвинениями? В конце концов, его совесть чиста.

В письме к Люси Алеку и в голову не пришло возвращаться к событиям, предшествовавшим его отъезду из Лондона. Он писал о мучительной лихорадке последних дней, рассказывал, как они сражались со смертью и лишили ее законной добычи. Второе письмо описывало меры, которые он предпринял, чтобы возместить причиненный ущерб и помочь нуждающимся. Алек мечтал выразить в своих строках пылкую преданность Люси, однако со свойственной ему странной робостью не осмелился этого сделать. Про обвинения, которые все только и обсуждали, он даже

не упомянул.

Люси снова и снова перечитывала его письма, но не могла понять. В них звучало удивительное безразличие. Находясь далеко от места трагедии, Люси не ощущала ее всепоглощающего ужаса и мучительно переживала отсутствие Алека. Он был так нужен здесь… А теперь вся тяжесть легла на ее собственные плечи. Когда появилось второе письмо Макиннери, леди Келси лишь молча протянула ей газету. Ужасно. Все эти смехотворные обвинения были слеплены с жутковатым правдоподобием, которое выводило Люси из себя. И все же почему Алек хранит гробовое молчание? Девушка убеждала себя, что политические договоренности с государствами, чьи сферы влияния граничили с завоеванными территориями, могли требовать соблюдения строжайшей тайны, однако вскоре сочла это объяснение слишком уж фантастическим. Изучив газеты, она поняла, что общественное мнение настроено против Алека. Вмешалась политика, и соратники по партии поддержали Маккензи, но как-то неуверенно — это означало, что дела совсем плохи. Люси уже тысячу раз повторила все доводы в его пользу, однако аргументы противников все равно звучали куда убедительнее. И тут на девушку обрушились

муки совести. Она вспомнила жестокие слова Бобби и стала изводить себя упреками — ведь дело касалось ее родного брата! На такое способен лишь человек бессердечный или совершенно бессовестный. Люси из последних сил твердила, что верит в Алека, что он не способен на предательство.

Наконец, не в силах больше терпеть, она телеграфировала ему: «Ради Бога, скорее приезжай».

Люси чувствовала, что не вынесет больше ни дня страданий. Несчастная, раздавленная, она ждала Алека. Все ее страхи вырвались на волю. Она считала часы до его приезда и не верила, что он может задержаться. Самообладание оставило Люси, она была словно ребенок, который ищет защиты в родительских объятиях.

И вот он пришел. Люси ждала в той самой комнате, где состоялась их встреча, когда Алек вернулся в Англию. Бледная, истосковавшаяся, она вскочила и бросилась к нему.

— Слава Богу, ты здесь, — сказала девушка. — Время будто остановилось.

Алек не понимал, чем Люси так взбудоражена. Он нежно поцеловал девушку, и та вдруг почувствовала себя лучше. Его совершенная искренность придала ей сил и спокойствия. Не

в силах вымолвить ни слова, Люси прижалась к нему и заплакала.

— Что случилось? — наконец спросил Алек. — Зачем ты меня вызывала?

— Я не могу жить без твоей любви.

Он гладил ее с удивительной нежностью. Никто не подумал бы, что суровый путешественник может быть таким ласковым.

— Я должна была тебя увидеть, — прорыдала она. — Ты не представляешь, что за муки мне пришлось пережить.

— Бедное дитя.

Он целовал ее волосы и белый наморщенный лоб.

— Почему ты уехал? Ты же знал: я не могу без тебя.

— Прости меня.

— Ужасные дни. Я и представить не могла, что бывают такие мучения.

— Присядь и расскажи мне все.

Алек усадил Люси на диван возле себя и обнял. Та прильнула к нему и молча упивалась долгожданным облегчением после стольких дней мучительной боли. Она улыбнулась сквозь слезы:

— С тобой я счастлива и ничего не боюсь.

— Только со мной?

Он задал этот вопрос нежно, тихим, влюбленным голосом — каким раньше не говорил никогда. Люси не ответила, только теснее прижалась к Алеку. Он улыбнулся и повторил:

— Только со мной, милая?

— Я рассказала Бобби и тете, что мы поженимся. Они совсем меня измучили, и пришлось сказать. Я не сдержалась. Они говорили про тебя ужасные вещи.

Он немного помолчал.

— Это вполне естественно.

— Для тебя это ничего не значит, — воскликнула девушка, — а для меня… Ты не представляешь, через что мне пришлось пройти!

— Хорошо, что ты им рассказала.

— Бобби назвал меня жестокой и бессердечной. Ведь это правда: я думаю о тебе, а Джордж больше ничего для меня не значит. Любовь переполняет мое сердце, а для остального в нем больше нет места.

— Моя любовь заменит тебе все, что было раньше. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

Освободившись из объятий Алека, Люси подалась чуть назад, к краю дивана. Она непременно должна рассказать, что ее гложет, но от стыда

боялась поднять глаза.

— Есть и другая причина, почему я им рассказала. Я такая трусиха. Думала, что я куда смелее.

— И почему же?

У Люси вдруг защемило сердце. Она мелко задрожала и лишь могучим усилием воли заставила себя продолжать. Ей было очень страшно. Во рту пересохло, а когда слова наконец сорвались с губ, голос был как будто чужой.

— Я хотела сжечь за собой все мосты. Это придало бы мне уверенности.

Теперь уже Алек молчал, понимая, к чему клонит девушка. Сердце замерло у него в груди. Им суждено расстаться. Впрочем, Алек предвидел эту возможность еще тогда, в джунглях Африки, — и решил, что пусть Люси лучше лишится любви, чем достоинства.

Алек попытался встать, но Люси протянула руку и не пустила. В его душе вдруг вспыхнула отчаянная решимость не сдаваться до самого конца.

— Я не понимаю, — проговорил он.

— Прости меня.

Люси взяла его за руки и быстро заговорила:

— Ты не представляешь, как это ужасно. Я совершенно одна. Все на тебя ополчились, никто

доброго слова не скажет. Просто невероятно, непостижимо. Словно одна я верю, что ты не посылал на смерть беднягу Джорджа. О Боже, меня, наверное, считают жестокой и бессердечной!

— Разве так важно, что считают другие? — спокойно спросил Алек.

— Я сама себя стыжусь. Пытаюсь выбросить эти мысли из головы, но не могу. Не могу, и все. Я пыталась быть храброй, отказывалась даже думать о том, что в этих страшных обвинениях есть доля правды. Я хотела поговорить с Диком — знаю, он тебя обожает, — но побоялась. Я предала бы твое доверие, ведь все должны видеть, что мне нет дела до этих обвинений. Ладно бы было одно письмо, но второе… Там все до жути правдоподобно.

Алек бросил на нее быстрый взгляд. Он впервые услышал о втором письме. В безумной суматохе после аварии на шахте у него не было времени ни на что, кроме спасательных работ. Однако он промолчал.

— Я перечитывала его много раз и не могу понять… Бобби говорит, оно снимает все вопросы, а я твержу, что это чепуха, но… Ты понимаешь? Эта неизвестность не дает мне покоя.

Люси вдруг замолчала и теперь смотрела на

Алека. Ее глаза светились жалобной мольбой.

— Сначала я верила тебе беспрекословно.

— А теперь нет? — спокойно спросил он.

Она вновь опустила глаза и всхлипнула.

— И теперь точно так же верю. Я знаю, ты не пошел бы на такую низость. Но ведь в газете написано черным по белому, а ты только молчишь в ответ.

— Понимаю, тебе тяжело. Потому я и просил никогда не сомневаться во мне, что бы ни говорили.

— Я верю тебе, Алек, — вскричала она, — верю всем сердцем! Но сжалься надо мной! Я верила, что справлюсь. Тебе легко быть одиноким. Ты словно стальной. Ты гранитная глыба. А я просто женщина — жалкая и слабая.

Он помотал головой:

— Нет-нет, ты не как другие женщины.

— Легко быть храброй, когда речь об отце или о Джордже, но теперь все по-другому. Любовь изменила меня. У меня больше нет сил противостоять моим близким.

Алек встал и прошелся по комнате. Он о чем-то напряженно размышлял. Люси казалось, он слышит, как колотится ее сердце. Наконец он остановился перед девушкой и заговорил с та-

кой болью в голосе, что ее сердце мучительно сжалось.

— Помнишь, несколько дней назад я говорил, что случись все снова, поступил бы точно так же? Я дал слово чести, что мне не в чем себя упрекнуть.

— Помню! — воскликнула Люси. — Мне так стыдно, но сомнение не дает мне покоя…

— Сомнение. Вот оно, это слово.

— Я говорю себе, что не верю ни единому из этих жутких обвинений. Твержу: «Он невиновен, он невиновен». — Отчаянье любви придало Люси сил, и в этот решительный миг ей все же хватило смелости. — Но в глубине души остается сомнение, избавиться от которого я не могу.

Она ждала ответа, но Алек молчал.

— Я старалась задушить остатки сомнений. Я думала бросить им в лицо, что верю тебе беспрекословно и выйду за тебя, несмотря ни на что, — и после этого мое сердце успокоится.

Алек выглянул в окно. Улицу заливали косые лучи заходящего солнца. У двери дома напротив стояли автомобили и экипажи, а на ступенях теснились лакеи. Там давали бал, и сквозь открытое окно Алек разглядел целую толпу женщин. Небо было синее-синее. Он снова повернулся к Люси.

— Ты не принесешь мне то, второе письмо?

— Разве ты его не читал? — поразилась она.

— Было не до газет. Наверное, никто не догадался мне его показать.

Люси вышла через арку во вторую гостиную и принесла оттуда «Дейли мейл». Алек молча взял газету, сел и внимательно прочитал письмо. С горькой усмешкой он отметил, как ловко изложил Макиннери свои обвинения. Второе письмо отвечало на все вопросы, оставшиеся после первого, дополняя всю историю убедительными подробностями. Особый налет достоверности ей придавали слова носильщиков и аскари из отряда Маккензи. Поразительно, как легко перевернуть все с ног на голову, добавив к правдивому рассказу всего щепотку лжи. Алеку пришлось признать, что у Люси были все основания для подозрений. История звучала правдоподобно — он сам бы поверил, касайся она кого-то другого. Факты приводились вполне точно, обман же крылся в приписываемых Алеку мотивах — но как их проверишь?

Он отложил газету, откинулся на спинку и, подперев рукой подбородок, задумался. Его взору снова предстала та ночь: снаружи завывал ветер, а дождь все лил и лил. Он вспомнил бледное лицо

Джорджа, как тот обезумел и выстрелил в него — и как жалок он был потом в своей покорности. Земля приняла слабовольного мальчишку вместе с его преступлениями. Сохранить ему после смерти доброе имя оказалось не так-то просто. Он знал, что для Люси отвага и мужество Джорджа важнее собственной жизни. Как может он причинить ей боль? Как он расскажет, что ее брат оказался трусливым негодяем и потому погиб? Как сообщит, что жалкий мальчишка не сумел очистить от позора столь дорогое ей имя? И чем он докажет свои слова? Уокер погиб в ту же ночь, что и Джордж. Бедняга Уокер, бодрый и жизнерадостный в любой передряге, — его смерть тоже на совести Джорджа Аллертона. Адамсон умер от лихорадки. Лишь эти двое знали частицу правды, и их рассказ по меньшей мере подверг бы серьезному сомнению слова Макиннери. Алек стиснул зубы. Нет, ему не нужны их свидетельства. В конце концов, он дал обещание. Он торжественно поклялся, что ни единым словом не даст Люси усомниться в том, что брат оправдал возложенное на него доверие. Место и время только придали этой клятве особую важность. Алек был человеком исключительной честности, но не из моральных соображений, а

просто по природе, — нарушив обещание, он бы сильно переживал. Впрочем, данное слово было далеко не главной причиной его молчания. Даже не обещай он Джорджу, Алек все равно сохранил бы тайну. Кроме того, где-то в глубине его души шевельнулась уязвленная гордость. Сознавая, что его побуждения чисты, Алек ожидал того же от Люси. Если он сказал — она должна ему верить. Он не унизится до оправданий; а раз Люси сомневается — значит, не так уж глубока ее любовь. Пожалуй, он был несправедлив в своей неумеренной гордости. Алек не понимал, что обрекает девушку на тяжкое испытание, которому он не вправе никого подвергать.

Он встал и обратился к Люси:

— Что именно я должен сделать?

— Пожалеть меня ради моей любви. Не рассказывай всему миру, если не хочешь. Скажи мне. Ты ведь не способен лгать. Я поверю, если услышу из твоих уст. Мне нужно знать наверняка.

— Разве ты не знаешь, что я не просил бы твоей руки, будь моя совесть нечиста? — медленно сказал он. — Разве не понимаешь, что причины, по которым я храню молчание, должны быть совершенно исключительными — иначе я не смотрел бы спокойно, как втаптывают в грязь

мое доброе имя?

— Но ведь я буду тебе женой. Я люблю тебя и знаю, что ты любишь меня.

— Люси, умоляю, не требуй от меня этого. Давай просто помнить, что прошлого не вернешь и что мы любим друг друга. Я не могу тебе рассказать.

— Теперь ты должен! — взмолилась девушка. — Если что-то произошло, если хоть часть этой истории — правда, то дай мне возможность судить самой.

— Мне очень жаль. Не могу.

— Но ведь это убьет мою любовь. — Она вскочила на ноги и прижала руки к сердцу. — Теперь меня переполняют сомнения, таившиеся где-то в глубине души. Неужели ты подвергнешь меня ужасной пытке?

В холодных глазах Алека мелькнула досада. В отчаянии он развел руками.

— Я думал, ты мне веришь.

— Скажи мне только одно — и я успокоюсь. — В крайнем возбуждении Люси вдруг резко, без всякой цели обхватила голову руками. — Что же со мной сделала любовь! — воскликнула она в отчаянии. — Я гордилась братом, была беззаветно ему предана… Но тебя я полюбила так сильно, что в моем сердце не осталось места для прошлого. Я

позабыла все несчастья и утраты. Даже сейчас они ничто рядом с нашей любовью. Я думаю только о тебе и хочу быть уверена, что могу тебя любить. Мне достаточно лишь одного: скажи, что той ночью, посылая Джорджа в бой, ты не знал, что его убьют.

Алек спокойно посмотрел на девушку. Он снова очутился в палатке, а снаружи лил дождь и бушевал ветер. Теперь Алек старался убедить себя, что у Джорджа была возможность спастись. Он же сам сказал: нужно проявить недюжинную смелость перед лицом опасности. Однако в глубине души Алек знал, все это время знал, что посылает юношу на верную смерть. Смелости — добродетели негодяев — Джорджу явно недоставало.

— Просто скажи, Алек, — попросила она. — Скажи, что это неправда.

Наступила тишина. Сердце билось в груди Люси как птица в клетке. В страшной тревоге она ждала ответа.

— Но ведь это правда, — еле слышно шепнул он.

Люси в страхе смотрела на Алека. У нее кружилась голова, и девушка испугалась, что сейчас упадет в обморок. Собрав остатки сил, она отбросила наползавшую на глаза темную пелену.

— Это правда, — повторил Алек.

В ужасе Люси ахнула.

— Я не понимаю. Милый, прошу тебя, не обращайся со мной как с ребенком. Пощади меня. Говори серьезно. Для нас обоих это вопрос жизни и смерти.

— Я говорю серьезно.

Девушку словно сковал жуткий холод, даже кончики пальцев вдруг онемели.

— Ты знал, что отправляешь Джорджа на смерть? Знал, что ему не вернуться живым?

— Его могло спасти лишь чудо.

— Но ты ведь не веришь в чудеса?

Алек не отвечал. Люси смотрела на него со все нарастающим ужасом, дико выпучив глаза. Она еще раз спросила:

— Ты ведь не веришь в чудеса?

— Нет.

Противоречивые чувства охватили девушку. Они словно вели в ее сердце беспощадный бой. Страх и отчаянье; злость и раскаяние в том, как равнодушно она встретила гибель Джорджа; и еще любовь — всепоглощающая любовь к Алеку. Как же она может теперь его любить?

— Это неправда! — вскричала Люси. — Это позор! Ох, Алек, Алек… Боже, что мне делать?

Алек выпрямился и стиснул зубы. Его квадратная челюсть казалась теперь особенно тяжелой, а голос звучал сурово.

— Я же говорил: мне не в чем себя упрекнуть.

При этих словах Люси залилась краской. Ее охватили злоба и ярость.

— Раз так, выходит, и все остальное правда. Почему же ты не признаешь, что пожертвовал жизнью Джорджа, чтобы спасти свою?

Гнев тут же схлынул, уступив место смятению.

— Какой кошмар. Я не могу понять… — Она отчаянно взмолилась: — Неужели тебе совсем нечего сказать? Ты знаешь, как я любила брата. Знаешь, как важно для меня было, чтобы он искупил преступление отца. В нем было все мое будущее. Ты не мог хладнокровно принести Джорджа в жертву.

Алек на мгновение задумался.

— Пожалуй, я могу кое-что рассказать, — начал он. — Отряд окружили арабы, и одному из нас предстояло умереть, чтобы дать остальным шанс на спасение.

— А ты любил меня и поэтому выбрал моего брата?

Алек посмотрел на Люси с глубочайшей тоской, но та пропустила этот взгляд. Он ответил очень

серьезно:

— Видишь ли, это была его вина. Джордж совершил страшную ошибку, и вполне справедливо, что ему пришлось расплачиваться за катастрофу, которую он сам же на нас навлек.

— В такой момент о справедливости не думают. Он был таким юным, таким честным и искренним. Разве не благороднее тебе было пожертвовать собственной жизнью?

— Ах, милая, — ответил он со всей мягкостью, на какую был способен, — ты и не представляешь, как легко пожертвовать собственной жизнью и насколько труднее быть справедливым, чем великодушным. Как же плохо ты меня знаешь! Думаешь, будь от моей смерти прок, я бы задумался хоть на мгновение? Мне нужно было жить, чтобы закончить дела. Я заключил союзы с соседними племенами. Уже поэтому смерть была бы малодушным поступком.

— Недостаток мужества всегда легко оправдать, — насмешливо бросила ему в лицо негодующая Люси.

— Моя жизнь была бесценна. Все европейцы в экспедиции были для меня просто орудиями — не настоящими командирами. Погибни я — отряд тут же разбежался бы. Остальные туземцы

поддерживали нас только благодаря мне. Я дал слово, что не брошу их, пока не расправлюсь с работорговцами. Через два дня после моей гибели все войско просто испарилось бы, англичане остались бы одни. Ни один не вернулся бы. А беззащитные земли достались бы проклятым арабам. Вместо обещанного мной мира они огнем и мечом опустошили бы всю страну. Повторяю: мой долг был жить и закончить начатое.

Люси немного успокоилась. Она спокойно посмотрела на Алека и сказала очень тихо и спокойно:

— Ты трус! Трус!

— Уже тогда я знал, что этот поступок может стоить мне твоей любви. Хочешь — верь, хочешь — нет, я пошел на него ради тебя.

— Будь у меня сейчас хлыст, я хлестнула бы тебя по лицу!

Алек молчал. Девушка дрожала от гнева и презрения.

— Видишь, он и правда стоил мне твоей любви. Наверное, это было неизбежно.

— Мне стыдно, что я любила тебя.

— Прощай.

Алек обернулся и, гордо подняв голову, медленно направился к двери. Его лицо было бесстраст-

но. Но стоило ему выйти, силы покинули Люси. Она рухнула в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдала так сильно, словно ее несчастное, измученное сердце вот-вот разорвется.

Глава XVIII

На следующий день Алек отправился в Ланкашир. Чтобы возобновить работу шахты, предстояло еще сильно попотеть, и дел у него было невпроворот. Люси повезло меньше. Ей оставалось лишь снова и снова прокручивать в голове их разговор. Одна бессонная ночь сменяла другую. Люси чувствовала себя больной и несчастной. Тете она без объяснения причин объявила, что разорвала помолвку с Маккензи, и леди Келси, видя ее бледное, измученное лицо, не осмелилась докучать вопросами. Добрая женщина чувствовала, что племянница в отчаянии, но не знала, как ей помочь. Люси никогда не искала сочувствия и предпочитала сносить все невзгоды в одиночку. Сезон подходил к концу, и леди Келси предложила отложить отъезд в поместье на неделю-другую, однако Люси не желала облегчать собственные мучения.

— Не вижу причины менять планы, — спокойно возразила она.

Леди Келси с сочувствием посмотрела на девушку, но настаивать не стала. Она словно чув-

ствовала, что Люси другого поля ягода. При всей своей исключительной доброте, спокойствии и кротости, леди Келси так по-настоящему и не сблизилась с племянницей. Она многое отдала бы за то, чтобы Люси излила душу, и у нее всегда были наготове объятия, в которые девушке надо было только броситься. Однако Люси совсем пала духом. Со всегдашней своей скрытностью она изо всех сил старалась с достоинством держаться на людях и, отказываясь принимать любые соболезнования, изображала обычную веселость. Напряжение было невыносимым. Свое счастье она видела в Алеке, а тот обманул ее ожидания. Теперь она гораздо чаще вспоминала об отце и брате, оплакивала их, словно оба умерли совсем недавно. Люси казалось, что теперь единственное спасение — вообще не думать об Алеке, и она каждый раз упрямо гнала все мысли о нем.

Через некоторое время ей пришло в голову, что нужно извиниться перед Бобби: ведь он сразу все понял и рассказал ей, как того требовал долг, — она же ответила резкостью. Он был с ней так любезен, а она — бесчувственна и жестока. Бобби мог знать, что она больше не помолвлена с Алеком Маккензи, и наверняка догадывался почему; однако после бала он больше не приезжал.

Люси полагала, что признание Алека адресовано ей одной и она не имеет права пересказывать его всем и вся. Если в кругу знакомых заходила речь об этом происшествии, то девушка всем своим поведением показывала, что не желает его обсуждать. Но не таков был Роберт Боулджер. С учетом сложившихся обстоятельств ему придется рассказать все, что известно. Потом Люси, внезапно ощутив тягу к самопожертвованию, вдруг подумала, что ее долг — вознаградить Бобби за многолетнюю преданность. Она постарается быть ему хорошей женой, прекрасно отдавая себе отчет в своих чувствах. Все будет без обмана. Ее жизнь теперь лишена всякого смысла, и раз уж ему так хочется на ней жениться, то вполне разумно ответить согласием. А самое главное, между ней и Алеком все будет кончено.

По вторникам леди Келси всегда приглашала кого-то из друзей на ленч, и Люси предложила как-нибудь позвать Бобби. Леди Келси очень обрадовалась: она обожала племянника и переживала, что тот не появляется. Когда Люси разорвала помолвку, она тут же сообщила Бобби, но ответа не получила. Приглашение Люси написала сама.

«Мой дорогой Бобби!

Тетя Элис будет очень рада, если ты придешь в этот вторник на ленч в два часа. Будут Дик, Джулия Кроули и каноник Спратт. Если придешь (а я очень на это надеюсь), то не мог бы ты приехать раньше остальных? Я хотела бы с тобой поговорить.

С любовью,

Люси».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Моя дорогая Люси!

Приду с удовольствием. Думаю, половина второго будет в самый раз.

Твой любящий кузен,

Роберт Боулджер»

Бобби явился точно в назначенное время.

— Почему ты у нас не появлялся? — спросила Люси, держа его за руку.

— Я думал, ты не захочешь меня видеть.

— Кажется, в тот раз я была к тебе несправедлива и жестока.

— Ничего страшного, — вежливо отозвался он.

— Должна сказать, что я сделала, как ты советовал. Я прямо спросила Алека, и он признался, что виновен в смерти Джорджа.

— Мне очень жаль, — сказал Бобби.

— Почему? — спросила она со слезами на глазах.

— Потому что я знаю, как сильно ты его любила.

Люси залилась краской. Однако ей нужно было сказать ему еще многое.

— Тогда, на балу, я была к тебе несправедлива. Ты говорил правильно, а я повела себя глупо и очень об этом жалею. Пожалуйста, прости меня.

— Тут нечего прощать, Люси, — сердечно отозвался он. — Какая разница, что ты сказала? Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Не знаю, чем я заслужила такую любовь. Мне так стыдно за свое поведение.

Он взял ее за руку, и Люси не стала отстраняться.

— Может быть, ты передумала? — наивно спросил он.

— Милый Бобби, я ведь не люблю тебя. Хотела бы, но не люблю и, боюсь, никогда не полюблю.

— Все равно выходи за меня.

— Неужели я так много для тебя значу? — с болью в голосе воскликнула девушка.

— Быть может, со временем ты меня полюбишь.

— Не будь таким скромным, я сгорю от стыда.

Бобби, я бы с радостью сделала тебя счастливым, если бы могла. Поразительно, что ты все еще хочешь на мне жениться. Но я должна быть честной. Не стану себя обманывать: я хочу за тебя замуж не ради тебя, а потому что сама боюсь. Я хочу задавить в себе любовь к Алеку, хочу укрепить свою решимость раз и навсегда. Видишь, какая холодная расчетливость? И я так мало могу тебе предложить.

— Я мечтаю, чтобы ты стала моей женой. Не важно почему.

— Нет-нет, не соглашайся так быстро. Дай мне сперва сказать, что если ты правда этого хочешь, я буду исполнять свой долг с радостью. Если уж во мне нет любви, то есть искренняя преданность и глубокая благодарность. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

Он рухнул на колени и стал покрывать ее руки жаркими поцелуями.

— Спасибо тебе, — шептал он, — спасибо.

Люси наклонилась и нежно поцеловала его в лоб. Две крупные слезы медленно скатились по ее щекам.

Через пять минут вошла леди Келси. С удовольствием отметив, что племянник с племянницей снова вполне ладят, она не успела выяснить, что

произошло, поскольку тут же объявили о появлении каноника Спратта. Леди Келси слышала, что канонику предложили освободившийся епископат, и заранее жалела о его отъезде из Лондона. Другого такого пастыря и не сыщешь: несмотря на зрелый возраст леди Келси, он всегда был с ней вежлив и обходителен, прекрасно чувствовал себя в обществе. Именно такие и становятся епископами. Затем появилась миссис Кроули, а еще через некоторое время доложили о приходе Дика. Тот беззаботно вошел, даже и не подозревая, что заставил всех ждать не меньше четверти часа, — и наконец компания была в сборе.

С каноником Спраттом никогда не бывало скучно, и все весело болтали. Миссис Кроули в летнем платье выглядела роскошно, а поскольку обращалась она исключительно к миловидному священнику, тот тоже пребывал в превосходном расположении духа. Она искренне смеялась его незатейливым шуткам и то и дело дарила кокетливые взгляды. Каноник даже не пытался скрыть от собеседницы, что считает американских женщин самыми милыми созданиями во всем мире; она же подчеркивала, что служители церкви бывают совершенно очаровательны. Они обменивались цветистыми комплиментами,

однако наивный прелат даже не догадывался, что его собеседница просто дразнит сорокалетнего джентльмена, раздраженно поглощающего свой ленч по другую ее руку. Миссис Кроули так ни разу и не заговорила с Диком Ломасом, однако когда она стала прощаться с леди Келси, тот тоже поднялся.

— Отвезти вас домой? — спросил он.

— Я еду не домой. Впрочем, вы можете подвезти меня до Виктория-стрит — у меня там встреча в четыре часа.

Они сели в кеб, и Дик хладнокровно велел ехать в Хаммерсмит, а сам с довольной улыбкой уселся рядом со спутницей.

— Бога ради, что вы затеяли? — воскликнула она.

— Я хочу с вами поговорить.

— Очень мило, но я же опоздаю на встречу.

— Я из-за этого совершенно не беспокоюсь.

— Значит, из-за моих чувств вы тоже не беспокоитесь? — насмешливо поинтересовалась она.

— Даже и не думаю, — улыбнулся Дик.

Миссис Кроули пришлось со смехом признать, что ловушку он расставил очень ловко. Или, может быть, это как раз Дик угодил в ловушку? Она уже и сама не знала.

— Если цель этого похищения — поговорить со мной, то не пора ли вам приступать? — поинтересовалась она. — Надеюсь, ваша речь выйдет не только смешной, но и поучительной.

— Я хотел бы заметить, что в обществе не принято подчеркнуто игнорировать человека, который сидит рядом с вами за ленчем.

— Неужели? Простите. Просто, зная вашу прожорливость, я решила оставить вас наедине с омаром под майонезом.

— Пожалуй, вы мне все же не нравитесь, — задумчиво пробормотал Дик.

— Полагаю, именно поэтому вы так долго меня избегаете.

— Хотелось бы напомнить, что на этой неделе я заходил к вам трижды.

— Последнее время меня часто не бывает дома, — изящно повела рукой миссис Кроули.

— Чепуха. Один раз я слышал, как вы играете в гостиной гаммы, а в другой — точно видел, как вы подглядываете сквозь щелку в занавесках.

— Могли бы состроить рожу…

— То есть вы этого не отрицаете?

— И не пытаюсь.

Дик не сумел сдержать короткий смешок. Он никак не мог понять, чего хочет: то ли поцело-

вать Джулию Кроули, то ли устроить ей хорошую взбучку.

— Могу я поинтересоваться, чем вызвано такое пренебрежение? — спокойно спросил он.

Она бросила на него косой взгляд из-под длинных ресниц. Дик обожал все эти хитроумные уловки прекрасного пола и с удовольствием отметил ее милую шляпку и оборки муслинового платья.

— Мне так захотелось, — улыбнулась она.

Дик пожал плечами и напустил на себя усталый вид.

— Что ж, если вы и дальше будете совершенно несносны, пока я на вас не женюсь, то мне придется смириться с неизбежным.

— Не знаю, понимаете ли вы, о чем говорите, — удивленно повела бровями миссис Кроули. — Я-то уж точно нет.

— Таким вычурным образом я просил вас назначить день свадьбы. Агнец, ведомый на заклание.

— Так это предложение руки и сердца? — радостно воскликнула она.

— Или его брат-близнец, — подтвердил Дик.

— Хорошо, что вы сказали. Встреть я его на улице — ни за что бы не узнала и не обратила внимания.

— Вы избегаете отвечать на вопросы, словно министр в палате общин.

— Нельзя ли добавить немного романтики? Я, знаете ли, американка и сентиментальна в делах сердечных.

— С радостью, только помните, у меня в таких вещах ни малейшего опыта.

— Нетрудно заметить, — отозвалась она. — Полагаю, уместно было бы пасть на колени.

— Рискованное предприятие, если учесть, что мы в кебе. К тому же оно обязательно привлечет неуместное внимание водителей проезжающих автобусов.

— Но вы просто обязаны совершить что-нибудь в этом роде, иначе я ни за что не поверю в искренность ваших намерений.

— Уверяю вас, это уже вышло из моды. Влюбленные теперь слишком респектабельны, у них болят суставы. Да и брюки портятся.

— Должна признать, последний довод весьма убедителен. Женщина не должна требовать от мужчины, чтобы тот ходил в протертых брюках.

— Да и как такого любить! — воскликнул Дик.

— Однако вы просто обязаны упомянуть, что не стоите даже моего мизинца.

— Столь откровенной лжи из меня и клещами

не вытянешь, — бесстрастно заметил он. — Я сразу сознаюсь, что срубил вишню топориком.

— И еще вы обязаны пообещать, что покончите с собой, если я скажу «нет». Этого требуют приличия.

— Женщины так предсказуемы, — вздохнул он. — Никакой оригинальности. Они тяготеют к банальностям, а в минуты душевного напряжения неизбежно сбиваются на дешевый мелодраматизм.

— Люблю длинные слова. Я сразу ощущаю себя такой взрослой…

— Кстати, сколько вам лет? — вдруг поинтересовался он.

— Двадцать девять, — тут же отозвалась миссис Кроули.

— Глупости. Женщинам столько не бывает.

— Вот еще, — на полном серьезе возразила она. — Старшей горничной всегда двадцать девять. Впрочем, я возмущена тем, что вы отвлекаетесь.

— Я отвлекаюсь? Простите. О чем мы говорили?

Джулия хихикнула. Она понятия не имела, куда направляется кеб, да это ее и не волновало. Она искренне наслаждалась каждым мгновением.

— Имея обширный опыт в данной сфере, я объясняла вам, как полагается делать предложение не обделенной привлекательностью вдове.

— Едва ли ваш опыт так уж ценен. Вы ведь до сих пор всем отказывали.

— Вовсе нет, — тут же отозвалась она. — Я взяла за правило никому не отказывать.

— Это очень воодушевляет.

— Разумеется, вы можете поступить по-своему. Но я хочу, чтобы мне сделали предложение по всем правилам.

— Возможно, я чего-то не знаю, но вроде бы по правилам требуется всего четыре слова. — Он произнес, поочередно загибая пальцы: — Вы. Выйдете. За. Меня?

— И правда, все легко и просто. — Она загнула за него оставшийся большой палец. — Мне хватит и одного: «Нет».

Дик выглядел потрясенным.

— Прошу прощения? — переспросил он.

— Все верно, — улыбнулась миссис Кроули, — мой ответ — «нет».

Она подавила безумное и совершенно неуместное желание станцевать чечетку прямо в кебе.

— Вы шутите, — спокойно сказал Дик. — Вы, несомненно, шутите.

— Я буду вам сестрой.

Дик задумчиво потер подбородок.

— Помните, второй такой возможности не будет, — заметил он.

— Меня не пугает ваша угроза.

Дик поднес ее руку к губам и серьезно сказал:

— Благодарю вас от всего сердца.

Миссис Кроули удивилась.

— Этот человек сошел с ума, — шепнула она из окна констеблю, который замер на углу. — Настоящий безумец.

— Я искренне убежден, что действительно благородной женщине никогда не хватит жестокости выйти за мужчину, который ей небезразличен. Обещаю, я никогда не забуду, как высоко вы меня цените.

Миссис Кроули не могла сдержать смех.

— Вы слишком легкомысленны для брака и, кроме того, совершенно несносны.

— Я буду вам братом, миссис Кроули.

Дик открыл окошечко и велел кебмену возвращаться на Виктория-стрит, однако на Гайд-Парк-Корнер вдруг решил пройтись по парку. Когда он захлопнул за собой дверцу, Джулия подалась вперед и сказала:

— Я дам вам рекомендательные письма.

— Зачем?

— Очевидно, что если ваша душа еще не совсем очерствела, то, чтобы развеять тоску, следует ехать в Скалистые горы поохотиться на гризли. Думаю, вам пригодятся письма к моим нью-йоркским друзьям.

— Очень любезно с вашей стороны, но сейчас там, кажется, не сезон. Я лучше отправлюсь на недельку в Париж.

— Тогда пришлите мне дюжину черных замшевых перчаток, — спокойно отозвалась она. — Шестого размера.

— Это ваше последнее слово? — беспечно спросил Дик.

— Да, а что?

— Мне казалось, у вас шестой с половиной.

Он чуть приподнял шляпу и был таков.

Глава XIX

Через несколько дней Люси с леди Келси уехали в ее поместье на берегу Темзы, а Джулия Кроули отправилась в Корт-Лейс. На следующее утро после прибытия она вышла к завтраку и обнаружила на столе шесть пар длинных замшевых перчаток. Померив и убедившись в качестве пошива, она весело улыбнулась. Миссис Кроули была чуть раздосадована. Она собиралась согласиться на предложение Дика и понятия не имела, почему отказала. Просто слишком увлеклась беседой. Миссис Кроули обожала обмен колкостями и никогда не упускала возможности в него ввязаться, не думая о последствиях. Разумеется, он уехал в Париж, чтобы ее подразнить, а через неделю вернется. Она знала, что Дик по уши в нее влюблен, как и она в него, а значит, дуться просто глупо. Каждый день она нетерпеливо проверяла почту, ожидая письма, что он приедет на ленч, и уже составила меню милой совместной трапезы. Она воображала, как наконец уступит его страстным мольбам. Однако письма не было. Прошла неделя. Миссис Кроули было нечем за-

няться, и, видимо, поэтому она уделяла так много внимания Дику. До чего глупо и неуместно! Она изводила себя, выдумывая всяческие причины его отсутствия, а пару раз даже плакала, как и полагается избалованному ребенку. Впрочем, будучи женщиной здравомыслящей, миссис Кроули вскоре решила, что раз она бог знает почему не может жить без Дика, следует принять меры к его возвращению. Август близился к концу. Было скучно и одиноко, поэтому она отправила ему телеграмму, *лживую* от первого до последнего слова:

«Буду в городе в пятницу. Можно прийти на чай в пять?
Джулия».

Ответа пришлось ждать двадцать четыре часа, и пришел он из Хомбурга.

«Страшно сожалею, но меня нет.
Ричард Ломас».

Джулия негодующе топнула ножкой и рассмеялась собственному раздражению. Возмутительно, что, пока она умирает от тоски, он наслаждается весельем на респектабельном водном курорте. Она отправила новую телеграмму:

«Спасибо. Увидимся в пятницу.
Джулия».

К назначенному дню она вернулась в Лондон и поехала к себе на Норфолк-стрит убедиться, что путешествие не отразилось на ее наружности. Мейфэр выглядел пустынным, окна половины домов были заклеены газетами от пыли. Стояла жара, на безоблачном небе сияло яркое солнце. Белоснежные тротуары ослепительно сверкали. Джулия с удовлетворением отметила, что во всем Лондоне она — единственная миловидная особа, а усталость на лицах прохожих лишь укрепляла ее уверенность. Месяц на побережье придал ее безупречным чертам свежести, а восхитительное воздушное платье не оставит равнодушным сорокалетнего джентльмена, который только-только возвратился из дальних странствий. Глядя в зеркало, миссис Кроули подумала, что такой фигуры ни у кого из ее знакомых и близко нет.

Подъехав к дому Дика, она заметила свежие цветы на окнах, а в гостиной ее мгновенно окутал аромат алых роз — они были повсюду. Шторы были опущены, и прохлада полутемной комнаты казалась особенно приятной после уличного пекла. На маленьком столике уже стоял чайник. Дик, разумеется, ждал ее в гостиной, и, пожимая ему

руку, миссис Кроули от дикого волнения даже хихикнула.

— Значит, вы вернулись, — сказала она.

— Просто заглянул в город по пути, — ответил Дик, небрежно махнув рукой.

— По пути откуда куда?

— Из Хомбурга на итальянские озера.

— Немалый крюк, — улыбнулась она.

— Вовсе нет, — отозвался Дик. — Когда я еду из Манчестера в Ливерпуль, всегда заезжаю в Лондон. Такое у меня хобби.

Джулия от души рассмеялась, и они перешли к превосходному чаю, за которым болтали о всяких пустяках. Оба были так рады видеть друг друга, что с готовностью смеялись любым рассказам собеседника. Впрочем, постороннему их разговор было бы не разобрать, поскольку говорили они большей частью одновременно и то и дело ударялись в споры, требуя друг от друга внимания.

Вдруг миссис Кроули в смятении всплеснула руками и воскликнула:

— До чего же я глупая! Совсем забыла сказать вам, почему послала телеграмму.

— Я знаю, — отозвался Дик.

— В самом деле? И почему же?

— Потому что вы самая бесстыдная кокетка из

всех, кого я знаю, — тут же ответил он.

Миссис Кроули широко распахнула глаза, ловко изображая искреннее изумление.

— Милейший мистер Ломас, вы что, никогда в зеркало не смотрелись?

— И вы даже не раскаиваетесь в том хаосе, который породили! — театрально воскликнул он.

Вместо ответа миссис Кроули посмотрела на него с такой очаровательной улыбкой, что Дик раздраженно произнес:

— Не смейте так на меня смотреть!

— И как же я смотрю?

— На мой неопытный и невинный взгляд, вы ждете поцелуя.

— Мерзавец! — воскликнула она. — Не желаю с вами больше разговаривать.

— К чему поспешность? Вы же сами знаете, что не способны держать язык за зубами дольше двух минут.

— Гнусная ложь! С вами я и словечко вставить не могу, — парировала она. — Вы болтаете без умолку.

— Не понимаю, к чему этот обиженный вид. Вы забываете, что негодовать пристало скорее мне.

— Вовсе нет. Месяц назад вы вели себя со мной так грубо, что сегодня я здесь лишь из христиан-

ского милосердия.

— Вы забываете, что вот уже четыре недели я усердно собираю по кусочкам свое разбитое сердце.

— Сами виноваты, — рассмеялась она. — Не будь вы столь уверены в моем согласии, я непременно сказала бы «да». Но мне так хотелось посмотреть, как вы примете отказ, что я не смогла устоять перед искушением.

— Тешу себя надеждой, что принял его превосходно.

— Нет. Вы показали полнейшее отсутствие чувства юмора. Могли бы знать, что настоящая женщина никогда не принимает предложение с первого раза. Глупо было ехать в Хомбург, словно вам все равно. Откуда мне было знать, что вы собираетесь ждать целый месяц до следующей попытки?

Он смотрел на нее совершенно спокойно.

— У меня и в мыслях не было просить вашей руки повторно.

Однако сбить Джулию Кроули с толку было не так-то просто.

— Тогда зачем вы пригласили меня на чай?

— При всем моем уважении хочу напомнить, что пригласили вы себя сами.

— Все вы мужчины такие. Вечно вдаетесь в несущественные подробности.

— Не злитесь, — улыбнулся он.

— Я буду злиться, когда захочу! — воскликнула она и топнула ножкой. — Вы совершенно несносны.

Он посмотрел на нее задумчиво и подмигнул.

— Знаете, что бы я сделал на вашем месте?

— Нет.

— Если вы снова откажете, я не вынесу унижения. Почему бы вам не сделать предложение мне?

— Какое нахальство!

Их глаза встретились, и миссис Кроули улыбнулась:

— И каков будет ваш ответ?

— Это зависит от того, как вы попросите.

— Я же понятия не имею, как это делается, — жалобно прошептала она.

— Еще как имеете, — не сдавался Дик. — Вы преподали мне отличный урок. Сначала надо рухнуть на колени, а потом сказать, что вы и мизинца моего не стоите.

— Какое вы злобное существо! — расхохоталась она. — Такие бьют свою жену.

— Каждый субботний вечер, — подтвердил он.

Она чуть помедлила.

— Ну так что же? — спросил Дик.

— Не буду.

— Тогда я останусь вам братом.

Миссис Кроули поднялась и сделала реверанс.

— Мистер Ломас, мне двадцать девять лет, и я вдова, причем весьма привлекательная. У меня отличная горничная и прелестная портниха. Мне хватает ума смеяться вашим шуткам, но не хватает познаний судить, откуда вы их взяли.

— Вообще-то вы очень велеречивы. Мне хватило четырех слов.

— Очевидно, из-за чрезмерной лаконичности вы и получили отказ, — улыбнулась она.

Миссис Кроули протянула руки. Дик взял их в свои ладони.

— Пожалуй, я лучше почтой, — сказала она. — Это будет куда уместнее.

— Нет уж, давайте с этим покончим.

— Знаете, а я вообще-то совсем не хочу на вас жениться. Это только чтобы вас порадовать.

— Я поражен вашим бескорыстием.

— А если я попрошу вашей руки, вы ответите «да»?

— Я отказываюсь что-либо обещать.

— Вот упрямец!

Миссис Кроули попыталась склониться в повторном реверансе, не выпуская его рук.

— Сэр, я имею честь просить вашей руки.

Дик изысканно поклонился.

— Мадам, я с радостью принимаю ваше предложение.

Он привлек ее к себе и обнял.

— Ни разу не видела, чтобы из-за такого пустяка, как женитьба, поднимали столько шума, — прошептала она.

— У тебя самые мягкие губы из всех, что мне доводилось целовать, — отозвался он.

— Надеюсь, ты это серьезно, — рассмеялась она. — Я должна сообщить тебе кое-что важное.

— О Боже, только не рассказы о прошлом! — воскликнул он.

— Нет, насчет кольца. Там непременно должен быть изумрудный кабошон — я их собираю.

— Сказано — сделано! — воскликнул он, извлек из кармана кольцо и надел ей на палец. Джулия посмотрела сначала на кольцо, потом на Дика. — Видишь, я знал, что ты коллекционируешь изумруды.

— Выходит, ты все же собирался повторно просить моей руки?

— К своему стыду, должен признаться, что

да! — рассмеялся он.

— Ах, если бы я знала…

— Что бы ты сделала?

— Вот глупый! Я бы снова отказала!

Дик Ломас с миссис Кроули не стали никому сообщать о своей помолвке: обоим казалось, что брачный союз джентльмена средних лет и вдовы неопределенного возраста должен волновать только их самих. Церемония прошла по всем правилам в глухой церквушке теплым сентябрьским днем, когда в Лондоне не было ни души. Адвокат миссис Кроули вел ее к алтарю, а в книге для гостей расписался церковный служка. Счастливая парочка провела две недели свадебного путешествия в Корт-Лейс, а к началу октября вернулась в Лондон, собираясь отправиться в Америку ближе к концу осени.

— Я представлю тебя своим нью-йоркским друзьям, — весело сказала Джулия.

— Думаешь, я им понравлюсь? — поинтересовался Дик.

— Ни в коем случае. Скажут: «Снова эта глупышка Джулия Кроули вышла за бестолкового британца».

— Не слишком вежливая аллитерация, — заметил он.

— С другой стороны, мои друзья и родственники уже вовсю судачат: «С чего бедняга Дик Ломас женился на американке? Мы-то думали, он человек вполне обеспеченный».

Они дружно расхохотались, поскольку оба пребывали в состоянии безмятежного счастья, когда весь мир кажется уморительной шуткой. Так они целыми днями смеялись друг над другом и вообще над всем подряд. Жизнь казалась прекрасной, и оба не понимали, почему другие не принимают ее с той же легкостью.

Пока в новый дом подбирали обстановку, они жили в «Карлтоне». У них уже было по дому, но переезжать друг к другу оба отказывались. Джулия клялась, что дом Дика пропитан невыносимым для замужней женщины холостяцким духом; Дик же, со своей стороны, отказывался перебираться к ней на Норфолк-стрит, поскольку там он чувствовал бы, что живет на содержании у богатой жены. Вдобавок новый дом пленял их возможностью проявить расточительность; ведь оба прекрасно понимали, что единственное преимущество богатого человека — это возможность тратить деньги по пустякам. Они были беззаботны как дети, которые наотрез отказываются помнить, что им уже не двадцать пять.

Леди Келси вместе с Люси поехала для поправки здоровья в Спа, а когда вернулась, Джулия нанесла им визит, чтобы принять поздравления и поделиться своим безграничным счастьем. Домой она вернулась в задумчивости. За ленчем в гостиной их номера Дик заметил ее беспокойство и спросил, в чем дело.

— Люси разорвала помолвку с Робертом Боулджером.

— Рвать помолвки, похоже, вошло у нее в привычку, — сухо ответил Дик.

— Боюсь, она все еще любит Алека Маккензи.

— Тогда зачем было принимать предложение Бобби?

— Дорогой мой, да она приняла его в порыве гнева. А успокоившись, передумала — и очень мудро поступила.

— Мое восхищение разумностью прекрасного пола просто не имеет границ, — иронично заметил Дик.

Джулия пожала своими прекрасными плечиками.

— Половина моих знакомых женщин вышла замуж назло кому-то еще. Это одна из главных причин, по которой заключаются брачные союзы.

— Боже, храни меня от брачных союзов! — воскликнул Дик.

— Поздно, — рассмеялась Джулия, но тут же опять помрачнела. — Пока они отдыхали в Спа, мистер Маккензи был в Брюсселе.

— Письмо от него пришло сегодня утром.

— По словам леди Келси, в газетах пишут, что он снова отправляется в Африку. По-моему, Люси сильно расстроилась. В Брюсселе только о Маккензи и судачат.

— Да, он пишет, что все готово, и уже скоро собирается отплывать в Свободное государство Конго. Там хотят отыскать новый водный путь, и бельгийский король дал ему полную свободу действий.

— Похоже, бельгийский король спокойно смотрит на его злодеяние, — заметила Джулия.

Минуту-другую оба молчали, занятые каждый своими мыслями.

— Ты видел Маккензи, когда Люси уже расторгла их помолвку, — наконец заговорила Джулия. — Он сильно страдал?

— Не проронил ни слова. Я хотел его подбодрить, но Алек не дал мне такой возможности. Имя Люси он даже не упоминал.

— А несчастным он не казался?

— Нет. Он был невозмутим и сдержан, как всегда.

— В нем нет ничего человеческого! — с негодованием воскликнула Джулия.

— Такие люди редкость в наш ребяческий век, — согласился Дик. — Он древний римлянин, который одевается на Сэвил-роу.

— Тогда место ему в Африке, а не в Англии.

— Думаю, так и есть. Здесь он словно орел, которого заперли в клетку с канарейками.

Джулия задумчиво посмотрела на мужа.

— Мне кажется, ты единственный друг, который его не бросил.

— Я бы так не сказал. На самом деле я просто его единственный друг. Неудивительно, что едва у Алека начались неприятности, большинство знакомых от него отвернулись.

— По-моему, так важно, что хоть кто-то верит в него, несмотря ни на что.

— Может быть, это прозвучит безнравственно, но я своего мнения об Алеке не изменю, что бы он ни сотворил. Он всегда был ко мне добр, так что пусть хоть Священным Писанием в футбол играет — я это перенесу.

Джулия, охваченная, как обычно, внезапным порывом чувств, ответила со слезами на глазах:

— Ах, Дик, мне начинает казаться, что ты ангел!..

— Не надо так говорить, — тут же возразил он. — Я сразу чувствую себя таким старым. Лучше быть юным грешником, чем престарелым херувимом.

Джулия с улыбкой протянула руку, и Дик крепко ее сжал.

— Должна сказать, что при всей симпатии к тебе я все же горю от возмущения.

— Это еще отчего? — воскликнул он.

— Меня воспитывали в убеждении, что человек должен трудиться, а ты предаешься возмутительному безделью.

— Боже правый, да в мире нет ничего изнурительнее, чем иметь жену-американку! — воскликнул он. — Тут требуется энергия уличного торговца и терпение посла при Оттоманской Порте.

— Вот ведь глупое создание! — рассмеялась она.

Впрочем, ее мысли тут же обратились к Люси. Бледное, меланхоличное лицо девушки все еще стояло перед глазами, а сердце болезненно сжималось от тоскливой безысходности в ее прекрасных глазах.

— Выходит, нет никаких сомнений, что все эти рассказы о Маккензи правдивы? — задумчиво спросила она.

Дик бросил на жену быстрый взгляд, пытаясь понять, что у той на уме.

— Вот что я думаю, — начал он. — Всякий, кто знает Алека, как я, не сомневается, что он не мог действовать из низких побуждений. Обвинять его в трусости смешно — он храбрейший человек в мире, — а в слабоволии и того смешнее. Но я вот что думаю: Алек не из тех, кто привык к полумерам, и еще он с крайней серьезностью исповедует принцип «цель оправдывает средства». Пожалуй, временами он бывает чересчур суров и чуть ли не безжалостен. Пытаясь прочесть письма Макиннери в «Дейли мейл» между строк, я подумал, не мог ли Алек, столкнувшись с такой необходимостью, сознательно пожертвовать Джорджем Аллертоном как самым бесполезным? И в таких небольших предприятиях есть просто пушечное мясо. Если Алек понял, что от Джорджа нет никакого толка, то избавился бы от него, даже несмотря на Люси.

— Почему же он сам об этом не расскажет?

— Разве было бы лучше? Британская публика сентиментальна, ей не понять, что на войне

иногда приходится быть бесчеловечным. И что бы подумала Люси, признайся он ей, что Джордж был для него просто пешкой, которую можно хладнокровно пожертвовать в борьбе за преимущество?

— Какой ужас! — содрогнулась Джулия.

— Говоря о публике — время показало, что молчал Алек правильно. Всеобщее возмущение спало за недостатком фактов, и хотя репутация его несколько пострадала, ничего конкретного так и не выяснилось. Общественное мнение переменчиво, и люди понемногу начинают забывать, в чем дело, а когда забудут — сочтут, что были к нему несправедливы. Ставлю десять к одному, что когда объявят о его экспедиции во владения бельгийского короля, реакция будет вполне благосклонная.

После ленча подали кофе, и они закурили. Некоторое время оба сидели молча.

— Люси хочет повидать его до отъезда, — вдруг объявила Джулия.

Дик раздраженно пожал плечами:

— Наверняка из чисто женского желания устроить сцену. Алека она уже достаточно помучила.

— Не будь так жесток к ней, Дик, — сказала Джулия. В уголках ее глаз заблестели слезы. —

Бедная девочка очень несчастна. Сегодня утром у меня сердце кровью обливалось.

— Дорогая, ради тебя я сделаю все, что угодно, — склоняясь к ней, ответил Дик.

Чувства возвышенного и смешного располагались у Джулии по соседству.

— Не понимаю, зачем целовать меня, раз страдает бедняжка Люси? — засмеялась она.

А потом, удобно устроившись в его объятиях, добавила уже серьезно:

— Ты ведь попробуешь это устроить? Она боится ему писать.

— Возможно, мне стоит уйти, чтобы ты могла сообщить радостную новость сама, — отозвался он. — Алек придет к нам сегодня.

— Вот эгоист! — воскликнула она. — В таком случае оставь нас наедине — я ведь буду плакать, не переставая, а ты — только хихикать.

— Благослови тебя Господь. Мы разложим повсюду платки.

— Для таких случаев я ношу их с собой целую сумочку.

Глава XX

Алек пришел вечером. Произошедшие с ним за три месяца отсутствия перемены тронули Джулию до глубины души. На первый взгляд ничего не изменилось: он был все так же собран и невозмутим, все с тем же всегда поражавшим ее налетом уверенности, что остальные подчинятся его приказу. В нем чувствовалась сила, которую всегда ценит слабая женщина. Однако от острого глаза Джулии не укрылось, что Алек держится лишь усилием воли, и наблюдать за этим — настоящая мука. Постоянное напряжение давало о себе знать, а в усталых глазах и нарочито жестком изгибе губ читалась усталость — силы были уже на пределе. Он стал еще суровее, еще немногословнее. Он мучился — Джулия это видела, — и муки только усиливались оттого, что он стремился любой ценой не подавать виду. Ей хотелось подойти к нему и шепнуть, что не надо быть к себе столь строгим. Позволь Маккензи себе хоть малейшую слабость — и ему стало бы гораздо легче. Впрочем, в чем-то он стал мягче: исчез тот легкий трепет, что раньше мешал Джулии

вести беседу. Он обратился к ней с неожиданной теплотой.

— Я счастлив принести вам свои поздравления, — сказал Алек, сжимая ее руку и приятно улыбаясь, что бывало с ним редко. — Мне было бы тяжеловато бросить Дика — но теперь, оставляя его в ваших руках, я спокоен. Он отличный товарищ.

— Помолчи, Алек! — тут же воскликнул Дик. — Довольно отеческой строгости, а не то Джулия разрыдается. Она обожает хорошенько поплакать.

Алек пропустил его слова мимо ушей.

— Он был замечательным другом, а теперь станет замечательным мужем.

Впервые в жизни Джулии подумалось, что Алек на самом деле умен и очарователен.

— Не сомневаюсь, — радостно отозвалась она. — Я бы сказала все, что о нем думаю, но боюсь, он тогда станет совершенно невыносим.

— Джулия, избавь мое юное чело от девического румянца и разлей лучше чай, — попросил Дик.

Она с хохотом выполнила его просьбу.

— Вы и правда так скоро отправляетесь в Африку? — спросила Джулия, когда все расселись вокруг чайного столика.

Алек откинул голову. Лицо его засветилось от радости.

— Да. Все уже готово. С моих плеч сняли заботы по закупке припасов и поиску носильщиков — остается лишь поскорее приступить к делу.

— Бога ради, прекращай уже свои жуткие экспедиции! — воскликнул Дик. — Из-за тебя наше существование кажется пресным и повседневным.

— А для меня в них смысл жизни, — ответил Алек. — Тебе не понять, как бодрит каждодневная опасность, какое это чудо — пройти там, где прежде ступали лишь дикие звери.

— Должен признаться, я и не стремлюсь, — заметил Дик.

Алек вскочил и прошелся по комнате. Он говорил с непривычным возбуждением, усталость как рукой сняло.

— Я уже едва сдерживаю нетерпение, стоит только представить этот бескрайний простор и пленительную свободу. Там ты становишься маленьким, ничтожным… Но в Африке все по-настоящему. Мужчина там — и правда мужчина. Там узнаешь, что значит воля, что значит сила и храбрость. Тебе не понять, каково это — выйти к краю безбрежной равнины и вдохнуть чистый

воздух после всех ужасов леса.

— Мне вполне хватает бескрайних равнин Гайд-парка, а Пиккадилли ясным июньским днем пробуждает во мне вполне достаточно чувств.

Однако Джулию взволновали необычные речи Алека.

— Но ради чего терпеть невзгоды и опасности? Чего вы добьетесь, ведь труд вашей жизни уже окончен?

Его темные, серьезные глаза обратились к ней.

— Ничего. Я ничего не добьюсь. Возможно, отыщу новый вид антилопы или какое-нибудь неизвестное растение. Может быть, повезет найти новую реку. Других наград мне не надо. Я люблю чувствовать силу, независимость. А побрякушки от разных царьков и правительств меня не заботят.

— Я всегда говорил, что ты перебираешь с театральностью, — заметил Дик. — Что за мелодрама!

— А как же конец? — чуть ли не шепотом спросила Джулия. — Что в конце?

На губах Алека мелькнула легкая улыбка. Он пожал плечами:

— А в конце смерть. Но я умру с поднятой головой. В свой последний поход я отправлюсь, как

отправлялся всегда…

Тут он осекся, не решаясь произнести последние слова, и Джулия сделала это сама:

— Без страха.

— Просто вылитый герой из оперетты, — насмешливо заметил Дик. — «Только бы подняться на борт — и красотка моя»[9].

Джулия на мгновение задумалась, не желая противиться восхищению, которое вызывал Алек. Она вздрогнула. Большинству людей его не понять.

— Разве вы не хотите, чтобы о вас помнили? — спросила она.

— Возможно, обо мне будут помнить, — медленно проговорил Алек. — Возможно, через сотню лет там, где я пока обнаружил лишь пустыню, вырастет цветущий город, и какой-нибудь безвестный скульптор поставит мне в нем памятник. Я буду стоять у здания биржи, служить пристанищем птицам и до скончания века следить за жалкими потугами человеческого рода.

Он рассмеялся, и наступила тишина. Джулия бросила на Дика быстрый взгляд, и тот понял, что

---

[9] Примечания: 9

«Только бы подняться на борт — и красотка моя» — расхожая фраза злодея из театральных постановок, популярных в Лондоне в конце XIX и начале XX века.

она хочет поговорить с Алеком наедине.

— Прошу прощения, но я должен вас ненадолго оставить, — сказал он, встал и вышел.

Молчание затянулось. Алек был погружен в свои мысли. Наконец Джулия заговорила:

— Неужели это все? Мне кажется, что в глубине вашей души таится что-то, о чем вы никогда никому не говорили.

Встретив ее взгляд, Алек вдруг почувствовал в нем сострадание и искреннее стремление помочь — словно узы плоти ослабли и их души встретились. Куда-то ушла сдержанность, которую он считал важнейшим из своих качеств, и Алеку вдруг захотелось поделиться тем, что его удивительная деликатность хранила до сих пор в тайне от всех.

— Полагаю, мы с вами больше никогда не встретимся, и поэтому мне нечего скрывать. Это покажется вам глупым, но я в известной мере — патриот. Только те, кто живет на чужбине, любят Англию по-настоящему. Я горжусь своей страной и очень хочу что-то для нее сделать. В Африке я постоянно помнил о родине и не желал умирать, пока не завершу намеченного.

Голос Алека чуть дрогнул, и он замолчал. Джулии казалось, что сейчас она впервые видит его

таким, какой он есть, и она страстно желала, чтобы Люси тоже услышала эти слова — он выговаривал их робко и в то же время с безмерной серьезностью.

— За спинами воинов и государственных мужей, покрывших себя бессмертной славой, есть длинная череда людей, которые строили эту империю по кирпичику. Их имена забыты, о них помнят только ученые, но каждый из них подарил своей стране новую провинцию. Теперь я тоже один из них. Долгие годы я трудился день и ночь, чтобы наконец передать британскому уполномоченному обширные и плодородные земли. Я умру, и Англия забудет о моих проступках и ошибках; меня не заботят издевательства и насмешки, которыми она отплатила за мои страдания — главное, что я добавил к ее короне еще один драгоценный камень. Я не хочу наград — довольно и чести служить родной стране.

Джулия подошла и ласково погладила его по плечу.

— Но почему же вы, такой милый, изо всех сил притворяетесь совершенно невыносимым?

— Не смейтесь надо мной, ведь теперь вы знаете, что в глубине души я сентиментален, как старуха.

— Я и не думала над вами смеяться. Я бы непременно вас поцеловала, но боюсь ввести вас этим в жуткое смущение.

Алек улыбнулся и быстро коснулся губами ее руки.

— Раз я научила вас так мило себя вести, то впредь буду считать себя незаурядной женщиной.

Она усадила его и устроилась рядом.

— Я рада, что вы пришли. Нам нужно поговорить. Вы очень разозлитесь, если я вам кое-что расскажу?

— Едва ли, — улыбнулся он.

— Я хотела поговорить с вами о Люси.

Алек тут же насторожился, его расслабленность мигом улетучилась. Перед ней сидел прежний — хладнокровный и сдержанный — собеседник.

— Лучше не стоит.

Избавиться от Джулии было не так-то просто.

— А как бы вы поступили, приди она к нам сегодня?

Алек бросил на нее стремительный взгляд и ответил, тщательно подбирая слова:

— Я всегда жил по законам общества и даже не думал их нарушать. Окажись здесь Люси, я вел бы себя безукоризненно.

— И все?

Алек промолчал, а лицо его сделалось таким свирепым, что привело хозяйку в ужас. Джулия видела, с каким трудом он держит себя в руках, и искренне желала, чтобы мужественности в нем было поменьше.

— Знай вы, как сильно страдала Люси, вы бы смягчились.

Он снова посмотрел на нее — на этот раз с горечью, со злой обидой на несправедливую судьбу. Она что, думает, что он не страдал? Раз он не плакался всем и вся, она думает, ему все равно? Алек вскочил и бросился в другой конец комнаты. Ему не хотелось, чтобы эта женщина, при всей ее доброте, видела сейчас его лицо. Он не из тех, кто влюбляется в первую встречную красотку. Всю жизнь он знал свой идеал. Алек в ярости обернулся к Джулии.

— Вы не понимаете, что значила для меня любовь. Я словно прожил всю жизнь в тюрьме, а потом вошла Люси и вывела меня оттуда за руку. Впервые я дышал райским воздухом свободы.

Стиснув зубы, он вдруг оборвал свою речь. Нет, он не скажет ей, как мучился, как не желал смириться, когда нахлынула боль. Никто не узнает всю глубину его страданий, его отчаяния. Он

не поддастся. Алек чувствовал, что если сейчас перестанет сдерживаться, то просто расплачется горючими слезами. На мгновение он вдруг возненавидел Джулию за то, что та раскрыла его слабость. Она же, видя его крайнее душевное волнение, отвела глаза и не проронила ни слова. С глубоким беспокойством Джулия ощущала, как тяжело даются Алеку попытки овладеть собой. Ей хотелось подойти и утешить, но Джулия знала — он не позволит. Алек будет сражаться в одиночку.

Наконец Алек взял себя в руки и снова заговорил. Теперь голос его дрожал, звучал хрипло и тихо:

— Любовь была моей единственной человеческой слабостью. Эта горькая чаша предназначалась мне — и я выпил ее до самого донышка. Я должен был понимать, что легкая и счастливая жизнь — не для меня. Для меня в этом мире есть другая работа.

Он помолчал и продолжил уже спокойнее:

— Я справился с последним искушением и теперь готов взяться за дело.

— Но разве вам не жаль себя? И подумали ли вы о Люси?

— Все, что я совершил, я совершил ради Люси

— надо ли вам это объяснять? Я все еще люблю ее всем сердцем.

Голос Маккензи звучал спокойно и отстраненно, без всякой горечи. Он и правда выиграл свое сражение. В глазах Джулии стояли слезы, она не могла говорить. Алек шагнул вперед и пожал ей руку.

— Не плачьте, — сказал он с улыбкой. — Вы должны нести свет тем, кому не выпало столь радостной участи. Будьте всегда счастливы, как ребенок.

— Спасибо, я запаслась платками, — всхлипнула она и рассмеялась.

— Забудьте всю чепуху, что я здесь нес.

Он снова улыбнулся и вышел.

Дик сидел у себя в спальне и читал вечернюю газету. Джулия в слезах бросилась в его объятия.

— Ах, Дик, я так чудесно поплакала, и еще я так счастлива и одновременно в отчаянии. И наверняка у меня до сих пор нос красный.

— Дорогая, я давным-давно понял, что ты плачешь потому, что тебе единственной во всем мире это очень к лицу.

— Не будь таким грубым и бесчувственным. По-моему, Алек Маккензи просто душка. Я хотела его поцеловать, но побоялась, что он умрет от

страха.

— И правильно. Он счел бы тебя развязной и бесстыжей.

— Жаль, нельзя выйти замуж и за него тоже! — воскликнула Джулия. — Алек был бы замечательным мужем.

Глава XXI

Для Алека эти дни шли в приготовлениях к экспедиции, а для Люси — в тревожном ожидании. Два последних месяца в ее душе шла борьба. Любовь росла в ее сердце, словно могучее лесное дерево, прочным корням которого не страшны никакие бури. Приличия, стыд, здравый смысл больше ничего не значили. Люси молила, чтобы смерть милосердно избавила ее от жуткой неопределенности. Вялая и испуганная, она презирала себя за слабость. Иногда она негодовала на судьбу, которая принесла ей одни несчастья; ведь она всегда исполняла свой долг, смиренно следовала правилам — однако все, что было ей дорого, обращалось в пыль при первом прикосновении. Иногда Люси тоже думала, что не предназначена для счастливой жизни. Ей полагалось ненавидеть Алека — а она не могла. Его поступок должен был ввергнуть ее в бездну ужаса, но Люси, как ни старалась, не могла поверить в его лживость и трусость. Она твердо вознамерилась сдержать данное Роберту Боулджеру слово, однако тот сам вернул ей свободу.

Как-то раз он зашел к ней и, немного поболтав о пустяках, выпалил:

— Люси, я прошу у тебя разрешения расторгнуть нашу помолвку.

Сердце девушки чуть не выпрыгнуло из груди, и она мелко задрожала. Бобби продолжал:

— Мне стыдно в этом признаться, но я люблю тебя недостаточно, чтобы жениться.

Она молчала. Слезы наворачивались на глаза. Бобби говорил так жестоко, что в благородстве его намерений не оставалось сомнения.

— Раз ты так думаешь, больше и говорить нечего, — ответила она.

Он посмотрел с такой тоской, что у нее уже не осталось сил на очевидное им обоим притворство.

— Я недостойна твоей любви! — воскликнула Люси. — Со мной ты будешь несчастен.

— Дело не во мне, — отозвался он. — Тебе незачем быть несчастной.

— Бобби, ради тебя я пойду на все, что пожелаешь.

— Я не могу жениться на тебе, если ты согласна только из жалости. Думал, что смогу, но нельзя такого от тебя требовать. Давай больше не будем об этом говорить.

— Мне очень жаль, — прошептала она.

— Ты все еще любишь Алека Маккензи.

Бобби надеялся, что она станет протестовать, хотя в глубине души знал — этого не случится.

— Да. И буду любить, несмотря ни на что. Я ничего не могу поделать.

— Это судьба.

Она стремительно поднялась.

— Бобби, неужели нет надежды, что все как-то разъяснится?

Он чуть помолчал. Вопрос был очень тяжелый.

— Теперь, когда все успокоились, ты должна знать: многие не верят Макиннери. Выяснилось, что этот человек — исключительный мерзавец, которого облагодетельствовал Маккензи.

— А ты все еще веришь, что Джордж погиб из-за Алека?

— Да.

Люси откинулась на спинку кресла и подперла голову рукой, словно над чем-то серьезно задумалась.

— А ты? — спросил Бобби.

— Нет, — твердо заявила она.

— Но почему?

— Потому что люблю его.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю.

Бобби встал, нежно поцеловал Люси и вышел. Больше они не виделись, а через пару дней девушка узнала, что Бобби куда-то уехал.

Люси решила, что должна увидеть Алека до его отъезда, однако из робости не решалась ему написать. Она боялась, что тот ответит отказом, и не хотела навязывать встречу, если он не желает ее видеть. Девушке хотелось от всего сердца попросить прощения. Унылая ноша ее жизни станет легче, если она увидит, что Алеку хоть чуточку ее жаль. Увидев, как ей тяжело, он непременно ее простит.

Однако время шло и приближался тот день, на который, по словам сиявшей от собственного счастья Джулии, был назначен его отъезд.

Джулия тоже много размышляла. После разговора с Алеком она не могла просить его увидеться с Люси, поскольку заранее знала ответ. Его ничто не убедит. Он не сомневался, что разговор причинит и ему, и Люси одни лишь страдания, и не желал рисковать, поскольку его душевные раны едва зажили. Джулия решила взять дело в собственные руки. Алек уезжал на следующий день и обещал заглянуть к ним ближе к вечеру, чтобы попрощаться. Джулия пригласила и Люси.

Дик был в ужасе.

— Это чудовищно! — воскликнул он. — Нельзя так поступать с человеком.

— Я знаю, что чудовищно, — ответила она. — У американки в Англии есть одно преимущество: иногда можно совершать чудовищные поступки. Мы для вас вроде индейцев, от нас всего можно ожидать. В Америке я подчиняюсь строгим правилам. Нельзя курить на публике, нельзя обедать с мужчиной в ресторане. Там благопристойное общество, и я в нем — образец благопристойности. Англичане же уверены, что в Нью-Йорке нет ни запретов, ни условностей, а американские женщины делают что хотят, поэтому здесь я могу пускаться во все тяжкие — никто и бровью не поведет.

— Но, дорогая, есть же еще приличия.

— Бывают случаи, когда нужно отбросить приличия, — возразила она.

— Алек тебя никогда не простит.

— Мне все равно. Я думаю, ему обязательно нужно увидеться с Люси. Если я попрошу, он откажет — значит, нечего давать ему такую возможность.

— А что, если он просто откланяется и уйдет?

— Он обещал вести себя безукоризненно.

— Я умываю руки, — заявил Дик. — По-моему, это совершенно недостойно.

— Не спорю, — согласилась она. — Но я — слабая женщина — понятия не имею, что достойно, что уместно. Так что позволь мне воспользоваться преимуществами слабого пола.

Дик с улыбкой пожал плечами:

— Кровь твоя на главе твоей.

— Если погибнуть — погибну[10].

Так и получилось, что о приходе Люси объявили минут через десять после появления Алека в уютной гостиной Джулии. Чтобы сгладить неловкость, хозяйка бурно приветствовала девушку. Алек сильно побледнел, но ничем не выказал смущения. Один Дик был в замешательстве — он не мог подобрать нужных слов и был явно рассержен.

— Как замечательно, что ты пришла, — сказала Джулия, намекая Алеку, что она ждала появления Люси.

Люси бросила на него быстрый взгляд и покраснела. Алек поднялся и шагнул к ней, протягивая руку для приветствия.

---

[10] Примечания: 10

Дик и Джулия играют библейскими цитатами. «…кровь ваша на главах ваших…» — Деяния 18:6; «Если погибнуть — погибну». — Эсфирь 4:16. Обе цитаты даны в синодальном переводе.

— Добрый вечер, — сказал он. — Как поживает леди Келси?

— Спасибо, ей гораздо лучше. Она ведь ездила со мной в Спа поправить здоровье.

У Джулии перехватило дыхание. Взволнованная их встречей, она находила особую романтику, знак современной цивилизации в том, что эти двое, охваченные пламенем страсти, вынуждены обмениваться принятыми в обществе банальностями. Оправившийся от минутного замешательства Алек был крайне вежлив.

— Кто-то говорил мне, что вы уезжали за границу, — сказал он. — Случайно, не ты, Дик? Дик поразительный человек — ходячий справочник светских сплетен.

Дик суетливо придвинул Люси стул и помог ей снять пальто.

— Прошу прощения, я не зашел к леди Келси перед отъездом, — сказал Алек. — Так много дел.

— Ничего страшного, — ответила Люси.

Джулия следила за Алеком. Он собирался и дальше поддерживать ничего не значащую беседу, словно Люси ему просто знакомая. Добродушные нотки в его голосе отлично скрывали любые проявления чувств. Она была в замешательстве.

— Лондон помогает человеку понять свое место в мире. Занимаешь определенное положение, считаешь себя важной персоной — но стоит только уехать и вернуться, как с удивлением обнаруживаешь, что твоего отсутствия никто и не заметил.

Люси слабо улыбнулась. Дик наконец успокоился и пришел на помощь.

— Алек, если бы ты не скромничал, то уже был бы великим человеком. Вот я всегда напоминаю друзьям о собственной незаменимости, и они любят поймать меня на слове.

— На твоем легкомыслии, как на дрожжах, поднимается густое тесто британской праведности, — улыбнулся Алек.

— Говорят, мудр тот, кто принимает серьезно лишь несущественное.

— Конечно, ведь гораздо мудрее предаваться утонченному безделью, чем быть министром, — заметил Алек.

— Вот это комплимент, Алек! — воскликнул Дик. — Ты повторяешь мои любимые слова.

Джулия перевела на него спокойный взгляд.

— Разве ты не говорил, что лишь невозможное стоит усилий?

— Боже правый! — воскликнул Дик. — Навер-

ное, я просто цитировал изречение из школьной прописи.

Люси чувствовала, что надо что-то сказать. Она смотрела на Алека, и ее сердце обливалось кровью.

— Ты едешь в Саутгемптон? — спросила она Дика.

— Да, — ответил тот. — Поплачу горючими слезами, припав к груди Алека. Выйдет очень трогательная сцена, ведь в моменты душевного волнения я всегда срываюсь на эпиграммы.

Алек вскочил на ноги. Его мрачный вид контрастировал с веселой болтовней Дика.

— Ненавижу торжественные проводы, — заявил он. — Мне больше нравится прощаться с человеком кивком головы или улыбкой — не важно, уезжаю я навсегда или на денек в Брайтон.

— Я всегда говорил, что ты бесчеловечное чудовище, — сказал мистер Ломас и невесело рассмеялся.

Алек с мрачной улыбкой обратился к Джулии:

— Двадцать лет Дик твердит мне, что к жизни нужно относиться без лишнего почтения. Наконец я понял: серьезно то, что ты сам считаешь серьезным, — а это попросту глупо. Трудно быть серьезным, не будучи глупым. В этом главная си-

ла женщин: жизнь и смерть для них лишь повод появиться в новом платье; брак — возможность надеть белое; а церковная служба — шанс показать новую парижскую шляпку.

Джулия поняла, что Алек и дальше собирается сводить разговор к дружескому подшучиванию, причем с такой суровостью, что она с трудом сдерживала улыбку. В каждом его слове слышалась горечь, в каждом звуке — мучительная страстность. Джулия была полна не меньшей решимости устроить так, чтобы эта неловкая для всех встреча не прошла даром, и потому перешла сразу к делу. Она встала.

— Вам двоим есть что сказать друг другу наедине.

Понимая, что его загнали в угол, Алек помрачнел, но она была непреклонна.

— Мне нужно отправить в Америку несколько писем, а Дик пока проверит, не погрешила ли я где-нибудь против британской орфографии.

Алек и Люси молчали, и хозяйка без колебаний вывела мужа из комнаты. Они остались вдвоем, но поначалу оба боялись заговорить.

— Я только сейчас поняла, что ты не ждал моего прихода, — наконец сказала Люси. — Я не знала, что тебя завлекли сюда обманом, иначе ни за что

не пришла бы.

— Я рад возможности с тобой попрощаться, — ответил он.

Девушка подумала, что ей ни за что не пробиться сквозь эту подчеркнутую вежливость.

— Как хорошо, что Дик с Джулией теперь муж и жена. Они так любят друг друга.

— Я думаю, что любовь — худший повод для брака, — ответил Алек. — Любовь создает иллюзии, а брак их разрушает. Те, кто правда любит, не должны жениться.

Снова повисла тишина, и снова ее нарушила Люси:

— Ты уезжаешь завтра?

— Да.

Она посмотрела на Алека, но тот отвел глаза. Он отошел к окну и стал смотреть на шумную улицу.

— Ты рад, что уезжаешь?

— Ты не представляешь, какое это счастье — смотреть на Лондон в последний раз. Я мечтаю о бескрайних и чистых морских просторах.

Люси сдавленно всхлипнула. Алек вздрогнул, но не повернулся. Он по-прежнему разглядывал вереницу кебов и автобусов в тусклых лучах осеннего солнца.

— Что же, Алек, ты ни о ком не будешь скучать?

Его сердце сжалось. Она назвала его по имени. Для Алека это всегда было как ласка. Едва с губ Люси сорвалось его имя, мучительная боль тут же вернулась, но Маккензи не подал виду. Он обернулся и серьезно посмотрел на девушку. Впервые за вечер он не боялся ее взгляда. Произнося заготовленные слова, он вдруг увидел изящный овал ее лица, ее чудесные, мягкие волосы и печальные глаза.

— Как видишь, Дик теперь женат, так что мне лучше отступить в сторону. Когда у мужчины появляется жена, прежним друзьям полагается уйти из его жизни по доброй воле, прежде чем он сам укажет им, что больше не ищет их общества.

— А кроме Дика?

— У меня нет ни друзей, ни родственников. Я не тешу себя надеждой, что хоть кого-то опечалит мое отсутствие.

— Наверное, у тебя совсем нет сердца, — хрипло прошептала она.

Алек стиснул зубы. Он был зол на Джулию, подвергнувшую его этой пытке.

— Будь у меня сердце, я ни за что не взял бы его с собой в «Карлтон». Столь чувствительный

орган в таком месте был бы в опасности.

Люси вскочила на ноги.

— Ах, почему ты говоришь так, словно мы чужие люди? Откуда эта жестокость?

— Легкомысленная болтовня — единственная защита от человека, с которым тяжело говорить. Нам обоим стоит стать мудрее и беседовать только о погоде.

— Ты злишься, что я пришла?

— С моей стороны это было бы невежливо. Возможно, нам не стоило больше встречаться.

— Все время, что я здесь, ты притворяешься. Думаешь, я не вижу, что все это циничное безразличие — ненастоящее? Я достаточно знаю тебя, чтобы определить, когда ты прячешься под маской.

— Если так, то, очевидно, я желаю скрыть свои истинные чувства.

— Лучше бы ты проклял меня, но отбросил эту холодную вежливость.

— Боюсь, тебе нелегко угодить, — сказал он.

Люси бросилась к нему, но Алек отступил, не давая к себе прикоснуться. Ее протянутые руки безжизненно повисли.

— Ты словно стальной! — жалобно воскликнула она. — Алек, Алек, как я могла отпустить

тебя, не увидев в последний раз? Даже ты был бы доволен, если бы знал, что мне довелось вынести. Даже ты бы меня пожалел. Не думай обо мне слишком плохо.

— Разве важно, что я думаю? Между нами будет пять тысяч миль.

— Ты совершенно меня презираешь.

Алек покачал головой. Его жестокое притворное спокойствие куда-то исчезло. Он больше не прятал собственной боли, а голос его чуть дрожал от избытка чувств:

— Для этого я слишком сильно тебя любил. Поверь, я от всего сердца желал тебе только добра. Теперь, когда горечь ушла, я вижу, что у тебя не было другого выбора. Надеюсь, ты будешь очень счастлива. Роберт Боулджер чудесный парень и наверняка будет тебе куда лучшим мужем, чем я.

Люси покраснела до корней волос. Сердце девушки замерло, она даже не пыталась скрыть волнение.

— Тебе сказали, что я выхожу за Роберта Боулджера?

— Разве нет?

— Что за жестокость, что за убийственная жестокость! Мы были помолвлены, но он освободил

меня от данного обещания. Он понял: несмотря ни на что, я люблю тебя сильнее жизни.

Алек молча опустил глаза. Он даже не шевельнулся.

— Алек, ну не будь же таким безжалостным! — простонала Люси. — Не бросай меня без единого доброго слова.

— Ничего не изменилось, Люси. Ты прогнала меня, потому что я виновен в гибели твоего брата.

Люси стояла перед ним, заложив руки за спину и глядя ему прямо в глаза. Она заговорила — тихо и спокойно, как будто с невероятным облегчением:

— Тогда я тебя ненавидела, но все равно не смогла убить любовь, что была в моем сердце. Только из страха перед собой я согласилась выйти за Бобби. Согласилась, но не смогла. Мне было страшно оттого, что я все равно тебя люблю. По отношению к Джорджу это выглядело гнусным предательством, но любовь пылала в моем сердце по-прежнему. Я старалась гнать все мысли о тебе, но каждое твое слово возвращалось ко мне снова и снова. Помнишь, ты говорил, что делал все ради меня? Эти слова гремели в моем сердце ударами молота. Я пыталась им не верить, я твердила, что

ты послал Джорджа на смерть — расчетливо и хладнокровно, а любовь отвечала, что это не так. На одной чаше весов лежала вся твоя жизнь, а на другой — лишь эта мерзкая история. Ты не мог в одно мгновение стать другим. За эти три месяца мучений я узнала тебя лучше… и теперь стыжусь своего поступка.

— Стыдишься?

— Сегодня я пришла сказать тебе, что не понимаю причин, по которым ты это сделал, и не хочу понимать. Теперь я верю тебе целиком и полностью. Верю так, как другие женщины — получше меня — верят в Бога. Я знаю, что ты все сделал правильно — просто потому, что это сделал ты.

Мгновение Алек смотрел на нее, а потом протянул руку.

— Боже, — сказал он, — как я тебе благодарен.

— Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

— Пойми, уже слишком поздно. Теперь все не важно, ведь завтра я уезжаю навсегда.

— Но ты вернешься.

Он презрительно усмехнулся:

— Эту экспедицию в Конго мне поручили с такой радостью потому, что никто больше не соглашался. Я отправляюсь в ту часть Африки, откуда европейцы возвращаются очень редко.

— Какой ужас! — воскликнула она. — Не надо ехать туда, милый! Я этого не переживу!

— Придется. Все уже готово, пути назад нет.

Она в отчаянии отпустила его руку.

— Неужели я больше ничего для тебя не значу? — прошептала девушка.

Алек посмотрел на нее, но не ответил. Люси отошла, рухнула в кресло и зарыдала.

— Люси, прекрати! — Его голос вдруг дрогнул. — Не надо все усложнять.

— Ах, Алек, Алек, разве ты не видишь, как я тебя люблю?

Он склонился над девушкой, нежно провел рукой по волосам и шепнул:

— Будь храброй, милая.

Она подняла голову и схватила его за руки.

— Я не могу жить без тебя. Я слишком долго страдала. Останься, если я хоть что-то для тебя значу.

— Я люблю тебя всем сердцем, но теперь уже не могу остаться.

— Тогда возьми меня с собой! — закричала она. — Позволь мне тоже ехать.

— Тебя?

— Ты ведь не знаешь, на что я способна. С твоей помощью я буду храброй. Возьми меня, Алек!

— Это невозможно. Ты не понимаешь, чего просишь.

— Тогда позволь мне ждать тебя. Я буду ждать твоего возвращения.

— А если я никогда не вернусь?

— Я все равно буду ждать.

Он положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза, словно пытаясь заглянуть ей прямо в душу. Люси чувствовала себя такой слабой. Лицо Алека едва виднелось сквозь пелену слез, но она попыталась улыбнуться. Тут он без единого слова обнял ее, и она, рыдая от счастья, уронила голову ему на плечо.

— У тебя хватит смелости ждать меня? — спросил Алек.

— Я верю тебе, ведь я знаю, что ты меня любишь.

— Тогда не бойся. Я вернусь. Опасность экспедиции была в том, что я хотел умереть. А теперь я хочу жить — и я буду жить.

— Ах, Алек, как я рада, что ты меня любишь!..

А за окном громко звенели автобусы, и транспорт, ревя, грохотал по дощатым мостовым. Цокали подковы лошадей, машины гудели, а электромобили мчались мимо со странным металлическим стрекотом…

Сомерсет

МОЭМ

Покоритель Африки

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Сомерсет Моэм. Человек поразительной судьбы, писатель, совмещавший литературный труд с миссией тайного агента. Однако в истории мировой литературы он оставил заметный след прежде всего как непревзойденный мастер прозы — как автор, в совершенстве овладевший тончайшим искусством рассказчика и обладавший уникальным даром романиста...

«Покоритель Африки» — роман, написанный Сомерсетом Моэмом в 1907 году и впервые публикуемый на русском языке, — является одним из ключевых произведений раннего творчества писателя. В нем впервые появляются мотивы, которые впоследствии станут отличительными для Моэма — экзотическое место действия, острый сюжет и глубокий психологизм.

Печальная история Люси Аллертон, ее поклонника — путешественника, исследователя и настоящего джентльмена Алека Маккензи и ее нервного легкомысленного младшего брата Джорджа захватывает, удерживает в напряжении. Человеческая трагедия, угадываемая за перипетиями сюжета, завораживает своей подлинностью и неподдельностью.

ISBN 978-5-271-38930-4

Сомерсет МОЭМ
Покоритель Африки
КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Сомерсет Моэм. Человек поразительной судьбы, писатель, совмещавший литературный труд с миссией тайного агента. Однако в истории мировой литературы он оставил заметный след прежде всего как непревзойденный мастер прозы — как автор, в совершенстве овладевший тончайшим искусством рассказчика и обладавший уникальным даром романиста…

«Покоритель Африки» — роман, написанный Сомерсетом Моэмом в 1907 году и впервые публикуемый на русском языке, — является одним из ключевых произведений раннего творчества писателя. В нем впервые появляются мотивы, которые впоследствии станут отличительными для Моэма — экзотическое место действия, острый сюжет и глубокий психологизм.

Печальная история Люси Аллертон, ее поклонника — путешественника, исследователя и настоящего джентльмена Алека Маккензи и ее нервного легкомысленного младшего брата Джорджа захватывает, удерживает в напряжении. Человеческая трагедия, угадываемая за перипетиями сюжета, завораживает своей под-

линностью и неподдельностью.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.